

Ксения Акула

Игры с огнем

Annotation

Никогда не думала, что студенческая жизнь так насыщена событиями из ряда вон выходящими, а преподаватель английского может оказаться настоящим драконом. А еще никогда не думала, что придется выбирать между обычной жизнью в своем родном мире и жалким существованием в мире ином, и предпочесть последнее...

Таинственный свет проникал сквозь колышущуюся пелену света. Дракон схватился за белый гипсовый барельеф Врат и глубоко вздохнул. Он был далеко не молодым и не опытным драконом, едва покрывшимся чешуей, но то, что ожидало его за этой непрозрачной поверхностью, может раз и навсегда изменить всю его жизнь и даже убить, лишив души и собственного я.

Никто еще не жил в ином мире так долго, как предстояло ему, ни один дракон не ступал туда для того, чтобы вернуться с жертвой. И где он должен ее искать? Мир за Вратами огромен и необъятен, он поражает теми противоречивыми эмоциями, которыми наполнен каждый живущий там. Как он поймет, кто должен стать жертвой?

— Чего ты медлишь? На кон поставлено слишком многое! — отвлек его от неприятных мыслей еле слышимый голос Хранителя.

Дракон отошел от Врат и снова перевел дыхание. Нужно показать этому ящеру, что он не трусит, что просто еще раз взвешивает все «за» и «против».

— Это непростое решение, Серый, мне нужно сосредоточиться на жертве, ты сам сказал, но я не могу понять, на чем именно мне нужно сфокусировать внимание. Как хоть она должна выглядеть?

— Откуда же мне знать? В пророчестве ни слова не сказано о ее внешности, но тебя спасает уже то, что говорится о драконице. Ищи юную девушку с зачатками магии! Думай о наезднице, представляй себе ту, которая станет отныне не просто вершительницей судеб, но и твоей нареченной.

Легко сказать! Подумаешь, найти девушку с даром к магии. Я ее вынюхивать что ли должен! Премиленькая картинка вырисовывается: идет себе ни о чем не подозревающая жертва, а тут из-за угла на нее набрасывается сумасшедший мужик и начинает ее обнюхивать.

Мало того, с жертвой нужно установить непрерывный зрительный контакт и нащупать ее источник. Как он будет это делать, интересно?

— Нет, это одно сплошное недоразумение! Прости, я не готов рисковать собой ради призрачной надежды. Хранитель взвился и начал частить такими словечками, что у дракона волосы на голове встали дыбом.

— Ничего себе служитель истины и последний сын веры! Ты когда в последний раз открывал книги с обращениями к прадракону?

— Отстань! — злобно гаркнул дракон в сером балахоне. — Сейчас такие времена, что нужно не на коленях стоять, а действовать!

— Так почему бы тебе самому не шагнуть в портал? Почему я? — упрямылся собеседник.

— Потому что я все сделал для того, чтобы ты здесь оказался. Воспитывал тебя с самого детства с верой, что этому миропорядку с твоим взрослением придет конец. Думаешь, откуда в голове эта маниакальная идея покончить с правлением императора раз и навсегда?

Дракон нахмурился и сжал кулаки.

— Так, значит, тебя надо благодарить за то, что я не вписываюсь в местное общество по всем параметрам. Интересная правда выплывает наружу. Что еще ты от меня скрывал?

— Многое, — буркнул взбесившийся Хранитель и стал мерить шагами пространство

подле Врат. — Ты прекрасно осведомлен о моей магии, но она не всесильна, а жаль. Тогда бы я смог впитать в себя силу этого Храма, омолодиться и сделать все сам. Но мне пришлось очень долго ждать подходящего случая и мое терпение на исходе. Ты обладаешь магией и способен жить в мире людей, как дракон, получать от меня энергию, питаться ею от самих Врат. Твое положение в обществе — это последствия только твоих поступков, я тут не причем, поверь мне. Ты особенный дракон, первый черный дракон, рожденный в семье аристократов. Я жаждал этого мгновения и постарался вложить в тебя всю силу и магию, какую твой организм смог воспринять и освоить, — хранитель на минуту замолчал и о чем-то задумался, а дракон снова подошел к portalу. Этот прямоугольник с золотистым сиянием притягивал его к себе.

— Отлично, тогда назови мне сейчас одну-единственную причину, которая заставит меня совершить этот маленький шаг в огромный иной мир.

Серый задумался, а потом выдал:

— Ты, наконец, обрешь ту, которую так долго ждал, вам сама судьба велит быть вместе. Ты же знаешь, пророчество нельзя стереть с камня.

И тогда он закрыл глаза и вошел в портал.

Часть первая. Мирская

Глава первая. Как все начиналось

Я стою у истока чистой воды,
Наблюдая его первозданную свежесть.
Он спасает меня от жестокой беды.
Средь природы загубленной — светлая верность...

Вся эта история началась с мусорных пакетов. Я до сих пор помню примерное их содержание: пивные бутылки (пластиковые и, кажется, одна стеклянная), смятые пачки из-под чипсов и использованные презервативы. Гадость, просто ужасная, отвратительная сторона прекрасного, когда его опошляют и принижают до инстинктов.

Моя семья поселилась в стандартной панельной пятиэтажке. Желтые стены, уже облезлая штукатурка, хотя дом сдан всего три года назад. Одно хорошо — современные широкие лифты — не пришлось тащить на себе тяжеленный евро-матрас — просто запихнули в кабину и нажали кнопку. Соседи с самого начала тоже особо не расстраивали — молодые семьи с детьми, такие же, как и мы, купившие свое первое (второе) жилье в ипотеку. Это последнее страшное слово имеет здесь первостепенную важность! Чтобы как-то продержаться на плаву, каждый месяц выплачивать бешеные проценты прожорливому банку, люди идут на что угодно, зачастую переступая грань. Правда, есть и положительные примеры. Наши соседи по тамбуру жили в однушке всего полгода, по истечении которого переехали в большой вместительный частный дом в черте города. Молодцы! Искренне за них рада. К сожалению, пример единственный, остальные и привели к написанию этой истории. Итак...

Я всегда была обыкновенным ребенком, не то, что мой брат! Как там говорится? И отец и на дуде игрец... Он у нас рисовал, стихи сочинял, в Америке жил! Мое персональное я нередко страдало под гнетом родительских слов: «Поучилась бы у старшего брата, как жить-то надо!». Но учиться не получалось. Грабли, на которые единожды наступив получаешь неоценимый опыт, попадались под мои ноги постоянно и приносили с собой только синяки и ушибы и ничего познавательного.

Я окончила среднюю школу, с трудом продралась в университет (не самый престижный, но и не захудалый), перешла на второй курс и захотелось мне самостоятельности. Действительно, сколько можно на шее у родителей висеть? Вон и Анфиса (подружка закадычная) предлагает квартиру снять к универу поближе. Мы с ней даже пару вариантов уже посмотрели, не сказав об этом никому ни слова. Страшно представить, как мои консервативные родители отреагируют на отъезд. Так и слышу мамины вопли о том, как мир распустился и сейчас все девочки курят и не стесняются даже! А все мальчики... ох... Я даже чуть не всплакнула. Моей маме точно тревожиться о мальчиках не стоит. Если у Анфисы ко второму курсу универа уже толпа поклонников была, то обо мне и речи не шло.

Вроде не страшная, не кривая, а не везло и все тут. Однажды на первом курсе в клубе привязался один — ниже меня ростом, хотя и я считаюсь малявкой — метр шестьдесят пять еле дотянула. Перегаром от него разило за километр и волосы от грязи лоснились — жуть, в общем. После той ночи я от парней шарахалась, как от чумы. До сих пор липкие объятия и слюнявые поцелуи в кошмарах снятся, но Анфиса не унималась. Ей все казалось, что я сама-то и отпугиваю всех нормальных кандидатов своим неприступным видом! А на самом деле я только и делала, что смотрела. Что мне еще оставалось? Кидала завистливые взгляды на более удачливую Анфису и ее очередного ухажера, но без взаимного чувства виснуть на шее у первого встречного не хотелось, а чувство все не приходило. Хотя за Анфису я рада, молодец подруга, что берет от жизни все. Когда, как не сейчас, будучи студенткой, отрывать по полной! Там работа начнется, муж и дети, а сейчас... Но почему у меня все не так!

— Маша! Мария! — нервный окрик мамы вывел меня из состояния себяжаления и я поплелась на кухню.

— А?

— Мусор вынеси! Вон уже второй пакет набирается. Без брата и о матери позаботиться некому. Один на работе сутками пропадает, другая в учебники носом зарылась, а о маме и вспомнить некогда, одна, как пчелка тружусь, хоть бы сами помочь догадались. Где там! Все вас носом тыкать приходится.

Я вытаращила глаза, схватила пакеты и выбежала за дверь. У мамы очередной приступ сердитости, а этого лучше избегать, если собственное здоровье тебе дорого. Вот и неудивительно, что мы с папой стараемся как можно реже сталкиваться с мамой.

— Ффу! — не удержалась я от восклицания. — Гадость же какая! — уже более громко прокричала в пустоту подъезда.

Нет, ну как так можно! Что за люди! Вывалили пакеты с мусором прямо у лифта! Уже совсем ох. ли, мать их! Я так-то ругаться вообще не мастер, не научили, что называется. Мама с папой из учительских семей, образованные, культурные, а я учусь на инязе — отбиваться от семейства не стала, поэтому и ругаться привычки нет. Но тут такое! Наши соседи по лестничной площадке настоящие моральные уроды. Приехали из какой-то богом забытой деревни, купили однокомнатную дешевую квартиру и зажили в ней так, как будто на милю вокруг ни одной живой души нет. Целыми днями сплошные пьянки-гулянки, выяснение отношения и битые бутылки. Вот и теперь из пакета явственно несло пивным духом и прочим непотребством. Нет, вы не подумайте, что я присматривалась, но все и так в глаза бросалось, а остальные соседи молчат. Боятся они что ли неадекватных этих? Мама с папой тоже не связываются, они у меня интеллигенты, не знают, как с такими нелюдями диалог построить. Но не терпеть же это до скончания веков! Нет, нужно съезжать и как можно скорее. Прямо сейчас позвоню Анфиске и соглашусь на съем той квартирki рядом с парком, которую мы на прошлых выходных присмотрели. Пусть кровать одна и никакой другой мебели там нет и в помине, а в душевой облупившиеся стены и сантехника времен сталинской эпохи, все же лучше, чем терпеть этот вертеп и не иметь возможности что-то исправить. Я поддела ногой один из пакетов по направлению от лифта к дверям соседской квартиры — пусть уткнуться носом в свое дерьмо, как только дверь откроют.

— Эй, наркоманка) Совсем обнаглели! Куда свой мусор бросаешь!

Я не ожидала, конечно, что двери откроются так быстро, и встала как вкопанная по команде смирно, а отреагировать стоило бы, ведь я не то, что наркотиками никогда не

баловалась, но и курением и спиртным не увлеклась.

— Я... эээ...

— Чего мычишь? Убери быстро, а то...

Что «а то» парень договорить не успел, на его вопли из квартиры выплыла моя мама.

— Маша, почему так долго, что это ты тут делаешь? — и замерла перед картиной Пикассо, иначе не назовешь: мазок моего ошарашено-перекошенного лица, половина парня, высунувшегося из-за двери, и порванный пакет с непотребным содержимым, разбросанным там и тут.

— Здравьете, — очухался парень, — так она ваша?

— Ммоя, — как-то неуверенно прокомментировала мама.

— Так забирайте! Ну! — парень отодвинул дверь пакет с мусором и перешагнул через него.

Ого! — я мысленно открыла было рот, но тут же спохватилась и отвела глаза. А парень-то хоть куда. Высокий, с черными волосами, собранными в хвост и перетянутыми ремешком в несколько раз, как у индейцев. В вороте черной рубашки видны татуировки, которые тянутся от груди к самой шее и куда-то за нее. Лицо чуть вытянутое, на подбородке ямочка, нос прямой и с горбинкой — породистый, а губы... Ммм... Очень красиво очерчены...

— Долго тут торчать пнем будешь? Уходи, говорю!

— Маша, домой, живо! — перешла мама на крик.

Я себя ждать не заставила, юркнув мимо статного красавца и мамы в тамбур, заперлась в своей комнате и схватила мобилу. Нет, Анфисе точно нужно рассказать о моем соседе. Он, видимо, действительно непричастен к хламу на площадке, а значит, соседи сдают свою халупу, или пропили ее, или еще что-то. Главное, что не живут там больше. Переезд подождет, я должна поговорить с ним еще раз, просто обязана узнать, кто он и что он...

— А зачем? — удивилась Анфиса, выслушав мою сбивчивую речь.

— Как зачем, Анфиска? Он такой... такой... Ты просто представить себе не можешь! У него татушка крутая, вьется по груди. Руки ты бы видела, как у качка.

— Он вроде в рубашке был?

— Я разглядела — упорствовала на своем, — помоги.

— Вот тебе раз! — выпала на том конце Анфиса. — Ты, Маша, должна заканчивать со своей девственностью, а то по весне начнешь на мужиков кидаться. Вон и этого чернявого чуть слюной не забрызгала.

— Глупая ты, Анфис, — обиделась я.

— Это ты, Маша, ведешь себя как ребенок. Ну понравился тебе парень и что дальше? Сходи к нему, по-соседски соли попроси. Или извинись, что мусор вывалила под дверь, мол, случайно вышло, только меня не приплетай. Я за ручку в таких делах держать не привыкла и не умею.

— А ты пробовала? — обиделась я уже не на шутку, что ей жалко рядом постоять.

— Нет, Маша, не пробовала и не собираюсь. Тебе лет-то сколько?

— Восемнадцать вроде.

— Вот и веди себя подобающе! На все восемнадцать. Очень кстати романтический возраст для потери девственности.

— Снова здорова... — прокомментировала я и положила трубку. От Анфисы помощи ждать не приходилось, и что мне теперь делать? Зачем так хочется снова увидеть этого парня? Подумаешь, выглядит необычно и пахнет странно. И только сейчас я вспомнила,

почему не могла оторваться от него — запах... Как только открылась дверь его квартиры, я почувствовала запах и какой! Не щей или там жареного лука, а свежести. Как будто передо мной распахнули ворота в райский сад, и сразу и не надышишься, и хочется вобрать в себя сразу и пение птиц, и зелень травы, и разнообразие цветовых гамм, и свежий ветерок.

Я схожу с ума, я уже сошла с ума.

— Маша! — снова послышался грозный оклик. — В магазин сходи и в этот раз без происшествий, а я побегу к тете Люсе, она мне рассаду обещала дать.

Вот так всегда. Не дадут подумать спокойно и расслабиться. То, Маша, в магазин, то, Маша, расставь книги, то помой-протри. Никакой личной жизни и никакого взросления личности — бежать нужно. Но теперь я знала точно, что сбегать никуда не стану, пока не выясню, почему этот парень так сильно на меня подействовал.

Открыв шкаф, я достала джинсовые шорты, полосатую майку и переделалась. Длинные русые волосы причесала и собрала в пучок, так спине не будет жарко, а на глаза солнцезащитные очки — сплит нещадно с самого утра — июль на дворе. Вот теперь я готова к чему угодно и даже... к походу в магазин.

Глава вторая. Препад с татухой

Украдкой время с тонким мастерством

Волшебный праздник создает для глаз.

И то же время в беге круговом

Уносит все, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток

Уводит лето в сумрак зимних дней,

Где нет листвы, застыл в деревьях сок,

Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз -

Летучий пленник, запертый в стекле, -

Напоминает в стужу и мороз

О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,

Но сохранили душу красоты.

За весь июль я больше ни разу не встретила с необычным соседом, а время шло своим чередом и летние каникулы подходили к своему завершению. В августе я и Анфиса подвязались к подготовке аудиторий к учебному году, не бесплатно, конечно, поэтому с утра и до позднего времени мы проводили в универе. Побелка стен и покраска батарей проходила вполне успешно, а вот мытье окон как-то не очень. Представьте себе окно во французском, очень сейчас модном, варианте — от пола до потолка. Такие витражи были во всех аудиториях южного крыла университета. Этим он, кстати, и славился. При моем росте нечего было и мечтать дотянуться до верха окна, даже подпрыгивая и со шваброй в руке.

— И что делать будешь, Дикая? — зубоскалил однокурсник.

— Знаешь, Дэн, — не осталась я в долгу, соорудив скорбную мину, — не тебя в помощники брать — мелковат слишком.

Попала не в бровь, а в глаз. Дэн очень гордился своим крутым звучным погонялом и не менее крутыми накачанными руками, но вот рост подкачал. Остановился парень на метре семидесяти и ни в какую дальше, и очень от этого страдал. В основном потому, что был без ума от Юленьки-чистюленьки под метр девяносто — местной дивы.

— Ну и торчи тут в одиночестве. Как есть Дикая.

Я горестно вздохнула и присела на шаткую конструкцию из ступа, водруженного на стоп. Вот что во мне не так? Неужели я не могла улыбнуться и елеиным голоском попросить Дэна мне помочь? Ведь парень он неплохой, помог бы. А что я? Надавила на больную мозоль. Правильно говорит Анфиса: я сама всех от себя отпугиваю, дело не во внешности. И прозвище мне дали правильное — Дикая. Я действительно веду себя как какая-то дамочка из высшего света, которая при любом откровенном взгляде прячется за вуаль и убегает куда подальше.

Оглядела залитую августовским солнцем аудиторию и невольно заулыбалась. Скоро за парты, уходящие по наклонной вниз, рассядутся студенты и будут грызть гранит науки. Вон и доска уже готова — сияет белизной, проектор новый пристроили на преподавательском столе. Даже плакаты повесили другие — времена Past Simple, Past...

— О чем мечтаешь, Снегирева?

Препо... - пронеслось в голове, прежде чем я подняла голову, больше никто по фамилии не назовет.

— Я тут... — и замерла с открытым ртом — быть не может!

Сосед из той дурной квартиры, с которым я столкнулась в подъезде, стоял передо мной в черных отглаженных брюках и наглухо застегнутой белой рубашке с коротким рукавом. Руки у него действительно были очень красивыми — сильным, с тонкой кистью и длинными аристократическими пальцами пианиста.

— Почему ты меня все время так пристально разглядываешь? — усмехнулся парень. — Нравлюсь?

— Да! — выпалила я первое пришедшее на ум и даже не смутилась, снова захлебнувшись его запахом. О, Боги! Как он пах! Как майское предрассветное утро, как только что распустившийся нежный цветок, умытый росой.

Я! Спятила!

— Ннет, то есть, — мой мозг совершенно вышел из строя и диктовал телу разрозненные команды. Например, мне хотелось до него дотронуться. Так нестерпимо было желание, что я даже потянулась со стула. Но тут же обоняние снова подвело, и я встала с протянутыми руками и судорожно втянула в себя воздух.

Парень смотрел на меня во все глаза и не приближался. Видимо, решил, что я слегка того. Если честно, я сама себя испугалась и жутко хотела провалиться сквозь землю.

— Знаешь что? Кажется ты немного... кхм... перегрелась. Давай-ка я тебя сниму оттуда, и ты пойдешь домой.

— Нет! — заорала как сумасшедшая и тут же — Дааа, сними меня, пожалуйста, — причем таким голосом, как будто просила раздеть догола здесь и сейчас. Права была Анфиса: скоро начну кидаться на мужиков.

— Снегирева, прекрати этот спектакль, ну-ка слезай оттуда! — уже разозлился сосед, но исполнять свое предложение и снимать меня не стал, даже на шаг не приблизился, а мне

очень этого хотелось.

— Не слезу! — я села обратно на стул в подтверждение своих слов и не сводила с него глаз. Какой взгляд! Серые стального оттенка зрачки как будто приказывали спуститься вниз и идти куда подалее, а четко очерченные чувственные губы изогнулись в полуулыбку и будто просили остаться и посмотреть, что будет.

— Твоя мать не зря назвала тебя чудачкой тогда, правда? Ты и вправду чудишь, — он как будто принял какое-то решение, но не торопился его выполнять. Я сидела и не шевелилась. Тогда парень как-то уж больно медленно сделал ко мне шаг- другой, и тут я снова сошла с ума, вернее, мое обоняние.

Волна чистейшего кристального воздуха накрыла меня с такой силой, что я выгнула голову и раздула ноздри, втягивая ее, как наркоман дорожку кокса, а в голове крутилась мысль, что я окончательно свихнулась. Но сосед, видимо, уже принял решение и, не обращая на мои причуды внимания, потянулся ко мне и стянул со стола. Руки как-то непроизвольно обернулись вокруг его шеи, на которой я увидела уже знакомые витиеватые тату. Совершенно сбрендив, я прильнула губами к рисунку и кончиком языка провела по его контурам, при этом не забывая втягивать в себя его запах. Тело под моими руками окаменело и не двигалось, а я закончила дорожку на шее и внезапно пришла в себя.

Что я творю, мать-перемать, такое! — и отпрянула от соседа с такой скоростью, что врезалась в стол и уронила на себя ступ. Сосед тоже даром времени не терял, а развернулся и чуть не бегом покинул аудиторию. Вот так штука, Машенька, ты вампир. Хотя нет, тогда бы я вцепилась в него зубами. Тогда кто я? Почему меня так одурманил его запах, почему я схожу с ума от его татушек?

— Маш, что ты с новым преподам сделала, у него волосы дыбом стояли, когда он несся по коридору? — вопрошала у меня Анфиса, входя с ведрами и тряпками.

— С к. каким п. преподам? — промямлила я и осела на поп.

— С Драко Малфоем, он у нас в этом учебном году Кислицыну заменит, она в декрет ушла.

Я совсем притихла. Почему у нас на факультет эта ужасная привычка всем с первого дня знакомства давать какие-нибудь погоняла?

— Почему Драко Малфой, — спросила я удивленно. Я бы, скорее, назвала его Драко Всемогущий или Бог Рассвета майского утра.

— Говорят, — почему-то шепотом ответила подруга, — у него татуха на груди в виде дракона с разинутой пастью и огненными языками пламени.

— А Малфой причем?

— Да ни при чем! — разозлилась подруга. — Он же Препод, вот и дали ему Имя Отчество — Драко Малфой.

— А на самом деле? — не унималась я.

— На самом деле все проще пареной репы, — вставила Анфиска, — Юрий Владленович Дорокин.

Я усмехнулась.

— Ага, проще некуда.

Анфиса посмотрела на бедлам со столами и стульями и вздохнула.

— Ты какая-то странная сегодня, Маш, грустишь по лету? Не переживай ты так! Вот

закатим в сентябре вечеринку по случаю учебы — все пары грусти выветрятся.

Я кивнула головой, мол, только об этом и мечтаю, а сама погрузилась в размышления: как быть с новым преподавателем Юрием Владленовичем? Он явно считает меня неуравновешенной и, к тому же, живет со мной рядом, а значит с мамой и папой потянет поговорить. Как объяснить им мое поведение, я не представляла. Временное умственное помешательство? Но кто знает, как я поведу себя в следующий раз? А вот это действительно пугающий вопрос. Выставить себя на посмешище перед всей аудиторией совершенно не хотелось, а судя по новому расписанию, встречаться нам предстоит три раза в неделю. Значит, придется искать такую подработку, которая позволит пропускать универ именно в эти дни. Задача не из легких, но где наша не пропадала.

— А ты вообще зачем здесь? — вспомнила я про Анфису.

— Помочь пришла. Дэн сказал, что ты с окнами не справляешься, а я на платформе и ростом повыше. Помочь?

— Конечно! — согласилась я и снова полезла на стол. Нечего накликивать на себя беду раньше времени. Может, Драко решит, что я действительно перегрелась, и ничего не станет рассказывать родителям. А имечко ему шло. Драко! Гордый и неприступный. Правда, совсем не блондин, а наоборот. Как Анфиса с ее чувством прекрасного не замечает такого красавца! Хотя, Препод все-таки.

— Тряпку подай, Маш, третий раз прошу.

— А, прости, я сегодня и правда какая-то странная, сама не пойму, что случилось.

— Любви тебе не хватает, — принялась за старое Анфиска, — так старой девой и останешься.

— С тобой и Юленькой-чистюленькой не посоперничаешь! Вы себе всех нормальных парней в гарем прибрали. Анфиса рассмеялась.

— Брось ты, Маша, говоришь как ребенок малый. Посмотри вокруг, мы же не на филфаке, а на инязе. Тут тебе сколько хочешь парней разнокалиберных и свободных в полете, выбирай — не хочу.

Но я снова погрузилась в мысли о Драко и моем странном поведении. Должно же быть всему какое-то объяснение! Никто на него не бросается и не обнюхивает, как я. Если такое повторится — спрошу. Не ответит в универе — в гости напрашусь, хорошо, что идти недалеко. И на этой радостной ноте я принялась драить злополучное окно.

Глава третья. Учебная

За окошком снегири
Греют куст рябиновый,
Наливные ягоды
Рдеют на снегу,
Я сегодня ночевал
С женщиной любимой,
Без которой дальше жить
Просто не могу.

Каникулы закончились быстро и безболезненно. В конце августа семьей ездили на черноморское побережье — наш ежегодный отпуск. В этот раз выбрали Адлер, и я не пожалела. Ласковое Черное море помогло отвлечься от мыслей о Драко. Теперь я всегда называла его именно так и даже как-то в разговоре с родителями о новом соседе приплела это имечко.

Все однокурсники уже знали о новом преподае и так же именовали его Драко, вот только обниматься и обнюхивать его ни у кого желания не возникало. Из переписки с Анфисой узнала о том, что Драко обзавелся личным кабинетом и удостоен звания зама по внеучебной части. Будет устраивать КВН-ы и прочие мероприятия в пыльном актовом зале. Сидит себе тихо и никуда особо не высовывается. Друзьями среди коллег пока не обзавелся, врагами тоже. Студенты относятся к нему уважительно, но особой любви никто не выказывает.

Так как приехала я уже в середине сентября, то сведения оказались как нельзя кстати. За время своего отсутствия я так же узнала, что Драко интересовался, почему студентка Снегирева не явилась на его первые занятия, на что Анфиса ответила о моем отпуске и официальном разрешении на него от декана факультета. Значит ему не все равно, что со мной? Скоро узнаем.

Я крутилась перед зеркалом и чистила перышки. Во-первых, сегодня мой первый учебный день и нужно выглядеть достойно. Во-вторых, с юга я приехала с красивым ровным загаром и новыми шмотками, которые непременно нужно продемонстрировать всем однокурсникам. В-третьих, и самых главных, первая пара проходит в знакомой до боли аудитории с Драко в главной роли препода. Опасно, конечно, и рискованно, но не переводится же мне на другой факультет из-за того, что тянет пообниматься с соседом (а еще понюхать и пооблизывать — напомнил неугомонный въедливый голосок).

Погода стояла ветреная, и я натянула джинсы и персиковый топ с глубоким вырезом на спине. Волосы распустила и заколола светло-русые прядки впереди, кокетливо закрутив над ушком. Не студентка, а топ модель какая-то. И для кого так стараешься, дурочка, он же шарахается от тебя. Но вот нонсенс. С того самого момента, как я облобызала Драко, во мне что-то щелкнуло. Я больше не прятала свое тело за невзрачными вещами, выкинула стоптанные кеды и туфли на плоской подошве, оставив пару балеток со стразами. Перестала бояться заглянуть парням в глаза и смотрела теперь, не отрываясь, пытаюсь понять, что в их черепных коробках скрывается. Реакция последовала незамедлительная. Парни ходили за мной по пятам, и папа устал отгонять их своим хмурым взглядом собственника. Я радовалась, но чувства удовлетворения не получала. Никто из них не вызывал желания не то, что прикоснуться, но и заговорить. Так и прожила на побережье тихой мышкой и неприступной пушкинской Татьяной, за что в который раз была прозвана Дикой, теперь уже совершенно незнакомыми мне людьми.

Прихватив кожаный пиджак и рюкзак, я спустилась и бросила вещи в Калину. Папочка расщедрился как никогда и купил доченьке машину на девятнадцатилетние. Осталось доехать до универа и выйти, картинно выставляя вперед ножки в босоножках на шпильке.

— Дикая? — вылупился на меня Дэн. — Ты что с собой сделала на юге? Прошла курс по повышению самооценки?

— Да, Дэнчик, подалась в женскую половину пикаперов, — язвительно улыбнулась я, — присоединиться хочешь?

— Я...ЭЭЭ... — Дэн явно не знал, как ему реагировать. — Ты ли это, Снегирева?

Может, тебя инопланетяне похитили?

— А вот это вариант, Дэн, и перепрограммировали на лучшую меня, перепрошили и вернули. Анфису видел?

— Пару минут назад пришла с Котовским.

— Ффу, — меня аж передернула. — Она что на физвоз перешла? наших мальчиков уже не хватает?

Дэн схватился за грудь.

— Маша, — так он меня не называл никогда! — ты ведь о лучшей подруге говоришь. Зачем же так?

Я смутилась. Что на меня нашло, действительно? Какая-то неуправляемая злость бесконтрольно завладевает языком и не в первый раз уже. Вот и вчера так вызверилась на соседку, что старушка от меня в страхе бежала. Совсем гормоны замучили.

— Ты прав, Дэн, одергивай меня иногда, хорошо?

— В друзья набиваешься?

— А вот это ты зря, — как-то хищно улыбнулась, осталось только облизнуться на Дэна, — я дважды не предлагаю. Дэн уже бежал следом и выдергивал рюкзак из рук.

— Давай понесу, тяжелый же. Я ведь не отказывался.

— Вот и хорошо, — мило улыбнулась я, — друзья?

— Навек! — заверил меня Дэн, и мы вместе вошли в аудиторию и сели за второй партой у окна.

Анфиса пришла со звонком, страстно обняв нового бойфренда у двери аудитории.

— Моя ж ты хорошая! — заверещала она на весь зал. — А загорела-то как, а похорошела-то как!

Мне сразу стало стыдно за свою реакцию на Котовского.

— Спасибо, Анфис, теперь Дэн с нами во втором посидит, ты не против?

Анфиса заглянула мне за спину улицезрела Дэна с зажатым рюкзаком в руках.

— Ах, лубофф, лубофф... Конечно, не против, но с тебя все-все подробности отпуска. Ох, Маша, а ты и правда красотка у нас, такая статная.

— Прекратите обе! Препод! — шикнул на нас Дэн, и я села и тут же уставилась в стол.

— Доброе утро, студенты! — поприветствовал всех Драко. — Сегодня мы с вами немного отвлечемся от прочтения сонетов Шекспира, но тема для задания будет не менее интересная.

А я сидела и боялась вдохнуть. Спрятала нос в ладонь и молча, не отрываясь от тетради, которую мне подсунула Анфиса, записывала задание.

— Итак, мне нужно, чтобы вы нашли в библиотеке (недовольный вздох) или интернете (довольный ропот) известный текст песни про любовь и перевели ее до конца пары. Поход до библиотеки только парами и без криков и шума, иначе — незачет. Ясно?

— А никто и не пойдет туда, — пробасил наш оригинал с дредами Серега, — я wi-fi могу раздать, у кого нет, не жадный.

Все знали, что Сергей действительно может — его отец владелец некоммерческой сети банков.

— Вот и хорошо, действуйте. К концу пары все тетради должны лежать у меня на столе.

Я мгновенно вспомнила песню Трофимова про снегирей и начала судорожно записывать слова на русском. Так как в моем доме любили караоке и часто им пользовались, вспомнила без труда. А с переводом справилась и того быстрее. В английском я была

отличницей — спасибо старшему брату, проживающему в Америке. Он уже два раза присылал мне приглашения, и я проводила с его семьей летние каникулы, а заодно и язык практиковала. За двадцать минут до конца пары я встала и отнесла тетрадь на стол. Драко очень пристально посмотрел мне в глаза, а я медленно начинала сходиться с ума, глядя почему-то не на его лицо, а на ворот рубашки: темно-синяя, с двумя расстегнутыми пуговицами, которые открывали языки пламени. Я точно не знала, есть ли на его теле настоящий дракон, но завитки татуировки действительно чем-то напоминали пламя, и сейчас мне хотелось об него обжечься.

— Не здесь, Снегирева, — тихо, но очень жестко произнес Драко, — придешь ко мне после пар.

Я развернулась и послушно потопала из кабинета. А что мне еще оставалось?

Глава четвертая.

Занавес открывается

Марина Александровна, это кто?

Это наш режиссёр, и она ого-го-го.

Дворец культуры — это где?

Это в городе Жуковском, хе-хе-хе.

Жуковский — что за город такой?

Это город самый крутой! Ой-ой-ой!

Plastic Dreams. Это мечта?

На такой вопрос ответим: Да! Да-да! Да!!

В стоповой как всегда в большую перемену выстроилась очередь до самого входа. Мы с Анфисой и Дэном пристроились в хвосте, и подруга все время косилась на парня.

— И чего он за нами хвостом мотается? Даже у туалета вон стоит, ждет.

— Не знаю, — бросила я равнодушно.

— Наверное, ревнует к Котовскому, хотя с чего вдруг, я ему повода не давала.

— Ну да, Анфис, тебя ревнует, а мой рюкзак таскает.

— Я не дурра, если ты на это намекаешь, Маш, просто непривычно видеть тебя в роли роковой красавицы.

— Мешает?

— Нет! Роль тебе очень идет, только ты не переигрывай. Если нравится, то не мучь парня, он с тебя глаз не сводит.

— А я еще не решила.

— Так решай поскорее, Маша! Чувствами других играть нехорошо.

Я удивленно посмотрела на подругу.

— Ты когда записалась в матери-настоятельница?

— Когда ты меня бросила тут одну, вот и ушла в монастырь, от тоски и грусти спасалась.

— Как же! — рассмеялась я.

Рядом с Анфисой моя злость и неудовлетворенность успокаивалась и хотелось нести в мир добро и порядок. Люблю я ее, несмотря ни на что люблю.

Очередь в столовой продвигалась так медленно, что я уже подпрыгивала на месте от нетерпения.

— Иди столик займи, Маша, а то нервируешь слегка, — посоветовал Дэн. Я тут же сорвалась с места и пошла занимать свободный стол. Разберутся с едой без меня. Кошелек в рюкзаке, догадаются достать.

Что со мной происходит? Почему встреча с Драко не принесла успокоения? Почему я готова искушать первого встречного? Может, сказки о вампирах не ложь, может, существуют миры нежити? Тогда как у простых преподавателей родилась такая дочь как я? Нет, хватит с меня этих вопросов, до конца пар я не дотяну, нужно подниматься к Драко сейчас же, пока не набросилась ни на кого.

Преодолев пару пролетов полубегом, я влетела в кабинета зама без стука и тут же попала в объятия Драко.

Он крепко прижал меня к себе и прикрыл дверь ногой.

«Как хорошо!» — вертелось у меня в голове. Мне сейчас было абсолютно наплевать на то, что он мой Препад, что он совершенно незнакомый человек. Я прижалась носом к его груди и дышала так, как будто бежала к нему от самого дома. Набирала полную грудь свежести и дурмана, ледяных брызг горных рек, тишину таинственных ночных лесов.

— Откуда все это? — уже вслух спросила я. — Почему ты так пахнешь?

Драко напрягся и отодвинул меня от себя, я сделала шаг и снова уткнулась ему в грудь лицом.

— Маша, это смешно... немного.

— Мне все равно! ТЫ! НЕВЕРОЯТНО! ПАХНЕШЬ! — тут я увидела тату и судорожно стала расстегивать пуговицы его рубашки.

Вот сейчас схватит за руки и вышвырнет вон, но Драко только улыбался и как-то странно смотрел на меня, словно не верил в то, что я не галлюцинация.

Распахнув рубашку, я увидела дракона на мускулистой безволосой груди. Раскинув когтистые лапы, он изрыгал пламя, языки которого вились до шеи. Проведя пальцем по их замысловатому узору, я погрузила руку в черные волосы Драко и подняла глаза.

— Насмотрелась? Мне хотелось бы застегнуться.

Мое прежнее Я краснело и верещало от ужаса, а новое тянуло ручки к дракону и гладили его нарисованные чешуйки.

— Этому есть объяснение? — решила я перейти к делу, но рук не отняла и продолжала смотреть в серые глаза Драко.

— Не думал, что скажу это, но да, есть. Самое обыкновенное.

— Да ну? — чуть кривовато улыбнулась я? — Сумасшествие?

Драко поднял руку и взял меня за подбородок. Сначала он нежно провел пальцем по нижней губе, я прикусила палец. Драко лишь вздернул бровь и продолжал исследовать мой рот глазами.

— Не думал, что встречу свою наездницу в этом мире.

Я слегка опешила и отодвинулась от Драко, но рук не отняла, не могла просто.

— Объясни?

— Я дракон, Маша, родом из очень древнего рода. Отец изгнал меня из стаи и родового гнезда и сослал в ваш мир как простого смертного.

— За что?

— За любовь, — грустно ответил Драко и вылил на меня ушат ледяной воды.

Я отдернула от его груди руки и сложила их на своей.

— Ревнуешь? — бровь Драко выгнулась, а взгляд приобрел хищный прищур. — Меня выкинули за дверь как щенка за то, что я не смог полюбить того, кого нужно.

Я молчала, давая ему время объяснять дальше.

— Каждый дракон после первого помета обязан выбрать себе наездницу. Женщины-драконы никогда не летают сами. В день, когда они покрываются чешуей, состоится обряд единения с драконом-самцом, их сажают на него верхом и оправляют в полет. Если дракон-самец возвращается назад с парой, значит, они приняли друг друга и останутся вместе для продолжения рода. Если же дракон возвращается один, то его семья выплачивает золото за потерянную дочь и дракон-самец выбирает дальше.

Я все сильнее вдавливала ногти в ладони и отходила от Драко, пока наконец не уперлась спиной в дверь.

— Что за ужасы?

— Прости, что не романтическая сказка, дорогая, такова уж сущность драконов. Никакой тебе романтики, одна жестокая правда.

— Что случилось с той девушкой?

Драко побледнел и произнес сдавленным голосом.

— И с той и еще с тремя... — потом надолго замолчал, глядя в окно. — Все они предпочли сброситься на каменные вершины, чем остаться со мной.

Я судорожно вздохнула и почувствовала запах гари, как будто пепел забился в нос и не желал оттуда выдуться.

— Для дракониц считается позором вернуться в семью без самца.

— Я не понимаю.

— Откуда же тебе понять? — произнес он угрюмо. — Ты же с виду обычная девчонка, но именно тебе посчастливилось стать моей наездницей.

Я осела на пол.

— Я драконица? Я покроюсь чешуей?

Это для меня было ужаснее всего, о чем рассказал Драко. Да, жаль дракониц, но я с ними знакома не была и поэтому жалость испытывала несильную. Но вот покрыться самой чешуей!

— Да успокойся ты, Маша, никакая ты не драконица и быть ею не можешь.

— Ффух, — я выдохнула пепел из носа и облегченно чихнула.

— Ты просто моя наездница, кровная наездница-человек, — закончил Драко и стал ко мне приближаться, медленно и как-то зловеще.

— Все то время, что я летал с драконицами и пытался выйти с ними на кровную связь, моей настоящей кровной наездницей была ты. Все то время, что я страдал и мучился из-за их смертей, из-за вины перед их семьями, из-за стыда за себя перед родовым гнездом, ты росла себе преспокойно и радовалась. Все то время, когда мой отец выплачивал золото, добытое таким трудом, за гибель дракониц, ты расцветала на Земле как человек, как девушка. Все то позорное время, когда у рода не осталось золота даже для того, чтобы выбрать мне новую драконицу, и когда нас начали обходить стороной, ты даже не подозревала о моем

существовании. И, наконец, все то время, когда я должен был влачить жалкое существование в теле человека, ты как ни в чем не бывало развлекалась с парнями на море...

Я решила возразить насчет последнего, но Драко приблизился ко мне и вжал в дверь. Я попробовала шевельнуться, но моих физических способностей не хватило даже на то, чтобы сдвинуть его на миллиметр.

— Я ждал тебя, Маша, звал всеми тоскливыми ночами, спрашивал у тебя, почему ты не хочешь явиться к своему дракону и заявить на него права. И вот ты врываешься в мой новый мир и пытаешься приручить.

Я что? — рвалось на язык. Вранье! Ничего я не пыталась!

— Ты больше никогда не подойдешь ко мне, не дотронешься и не попробуешь вкус пламени. Можешь вдыхать и медленно сходить с ума, я с огромным удовольствием посмотрю на то, как ты будешь гореть в собственном аду.

— Это жестоко, Драко, я не виновата в том, что родилась на Земле, а не в твоём мире, — злость начинала давить на мою черепную коробку изнутри. Хотелось схватить Драко за шею, притянуть к себе и подчинить этого мужчину любыми способами. Он должен плавиться от моих рук, от моих ласк. Он должен их желать!

— Маша, — прошептал мне Драко и провел губами по шее вниз к ключице, — ты такая сладкая, ты часть меня, моя наездница. Кровь моих предков в твоих жилах. Но ты никогда не сядешь на меня верхом, не почувствуешь вкус полета, не сольешься со мной в танце страсти и не обрешь единения.

Драко выпрямился и подхватив меня за плечи с силой дернул на себя. Мы упали на заваленный бумагами стол, мои волосы закрыли наши лица, а руки блуждали по телам в поиске чего-то, что оба мы так стремились получить. Драко впился в мои губы в таком жестком поцелуе, что мы стукнулись зубами, а потом я почувствовала это... Как будто кровь забурлила в венах и решила вырваться огнем наружу, как будто мои кости расплавились и тело приобрело невесомость и свободу. Танец тел, танец душ, танец крови! Я вдыхала в себя мужское начало, смесь чего-то невыразимо желанного, что сводило с ума и заставляло сейчас же, сию минуту, слиться с ним в одно целое.

— Драко! — закричала я и выгнулась ему навстречу, но он уже оторвался от моих губ и бесцеремонно сбросил с себя.

— Больно, правда?

Боль... я почувствовала, как меня рвут на части, а вернее отрывают от чего-то родного, от моего. Хотелось вцепиться в Драко всеми имеющимися возможностями, но я не знала как... Меня просто раздавили и так и оставили.

— Ты только почувствовала пробуждение зова крови, и теперь он начнет усиливаться и притягивать тебя ко мне. Ты не сможешь этому препятствовать. И я не смогу. А в итоге..., - Драко замолчал, а я сидела и пыталась выровнять дыхание. — А в итоге, Маша, мы оба обречены сойти с ума, потому что в этом мире я не смогу обернуться драконом и унести тебя в попет, потому что в этом мире мы никогда не сможем стать единым целым, а в мой мир, дорогая наездница, путь для меня закрыт навсегда.

Драко поставил меня на ноги, открыл дверь и выпихнул вон.

— Сказке конец, — ядовито бросил он мне на прощание.

«Чудовище», — снова мысленно обозвала я Драко и прислонилась к закрытой двери. Меня только что подняли на вершины Эвереста, а потом беспощадно сбросили оттуда. Я ничего не понимала, стараясь унять головокружение и побороть тошноту.

— Машка! — Анфиса налетела на меня как торнадо и уже шепотом добавила. — Почему в таком виде под дверью зама? Что с тобой? Мы с Дэнном с ног сбились.
Я засмеялась и посмотрела на подругу.
— Мой мир рухнул, Анфис.
Она как-то странно покосилась на дверь и уверенно потянула за собой.
— Ничего, поправим мы твой мир, вот увидишь.

Глава первая

Зализывание ран

Кто жизнью бит, тот большего добьется.
Пуд соли съевший выше ценит мед.
Кто слезы лил, тот искренней смеется.
Кто умирал, тот знает, что живет!
Омар Хайам

Золотая осень, осень золотая! Сколько тебе посвящено стихов и песен, сколько эпитетов, метафор и сравнений применимо к тебе! Как же мне напоминают эти реки золота и багрянца в парке на дорожках кровь в моих жилах — золотую и красную. Золото разбудил в моих венах дракон, и оно разъедает меня изнутри, сжигает все человеческое, вспенивает остатки красного и доводит их до кипения.

Мне плохо! Мне так плохо, что прямо сейчас хочется лечь в эти падающие листья и уснуть, чтобы проснуться прежней Машей Снегиревой. Мама и папа возили меня к психологу, а Анфиса таскала по клубам и студенческим вечеринкам. Даже Дэн, покоренным мной в первый учебный день, пытался отвлечь от грустных мыслей шоколадками и пирожками из столовки. Но не помогало, вообще ничего не помогало. А самое главное, что я сама себе никак не могла помочь. Вроде бы пыталась выбросить из головы всю эту дурь драконью, вроде бы не обращала внимания на нового преподавателя Юрия Владленовича и на его предмете вела себя тише воды да ниже травы. Я даже собаку себе купила — тойтерьера Пикки, Пикколо, но он меня почему-то боялся. Прижмется к маминой ноге, и не оттащишь, а как гулять со мной выходит, то так поводок тянет, что под конец руку ломить начинает. Однокурсники уже коситься на меня стали недобрым глазом, мол, не наркоманка ли. Приехала с юга странная, а теперь и вовсе страннее странного. И вид у меня подходящий — волосы потускнели, и я стягивала их в конский хвост, одевалась как придется, не говоря уже о синяках под глазами от постоянного недосыпания из-за кошмаров. О них стоит упомянуть подробнее, ведь именно из-за них меня повели к психологу (сначала) и посоветовали обратиться к психиатру (потом).

Первый сон приснился в ту ночь, когда я узнала правду. Начиналось все совершенно банально, сон как сон. Я плыла на лодке по реке, опускала ладони в воду и разбрызгивала в разные стороны. За моей спиной сидел мужчина неопределенного возраста. Вроде и не молодой, но и не старый. Черты я с утра помнила плохо, но ощущение, что он несет мир и покой, сохранилось. И вот я в очередной раз опускаю ладони в реку и поднимаю их с

потеками крови, стекающими по запястьям. Мне становится жутко, я кричу, а мужчина в лодке страшно так округляет глаза и начинает бормотать что-то вроде молитвы. Кровь течет по рукам, и ее никак не стереть, она достигает сердца и мне становится больно, грудь готова разорваться от боли, я кричу еще сильнее и пытаюсь стереть руками кровь. А потом я перестаю чувствовать биение своего сердца, потому что оно превращается в кусок металла, в золото, и из моих запястий начинает течь золотая кровь, а, попадая в реку, заставляет ее менять цвет и вскипать.

Я просыпаюсь в поту и слезах, меня трясет и мутит так сильно, что я встаю и иду в туалет, где обнимаю унитаз и чуть ли не прижимаюсь к нему щекой. В таком отчаянном положении меня находит отец и сильно волнуется. А сны продолжаются каждую ночь.

Под конец недели я боюсь засыпать и рыдаю в подушку. Слышу, как за дверью о чем-то перешептываются мои родители, но не хочу с ними разговаривать. Какое странное ощущение — я ничего не хочу. В том числе и вспоминать о том разговоре в кабинете Юрия Владленовича. Он для меня просто преподаватель иняза, заместитель по внеучебной части. Какая-то блажь толкнула меня в тот день в его кабинет, и я никак не могла вспомнить, как я очутилась снаружи в объятиях Анфисы. Но тут же в памяти всплывали его горячие руки на моем теле, тот жадный и злой поцелуй. Дракон! Настоящий Дракон, который нашел-таки свою наездницу и разбудил в ней кровь, а потом наказал за все, что ему самому пришлось выстрадать. Несправедливо! Обидно!

Нет, Маша, только не жалея себя! Не сейчас!

А ночь пришла опять, и река потекла в обратном направлении, бурливая, пенистая, переливаясь золотом и багрянцем, а я разделась на берегу и начала погружаться в нее. Медленно, шаг за шагом, а мужчина, который вносил в мои сны покой и тишину, разворачивается и уходит, голова опущена, а плечи сотрясают рыдания. Но мне его не жалко, он сам выбрал этот путь, он сам отказался ступить со мной в реку. Пусть уходит, пусть все уйдут, а я войду в золотые волны реки и окунусь в них с головой. Из воды поднимается морда дракона, освещенная закатным солнцем. Оскал хищника приводит меня не в ужас, а в трепет, я тяну к нему руки, но он отворачивается. Взмах крыльями — и дракон исчезает, а я чувствую, как река перестает течь и превращается в металл, сковывая меня ледяными оковами. Я снова просыпаюсь от собственных криков боли. Отец сидит на краю кровати и смотрит на меня очень пристально.

— Так больше не может продолжаться, Маша. Ты летишь к брату, подальше от своих проблем. Что бы с тобой ни случилось, Америка очень далеко отсюда и, знаешь, племянники по тебе соскучились.

Сумбурная речь папы привела к тому, что я снова почувствовала боль. Я его больше не увижу, моего Дракона, моего преподавателя по инязу, Юрия Владленовича, Драко... И я разрыдалась до дрожи в теле, до судорожной икоты, до ломоты во всех суставах. А потом пришло успокоение. Я все забуду, кошмары закончатся, хорошие сны придут, и в них буду страдать не я!

Глава вторая.

Поучительная

Как ты смешна, людская злоба!
Заставить хочешь вновь страдать?
Не выйдет — правду знаем оба,
Ведь проиграешь ты опять....

У меня замечательный старший брат — высокий, мужественный, умный мужчина в расцвете сил. Настоящий глава семьи с двумя отпрысками-близняшками и полноватой и суевой, но такой счастливой матерью семейства. Идеальная американо-русская семья, живущая в большом шлакоблочном доме с двумя верандами и окнами, выходящими на подстриженную и ухоженную лужайку. И тут такое счастье в лице родной сестренки, сбежавшей от лап психиатра!

— Машенька! Ну, здравствуй! Как перелет?

— Тошнит, — бросаю я брату и тороплюсь на выход из аэропорта, в объятия Нью-Йорка, скорее в Бруклин, в квартирку, которую брат всегда снимал для нас с ним. А кстати, туда ли мы?

— Мы сразу домой, Маш, обстоятельства, пойми. Теперь не погуляешь, девочки не дают.

— Какие именно девочки? — огрызнулась я.[E1]

— Все, Маша, — со вздохом отвечает Миша, теперь величаемый Майклом.

— Ну и ладно, — снова кидаю слова, проталкиваясь сквозь толпу, спешащую успеть сесть в такси первыми, к черной ауди брата и за всю дорогу не произношу ни слова.

На его месте я бы отправила меня обратно прямо с трапа, но Миша с детства отличался слабостью к младшей сестричке и огромной любовью к ее светло-русым локонам и большущим голубым глазенкам.

Встречала меня толпа орущих и визжащих лиц женского пола от мала до велика. Натали кричала по-английски, племяшки на смеси русско-английского что-то вроде «прихлоу». Видимо, привет и hello.

Я раскинула объятия и искренне расцеловала девочек, а вот с Натали обнялась более церемонно — чувствовалась в ней скованность и настороженность. Интересно, что обо мне рассказали родители? Ведь не просто так отправили в Америку среди учебного года.

— Ты к нам надолго, дорогая? — спросила Натали за ужином на веранде. Жили Снегиревы в штате Пенсильвания и в конце октября у них еще зеленели лужайки, а по веранде гулял теплый южный ветерок.

— Нет, вот загорю немного и обратно на Родину, — ответила я и пересела от семьи подальше на кресло-качалку. Тут же на колени вскарабкалась Анна или Мэри, я сейчас с трудом их различала. Я Обняв трехлетнюю малышку за плечи, я прикрыла глаза. Тепло маленького доверчивого тельца отогревало мои внутренности и заставляло сердце биться тише и болеть меньше. Невозможно рядом с таким чудом думать о плохом. Видимо, папа с мамой именно на то и рассчитывали а значит сопротивляться не стоит.

Уснула я впервые за долгое время спокойно и совершенно без сновидений. Дракон далеко, он дремлет, и пламя его больше не будит в моей крови отклик, и зов его больше не берedit раны на сердце.

Каждое утро я бегала до побережья и обратно, благо недалеко и ноги у меня крепкие, а с дыхалкой вообще никогда проблем не было. Каждое утро ко мне подбегал паренек в повязке,

майке и шортах синего цвета и просто бежал рядом, не произнося ни слова, хотя я хорошо знала английский и смогла бы с ним поговорить, но начинать не спешила. Мне было совершенно все равно, что он рядом. Пусть себе бежит, раз так нравится. И вот в один прекрасный забег он заговорил. Я как раз упала лицом в песок и дышала так тяжело, что аж песчинки в носу застревали.

— Привет, Маша. Нельзя тебе так, еще хуже делаешь.

Я ошарашено села и уставилась на парня.

— Ты кто?

— Мое имя тебе ни о чем не скажет, поэтому зови меня the last brother.

— Последний брат? Чудное прозвище! — с энтузиазмом ответила я. — А теперь отвали!

Я вскочила на ноги и бросилась куда подальше. Жаль только, воздуха в легких не хватает и нещадно ломит бок, а то бежала бы быстрее.

— Стой, Маша, не разрешай злости брать верх, — закричал он мне вдогонку, а я показала ему средний палец и смачно выругалась по-американски.

Катитесь вы все к чертям драконьим, выродки бессердечные. Что-то мне подсказывало, что Последний брат из той же шайки. Прогодал ты, папочка, и тут достали.

А на следующий день пришло письмо на мое имя, и Миша вызвал меня на семейный совет. В комнате сидела Натали, Энн и Мэри, а вернее Аню и Машу- младшую отправили в садик. Миша ходил из угла в угол и махал конвертом (вскрытым) так, как будто это бомба замедленного действия, и он не знает, куда ее запульнут.

— Машенька, все так серьезно да?

— Ты о чем? — состроила я невинную мордочку, тьфу ты, лицо!

— Тебя приглашают на обследование в частную клинику.

Опа! Кто приглашает? Откуда?

— Я не псих, Миш, если ты об этом. У меня просто кошмары были жуткие, каждую ночь, но с ума я не сходила. Какое еще обследование?

Брат остановился и пристально на меня посмотрел.

— Я разговаривал с родителями, и они согласились, что пройти нужно.

— Ну, знаешь! — возмущилась я, а Натали тут же вскочила и сунула мне в руки стакан с содовой. Она-то уж точно записала меня в нездоровое поколение и теперь проявляла заботу, американское сочувствие, присущее только этому народу и липкое до ужаса.

— Куда ехать-то? Кто приглашает?

— Тут написано, что по рекомендации твоего личного психолога, твоим случаем, гхм, здоровьем, займется ее друг, который по счастливой случайности живет сейчас в Нью-Йорке, а на период каникул останавливается в местечке неподалеку. Это гостевой дом на побережье, мы с детьми были там в прошлом году.

— Поехали.

Брат явно не ожидал от меня такой прыти, а мне противно было смотреть на то, как Натали прячет от меня ножи и вилки. Лучше уж уехать и пройти обследование, а там будь, что будет. Мне уже все равно.

Ночью приснился парень с пробежки. Он снимал с себя насквозь мокрую футболку, потом шорты и нырял в бассейн. Я стояла в каких-то кустах или клумбе, в общем, мне было колюче и неудобно. Вдруг из воды поднялся нешуточный фонтан, раскрылся потоками воды и выпустил из себя золотистого ящера.

— Гад чешуйчатый! — кричала я ему во сне и даже, кажется, кидалась речной галькой.

Откуда она взялась в клумбе, не знаю, сон все-таки. А проснулась я от того, что смеюсь и плачу. От облегчения и чего-то еще — теплого и согревающего. В груди не болело, сердце стучало спокойно. Мне впервые было хорошо, очень хорошо.

Глава третья

Гостевой дом «Portal»

Главным в Переходе будет не изменение пространства с 3-х на 4-х мерное, а изменение материальности Земли и человеческих тел. Земля и люди станут утонченнее. Изменение же пространства и времени будет следствием смены материи. Если объект в 3-х мерном пространстве фиксируется в трех координатах, то в 4-х мерном -

четырьмя координатами.

— Приветствую тебя, дочь моя! — верьте или нет, но именно так встретил меня толстый дяденька в сером балахоне.

— Он монах? — испуганно вцепилась я в руку Миши.

— Он целитель. В письме так написано.

— Он монах. — Уже утвердительно сказала я и кивнула дядечке. — Здравсьте!

— Я пойду лучше, — пятился Миша к выходу, — не буду мешать процессу, вечером заеду — заберу.

Серый плащ уже закрывал за братом дверь, а потом закрыл на замок.

— Ну здравствуй, мираночка! Интересненький экземплярчик мне Последний прислал, прям так и просишься на стол.

Мое воображение тут же красочно нарисовало пыточный стол со множеством инструментов и проводкой. С потолка капала вода, а стены были из неотесанного камня. Взбредет же такое в голову!

— Мне все равно, кто ты.

— Плохо, Маша, очень плохо. От злобы к равнодушию, а потом снова к злобе. И давно у тебя это?

— С середины сентября где-то, — не стала я кривить душой.

— Знаю я про Драко твоего, наслышан. Все наслышаны.

Я вздрогнула и вцепилась в спинку кресла.

— Садись, Маша, не бойся. Я дракон добрый, от дел драконьих давно отошедший. Помогаю заблудшим душам, таким как ты.

— Я в монастырь не хочу! — испугалась я за свое будущее. — Мне еще университет заканчивать.

Серый присел в кресло напротив и прищурил хитрые зеленые глаза-щелочки.

— Не хочешь, значит? Так Последний и сказал, что с характером. Недаром наездница из древних. Они тогда, ух, какие были, не то, что нынешняя молодежь.

— Ага! Девочки курят и не стесняются, а мальчики! — и я сделала страшные глаза, изображая маму.

Серый юмора не понял и смотрел как на... Понятно, как на кого.

— Исправлять значит будем.

— Меня? — снова насторожилась я и вспомнила про стол.

— Меня-то уж поздно, — явно шутил Серый, — пошли уже, — и махнул в сторону окна.

— Куда? — спросила я и выглянула наружу. Окно как окно.

— В Портал, Последний тебя заждался, наверное.

Я уже представила, как шагаю в окно, а на белом песочке стоит парень в синем одеянии и дурацкой синей повязке, широко расставив руки.

— Куда идешь, Маша, там окно!

— А куда надо?

Серый покачал головой.

— У тебя уже последняя степень равнодушия. А если из окна прикажу прыгнуть?

— Может, прыгну, — как-то вяло отозвалась я.

— Seriously наш бунтарь тебя приложил. Сначала влил энергию, разбудил кровь, позвал, а потом бросил самой с демонами бороться?

В душе поднималась паника, и глаза начали наполняться слезами.

— Шагать куда? — спросила я у Серого и надела рюкзак на плечи.

Серый отодвинул тяжелую портьеру, и я увидела что-то наподобие арки, вылепленной прямо в стене. Вроде как из гипса. Белые плетения соединялись в причудливый узор и, приглядевшись, я поняла, что Врата движутся. Линии свивались и развивались, манили к себе, завораживали постоянно сменяющимся рисунком. Я покрепче закрыла глаза и сделала шаг в стену.

Часть вторая. Переосмысление

Глава первая Храм Дракона

...И чует сердце, вновь исполняясь жаром,
Что можешь петь и новой жизнью биться,
Чтобы, на дар ответив щедрым даром,
Чистейшей благодарностью излиться...
И.Гете

Я шагнула вперед и уверенно встала двумя ногами на твердую поверхность. Ничего необычного не ощущалось, но в воздухе будто переливались и сплетались мелодии, странные и непривычные человеческому слуху.

— Я слышу песню ветра и музыку фонтанов, даже литья деревьев о чем-то шепчут и нежные лепестки цветов... — я зажмурилась еще сильнее и старалась не расплескать этот сосуд блаженства.

— Вот твое оздоровление и началось, тут сам воздух лечебный, а на тебя действует еще сильнее, — будничным тоном прокомментировал Серый. — Пойдем скорее, тебя заждались.

Наконец, я открыла глаза и судорожно вздохнула.

— Ужас какой!

Из ступора меня вывел окрик Серого, и я, втянув живот и сделав глубокий вдох, на цыпочках пошла за целителем. А как бы поступили вы, увидев прямо перед собой огромного спящего дракона? Он лежал в центре небольшой площади, вымощенной камнем и с четырех сторон огороженной высоченными плитами. Что было на них изображено, я не поняла, видимо, письма Драконов. Но чудище! Настоящий огромный и главное ДЫШАЩИЙ ящер. Из его ноздрей вырывались облачка дыма, а морда дракона блестела на солнце, лучи которого поглощались абсолютно черным, без единого оттенка цветом. Зубчатый хвост был прижат к сложенным крыльям и подрагивал во сне, а чешуйки на спине то поднимались, то снова опускались.

— Жуууть, — прошептала я и попыталась быстрее обогнуть Дракона и проскользнуть к арочному входу в высокое зубчатое здание, видимо, дом Серого, а скорее резиденция, потому что здание было поистине великолепным.

— Акх, — я схватилась за грудь и в ужасе упала на колени. В тот самый момент, когда моя нога уже собиралась шагнуть на первую ступень крыльца, мне на спину опустилось что-то горячее и невообразимо чешуйчатое. Я стояла на четвереньках и не смела оглянуться, а Серый тем временем уже скрылся в здании и не собирался возвращаться.

— И долго ты тут сидеть собралась? — вроде и услышала, а вроде и нет, я чей-то странный голос.

— На солнышке греюсь, — попыталась я отшутиться и тут же взмыла вверх и приземлилась между двумя костяными гребнями на спине спящего ящера.

— Мамочка, — совершенно растерялась я и в полубморочном состоянии затихла, где

приземлилась, цепляясь на костяной отросток спины.

— Разбуди Спящего Дракона, Машшша, разбуди его, и ты узнаешь истину. Почувствуй биение его сердца, потоки энергии в его теле, течение золота по венам. Разбуди его сипу и мощь, помоги ему проснуться, — шипело и грохало одновременно у меня в голове, а я сидела ни жива ни мертва, пытаюсь осознать, как меня занесло на спину чудовища и как мне благополучно с него слезть. Вдруг мою кожу снова царапнуло что-то неприятное и меня кинули на ступени крыльца.

Коготь (пронеслось в голове). Меня подцепил когтем настоящий Дракон и разговаривал со мной!

— Маша! — Серый недовольно пыхтел из-за двери. — Я очень рад твоему рвению к молитве, но сейчас, знаешь ли, не самое подходящее время!

Я моментально вскочила с колен и бросилась к арочному входу. Молиться? Да не дождетесь! И все-таки он со мной разговаривал! Не приснилось же мне это.

Но расспросить у Серого про спящего монстра я не успела.

Зал резиденции выглядел шикарно! Высокие окна, зауженные кверху и обложенные странным золотистым камнем, стены украшены рисунками Драконов всех оттенков медного, золотого, синего и зеленого, их морды в каком-то едином порыве вздернуты к потолку, в центре которого восседает огромный черный Ящер. По центру стоял огромных размеров стол, за которым при желании могли уместиться пару десятков человек. Серебряные канделябры сияли на очищенной до полированного блеска столешнице, а стулья с высокими спинками чинным полукругом выстроились вдоль стены. Одно небольшое продавленное кресло у окна немного не вписывалось в общую атмосферу, но придавала комнате какой-то домашний уют.

— Прародитель наш, основатель этого мира, — прокомментировал Серый, указывая пальцем на потолок. Это Храм, на стенах которого высечены имена первых Драконов и их родовые гнезда, а письма у свода рассказывают легенду о появлении нашего мира.

— Так это не твоя резиденция? — спросила я и, поймав ошарашенный взгляд Серого, поняла, что сморозила глупость.

— Это место само по себе реликвия, Дом первого Дракона, откуда он начал заселение этих земель и где он окончил свою жизнь, став Хранителем Врат, — вещал Серый. — Здесь был создан Источник энергии, который поддерживал в нас магию, неиссякаемый эликсир вечной молодости, — усмехнулся целитель, глядя на меня с каким-то снисхождением.

Я пожала плечами, мол, все мне понятно, а сама продолжала смотреть на потолок и вспоминать Драко.

— Вот и окунули бы в него вашего бунтаря, чтобы людям жизнь не портил, — огрызнулась я, а Серый напрягся и поник головой.

— Все непросто, Маша. Я хочу тебя кое с кем познакомить. Это Последний, мой друг и помощник, служитель Храма, Дракон, навсегда сложивший свои крылья.

Я воззрилась на парнишку, который недавно сопровождал меня в утренних пробежках. От дурацкой синей формы не осталось и следа. От плеч до пола его укрывали складки темно-синего плаща из плотной тяжелой материи, подчеркивая бледность и какую-то прозрачную нездоровость кожи лица.

— Ты болеешь? — участливо поинтересовалась я. — Тоже на лечении?

Последний грустно улыбнулся и шагнул ко мне ближе.

— Я счастлив встретить тебя в Храме Дракона, Наездница Брата моего, кровь от крови

моя, плоть от плоти моя; пусть едино с моим бьется сердце твое, и мысли наши протекают в глубоком потоке параллельно друг другу, и руки наши окунутся в исток и сопьются в едином объятии. Прими меня, — и низко склонил голову.

— Эээ, — понимаю, что прозвучало жутко странно, но что тут ответишь? На моей родной Земле меня не учили таким долгим приветствиям. А еще что-то говорило мне, что этот дракон не так прост, как кажется на первый взгляд. Его лицо светилось каким-то нездоровым фанатизмом, что всегда смущало меня в людях, а в драконах тем более.

Вдруг в груди что-то рвануло так сильно, что я задохнулась и снова опустила на четвереньки, тяжело и судорожно вдыхая, пытаюсь захватить ртом воздух и наполнить им легкие. Последний рухнул рядом, но почему-то боялся ко мне прикоснуться и только с ужасом взирал на попытки вдохнуть.

— Она не справится, Последний, он запечатал ее сердце печатью, твоя энергия не пройдет сквозь нее, ты не сможешь ей помочь, — услышала я слова Серого, а перед глазами уже летали черные мушки, и я завалилась на бок в блаженную черноту.

Глава вторая

Легенды Драконов.

Где с небом слился горный склон,
В норе глубокой жил дракон.
Дороже злата и монет ему был мягкий звездный свет.
Он жил в горах, у облаков,
Сын ветра, воли и снегов....
Он часто с бурями играл, бросаясь вниз с отвесных скал.
Дракону был неведом страх,
И был огромен крыл размах,
Он слушал песни трав лесных и видел сказочные сны....

Я очнулась и поняла, что лежу в кровати, мне тепло и уютно, но голова болит, в горле пересохло, а жужжание голосов над ухом набатом бьет в висок.

— Ей пора все узнать, чем дальше мы скрываем правду, тем слабее она становится, — шептал Последний, склонившись над моим изголовьем.

— Мы не можем знать, как она отреагирует. А вдруг испугается и убежит, а вдруг это вообще не она? Уж больно хилая, чем она поможет? — Возражал Серый. — И дернуло меня доверить такое дело Дракориэлю!

— Я просил тебя, я умолял позволить помочь, но ты отказал. Теперь пожинай плоды своего упрямства.

Серый стал шуршать подошвами по каменному полу, и я поняла, что он о чем-то задумался, потому что сопение было напряженным и частым.

— А Хранитель? — Вдруг спросил он собеседника. — По легенде он должен проснуться и указать когтем своим на избранного.

— Указал, — прохрипела я, вмешиваясь в их беседу и открывая глаза. — Вернее мило

потрепал им меня по спине, — и я с трудом перевернулась на живот, — подними футболку.

Серый явно растерялся и не спешил меня раздевать.

— Подними футболку, Серый, или я попрошу Последнего мне помочь.

Истерический всхлип говорил о том, что тот ни за что мне не согласится.

Футболка задралась, и теперь я слышала уже два истеричных всхлипа.

— След когтя Хранителя, — прошептал Серый, — не может быть, невероятно, — и я краем глаза увидела, как он начал описывать вокруг кровати танцевальные па. Последний не сводил глаз с моей спины.

— Можешь потрогать, — кивнула я себе за спину.

— Не дразни парня, Маша! — предостерег Серый, резко останавливаясь. — Он срезал свои крылья и навек облачился в них, никогда наезднице не сесть ему на спину, никогда не летать Синему Дракону.

Я вскочила с кровати, забыв, что футболка задралась и демонстрирует всем персиковые оборочки бюстгалтера.

— Ой... О! — я смотрела на плащ последнего во все глаза. — Так это твои, это они?

Последний, видимо, еще не смирился со своей жертвой и, опустив голову, безмолвно рыдал, его плечи сотрясались, волосы закрыли лицо, а я сидела и чувствовала себя настолько подавленной, что не могла выговорить слова сочувствия. Мне было искренне жаль дракона, но он сам избрал свой путь.

— Прости, меня, — все-таки прошептала я и потянулась к Последнему.

— Не трогай, — заорал он и отпрянул, — не дотрагивайся до меня! — развернулся и вышел из комнаты.

Всегда знала, что с фанатиками нужно быть осторожнее. У них своеобразное мышление, которое не воспринимает нормальных форм человеческих эмоций.

— Не больно-то и хотелось. — Буркнула вслед дракону.

Серый присел на край кровати и посмотрел мне в лицо.

— Не нужно его судить, Маша. Да-да, твой взгляд тебя выдает. — Остановил мои возражения целитель, — Он мог бы стать продолжателем своего рода, но предпочел срезать крылья и навек забыть свое имя. Поступок юноши, достойный взрослого дракона! Жертва во имя.... — Глаза Серого загорелись фанатичным огнем, — блага ближнего своего!

Теперь мне действительно стало страшно, захотелось к брату домой, в свой мир, такой привычный и такой.... Невзрачный по сравнению с тем местом, где я оказалась. Меня настораживали слова и поступки Серого и Последнего, их взгляды, полные нездорового блеска. Таких людей в моем мире принято называть маньяками. Честно, эти двое были той еще парочкой.

— Тебе пора узнать всю правду о нашем мире. Пойдем, вставай. — Потянул меня Серый за руку.

— Не могу, мне только что было плохо!

— Когда печать полностью завладеет твоим сердцем, станет еще хуже.

— Куда хуже-то?

— Ты окаменеешь! — Изрек Серый равнодушно и исчез за дверью, а я подскочила как ужаленная.

— А раньше мог сказать? — Едкий смех был мне ответом.

Витая лестница вывела нас в зал Драконов, а из него на другую сторону Храма и через очередную арку в когда-то прекрасный парк. Теперь моим глазам предстало нечто...

заброшенное. В центре огромного сада валялась каменная крошка и парочка столбов огромных размеров. Такое чувство, что их скинули откуда-то сверху и так и оставили.

— Здесь когда-то бил ввысь священный Источник, о котором я тебе говорил. Драконы разрушили и осквернили его, оставили замутненным на долгие столетия. Лишили энергии, его изначального предназначения. — Выплювывал злобно целитель.

— Ага, — кивнула я головой, — революция?

— Бунт после исчезновения императорской дочери, своеобразная месть синего дракона, который должен был стать ее мужем, протест против власти рода серых драконов. — Объяснил Серый, а я пыталась успевать за его быстрым шагом и улавливать смысл сказанного.

— Этот Храм заброшен и проклят, он стал местом забытым и гиблым, а жители Храма убиты и брошены в воды Истока. Я последний Серый Дракон, старый и древний, мне не возродить наш великий некогда род, не населить гнездо и Храм новыми драконами, не исполнить предназначения. — Целитель остановился и долгим взглядом посмотрел мне в лицо. — Но теперь это не важно, вернее не так трагично. — И снова эта фанатичная вспышка.

Прекрати меня пугать! — Хотелось мне попросить дракона, но тут к нам подошел Последний, и я посторонилась, вспомнив, что нельзя до него дотрагиваться. Не хотелось связываться с этим неуравновешенным парнем, кхм... Драконом.

— Пойдемте в беседку, разговор выйдет долгим, а я должен еще присмотреть за братом, — сказал Последний и повел нас к полуразрушенному строению в глубине парка.

Цветы и кустарники были увиты сорняками и задушены чертополохом. Печальное зрелище для глаз садовода, каким я никогда не была, но и мне становилось грустно и уныло.

Что за музыка мне пригрезилась в этом склепе? Здесь царило запустение и долголетнее отсутствие руки человека. Дополнял печальную картину маслом спящий во внутреннем дворе дракон, который сторожил Врата и никогда не просыпался.

Мы дошли до полуразрушенной беседки, которую подпирало высокое сучковатое дерево. Я присела на каменную скамью и прижала колени к подбородку, приготовившись слушать Последнего.

— Я расскажу тебе историю своего рода, с нее и начинаются все беды, — начал он.

Драконы живут не одно столетие, и самый первый Черный Дракон правил этим миром не менее тысячи лет, порождая род за родом. Медные, золотые, синие, зеленые ящеры населили этот мир и выстроили себе родовые гнезда вокруг Храма, и жили в мире и покое, размножаясь и заселяя плодородные земли. Серые Драконы поклялись охранять Храм и вечно проживать на его территории, передавая тайну Врат из поколения в поколение. Многие тысячелетия не знал народ Драконов ни войн, ни насилия, пока в императорском дворце не появилась на свет Белая Драконица. Она была белее снега на вершинах гор, белее облаков, парящих в небе, и взор ее ясный покорила не одно сердце драконов-самцов. Но никого не хотела выбрать Белая Драконица, за что прозвали ее Снежной Королевой и обрекли на вечное одиночество. Не летать ей на спине благородного дракона, не слиться с ним в едином полете, не чувствовать биения сердец и шума крови.

Но Белая Драконица только смеялась в ответ на проклятия, и тогда ее изгнали на Землю, навсегда. Только Серые братья знали тайну Врат — тайну портала меж мирами. Они схватили Драконицу и кинули ее за пределы нашего мира. Тогда и началась первая драконья битва — сражение, которое породило ненависть и злобу, чувства доселе не знакомые ни

одному дракону. Сердца их превратились в камень, а когти в острые мечи. И взлетели Драконы над Храмом, и уничтожили в злобе и ярости весь род Серых Драконов, оставив одно лишь яйцо, закатившееся под крыло Хранителя, которому никакая сила и мощь не смогла причинить вреда. Испокон веков лежит он во дворе Храма и охраняет путь к Вратам. Но бунтари, ослепленные ненавистью и местью, забыли заветы и наставления рода своего. Они замутили Источник, осквернили его священные воды своей кровью. Почти весь род синих драконов бросился на скалы грудью и разбился у истоков, проливая в воду яд из своих ран. Они навсегда опозорил себя и изменили существующий ход событий. Создали новый мир — жестокий и извращенный, упивающийся властью сильных и попирающий слабых.

Во главе нового миропорядка объединились братья и сестры золотых драконов из рода изгнанной Белой Драконицы. И взяли они себе в помощники самых сильных из оставшегося рода Синих драконов, разбившихся о скалы. Вырастили птенцов, обучив их только злобе и жажде смерти, насилию и одержимости мстить и убивать за отцов и матерей, разбившихся грудью о скалы.

Последний замолчал, а я немного ошарашено переваривала услышанное. И так, Последний из рода Синих Драконов, почему-то решивший срезать себе крылья.

Его старший брат Драко, который поставил на мне печать и тем самым привел в этот мир. Зачем? Чтобы я поскорее превратилась в камень и не надоедала своей одержимостью? Вряд ли!

Серый, видимо, из того яйца, что закатилось под крыло спящего стража, ага.... Он свой род продолжить не может, так как последний из рода Серых Драконов. Вроде все ясно, кроме одного.

— За что же тогда сослали Драко, то есть...

— Драко и есть, — прервал меня Последний рассмеявшись, — зови его человеческим именем Маша, ведь и тебе другого не дано, так вы будете ближе друг к другу.

— Нет уж, спасибо. Я с его жаждой к насилию и желанием преобладать над всеми не смогу ужиться. — Но что-то глубоко внутри говорило о том, что это не так.

Последний горько вздохнул и снова опустил голову на руки.

— Нет, Маша, не такой он.

— Что значит, не такой? — Удивилась я, вспоминая его поступки.

— Это я напитан жаждой мести и ослеплен яростью и злобой, это я с младенчества разорял гнезда слабых и кидал на скалы яйца, я убивал тех, кто отказывался идти в услужении Золотого дракона, за что Драко и оторвал мне крылья.

— Акх... — из меня снова выкачали весь воздух. Не подвела меня интуиция. Хотя, чего ждать от ребенка, который рос среди чуждых ему драконов с единственной мечтой в сердце — отомстить! И все же....

— Я не понимаю...

— А что тут понимать! — разозлился Последний и шарахнул по колонне рукой. — Я отпрыск Синих драконов, меня воспитали в ненависти и поклонении Золотым Драконам.

— Но Драко же твой брат?

— Да, Маша, брат. Только вот все наши братья Синие, а он Черный.

Я снова в ступоре уставилась на Последнего, но он больше ни слова не произнес и ушел, взмахнув на прощание плащом-крыльями.

— Серый, почему Драко черный?

— Никто этого не знает, Маша. Черный Дракон нарисован на куполе Храма и считается

прародителем этого мира, но за всю историю не вылупилось из яйца ни одного черного дракона.

— Поэтому его и изгнали, да? Белую драконицу в наш мир и Черного туда же, от греха подальше, как говорится.

— Не только поэтому, Маша. Род Золотых Драконов правит беспощадно, и многие противятся его власти и ропщут. Назревает что-то огромное в нашем мире и нехорошее. Слишком много крови пролито в Источник. Он переполнен слезами дракониц, потерявших детей.

Драко рос во дворце Золотого Дракона, а потом вместе с родителями был сослан в Скалистый край — жестокий и холодный, с Дикими и Отверженными драконами, которые ненавидели и продолжают ненавидеть отпрысков аристократов.

А позже весь род синих драконов был сослан на крайние границы, так далеко, как только можно, и отец Синих драконов озлобился на сына. Начались семейные раздоры: брат на брата, отец на сына. Ничего хуже, как смерть от руки родного тебе по крови, и представить нельзя, так сильно мы опустились. Драко взбунтовался против отца и оторвал крылья младшим братьям, оставив их рабами в замке. Все они вскоре разбились о скалы, все, кроме Последнего брата. Мать и отец-драконы поняли, что теряют свой род, и привели в дом драконицу. Ни одна из них не смогла оседлать спину Драко, потому как предание гласит, что только черный и белый сольются воедино, принося в мир добро и миропорядок. Отец и мать отвернулись от Драко и выгнали из замка. Тогда он прилетел к Вратам и с моей помощью покинул этот мир, который обрек его на полное одиночество. А потом он встретил тебя, Белая Драконица, наездница Черного Дракона, покорительница камня и золота. В камне высечено имя твое, спящий Хранитель стережет эти скрижали. Четыре стороны света олицетворяют камни те и четверем сторонам света преграждают они путь. На каждом имя твое.

Повернешься ли ты к востоку — встретит он тебя утренним светом, повернешься ли ты к западу — овеет он тебя знаниями и мудростью, повернешься ли ты к северу — заморозит он врагов твоих словом одним, повернешься ли ты к югу — дарует он тебе слезу свою, и очистит она воды Истока, и умоет в них детей твоих. Сольются тогда воедино два начала всего — черное и белое, и взлетят в танце смерти к небесам мира сего, а упадут камнем единым и навечно прекратят вражду и усмирят в сердце ярость, вобрав всю боль в сердца свои.

Серый замолчал, а я провожала последние лучи закатного солнца. Прекрасная легенда, пробирает до мурашек!

— Ты — потомок Белой Наездницы, Снежной королевы, Маша. Кровь ее в жилах твоих и вызывает она к воссоединению с твоим драконом-самцом. Он нашел тебя в мире твоём, и он принял твою кровь в себя и наградил своей кровью в ответ.

Если ты достойна и сердце твое примет истину, то станешь ты Белой Королевой драконов и Наездницей Черного Властелина. Если же кровь твоя как вода, а сердце глухо к страданиям рода твоего, то погибнет этот мир вместе с тобой.

Серый показал на далекую гору.

— Там начинается Источник, там высечена эта легенда, а имя твое на четырех камнях во дворе священного Храма. Добро пожаловать, Машенька, домой. Наконец-то ты вернулась и принесешь нам мир и покой.

— Или застыну каменным изваянием, и весь этот мир окаменеет со мной вместе.

Спасибо за лечение, целитель, я здорова и готова шагать обратно домой.

Серый как-то угрюмо глянул на меня.

— Смешно, Маша?

— Смешно, Серый, до жути! Но исцеляет. Отправляй меня обратно, сейчас же! —

Заорала как-то истерично, на высокой ноте. — Мне еще вещи собирать и домой лететь. Никогда больше не увидимся, надеюсь.

Серый внимательно меня разглядывал, а я уже шагала к Храму за своими вещами.

— Верни меня обратно, я должна поговорить с Драко, мне необходимо выяснить все для себя. — Умоляюще сложила ладони. — Позволь мне немного подумать, Серый, пожалуйста.

А сама тряслась от ужаса при мысли, что встречу с Драко лицом к лицу. Что я ему скажу?

Мысли лихорадочно роились в голове. Как убедить строптивного бешеного дракона вернуться туда, откуда он навсегда пожелал уйти? И хочу ли я сама вернуться сюда, вместе с ним?

Столько вопросов и ни одного вразумительного ответа. Нет, мне действительно пора взять себя в руки и подумать о том, что делать со всеми проблемами, навалившимися за последнее время.

Часть третья. Мир драконов

Глава первая.

Битва по-женски.

Соблазни меня сегодня, соблазни!

Сделай так, чтоб я забыла обо всем!

Ну, когда же мы останемся одни?

Я надеюсь до утра пробыть вдвоем...

Всё неважно — эти гости, этот свет.

Есть два тела, два желанья, две любви.

Даже если я тебе отвечу «Нет», Продолжай дарить объятия свои.

Петр Давыдов.

Анфиса висла у меня на шее минут пять и верещала от восторга, а Дэн закатывал глаза и хмурился, но с первого взгляда было ясно, что и он рад моему возвращению.

— Машенька, родная моя, хорошая моя, — завывала Анфиса на весь холл, привлекая внимание окружающих.

— Чего она так убивается, замуж что ли провожает? — пожимали плечами студенты.

— Да, Мила, замуж именно так и провожают! Дурра ты!

— Сама такая, выпендрейница. Больше всех знаешь?

— А вот и знаю! Из психушки девочка вернулась, подруга рада вон как!

Я отцепила Анфискины руки и потащила ее подальше от толпы студентов. Теперь придется нести еще и этот крест. Станный у нас мир какой-то — как понавешивают ярлыков, так потом и начинаешь не жить, а существовать под их гнетом.

— У нас первая пара в оранжерее сегодня. Этот Драко — красавчик просто (я внутренне передернулась), такие уроки нам бахает! (расслабилась). Сегодня вот тема цветов и всего прекрасного, что связано в мире поэзии с этими хрупкими растениями.

— Ого, ты заговорила! — рассмеялся Дэн. — С этими занятиями свихнулись все как будто.

— Я что-то интересное пропустила? — потупилась я невинно.

— А то! — снова заверещала Анфиса. — Драко нам организовывает уроки где угодно, только не в аудитории. Даже на крыше побывали, созерцали звездное небо и рассуждали на тему звезд, потом, конечно, пришлось попотеть с сочинением, пока переводила названия, чуть мозг не сломала.

— Не ты одна! — буркнул Дэн.

— Понимаешь, Маша, он вроде с виду неприметный такой (внутренне ахнула от возмущения. Где твои глаза, подруга!), а как начнет декламировать стихи и песни, так хоть стой, хоть падай. Голос завораживает, до костей пробирает. Он в актовом зале гостей встречал иностранных на прошлой неделе, так как начал заливать соловьем, они стояли рты разинув, а потом, Маша, а сейчас...

— Так стой, Анфиска, потом-сейчас твои у меня лихорадку мозга вызвали.

— Да не перебивай ты! Я хочу сказать: наслаждайся последними уроками у Драко, уезжает он (сердце сделало кульбит и заголосило в ужасе). Пригласили его в престижную лондонскую школу на место ректора! — выдала она торжественным голосом. — Еще пара недель — и как не бывало нашего Драко, улетит.

Я вздрогнула. Улетит.... Мой Черный Дракон собрался бросить меня окончательно, а я ничего не делаю и не предпринимаю. Быть мне камнем.

Звонок на пару звучал гонгом к началу казни, и я постаралась вспомнить наставления Серого.

Ты должна доказать ему, что в тебе течет кровь настоящей Белой Драконицы, оседлай его, Маша, докажи, что сможешь его приручить.

Так просто, как чихнуть! Оседлать в прямом смысле слова я его не смогу, он физически сильнее, разве только напоить. Оседлать в том смысле, о котором моя мама и думать мне запрещала, тоже вряд ли. Опыта не хватает и не хочется одаривать Драко моей девственностью, не заслужил! Тогда как и в каком смысле вообще его оседлывать?! Мозг дробился в крошку и вываливался из ушей.

— Чем тут воняет? — спросила я у Дэна, который пристроился на импровизированной лавочке между кадками с растениями.

— Это ботаники удобряли землю вчера. Оранжерея — их территория, Драко выпросил на пару.

И при упоминании его имени, как по волшебству, в оранжерею вошел он сам. Мои вены вздулись и наполнились огнем, стало так жарко, что свитер взмок мгновенно. Сердце молотом стучало в голове, а ноздри готовы были раздуться до парашютных размеров.

«Моя прелессссть», — прошептала моя внутренняя Белая Драконица и рванула навстречу своему дракону. Причем рванула и я в самом буквальном смысле. А что, я из психушки приехала, мне можно.

Чуть не сбив Драко с ног, врезалась ему в грудь и поволокла за собой. Пусть только попробует не пойти, такую сцену устрою, никакая престижная лондонская школа связываться не захочет.

Надо отдать должное выдержке Драко, он беспрекословно следовал за мной по лестнице к кабинету Я влетела в знакомые чертоги и застыла на месте.

— Здравствуйте, Павел Юрьевич, — что декан факультета делает в кабинете Драко?

— Доброе утро, Снегирева, с возвращением, хотя выглядишь ты неважно.

Я представила себя со стороны. Свитер взмок и липнет к телу, волосы прядями свивают вдоль лица и немного завиваются у висков от избытка пота, глаза горят, пальца сжимают руку преподавателя по инязу, как в смертельной агонии.

— Павел Юрьевич, — вкрадчиво произнес Драко, — нам со Снегиревой срочно нужно обсудить пробелы в обучении, не могли бы мы с вами перенести наш разговор?

Декан как по струнке выпрямился и пошел к двери.

— Тогда завтра? — как-то заискивающе посмотрел на Драко.

— Завтра! — уверенно произнес он и захлопнул за деканом дверь, а потом развернулся, схватил меня за затылок и рванул к себе. Все! Мозг взбесился и растворился полностью. Я нашла губы Драко и впилась в них в таком жадном поцелуе, будто он даровал спасение утопающему. Его руки срывали с меня свитер, и горячие ладони иссушали влагу на коже. Его язык дарил незабываемое наслаждение, сплетаясь с моим в диком танце. А потом вдруг я почувствовала, как кровь забурлила во мне и начала рваться наружу. Драко отстранился и

припал к шее. Слизывал капли пота с моей кожи, ключицы, груди. Рванул тонкую ткань топа и исследовал родинку во впадине горла. Я застонала и выгнулась ему навстречу, а Драко уже прокладывал дорожку языком к самому сердцу, покусывая и тут же зализывая укусы. Голова шла кругом, ноги подгибались, и из горла рвался крик пощады.

— Печать не сниму и не надейся, — сказал Драко между делом, разом приведя мою бедную головушку в кристально трезвое состояние.

Я оттолкнула его от себя и деланно равнодушно села в кресло, которое совсем недавно покинул декан.

— Тогда весь народ драконов превратится в камень, — как бы между прочим сказала я, — можешь, конечно, торчать в моем мире и полностью игнорировать проблемы в своем, но это не выход из положения.

— Сказки с привкусом психоанализа.

— Серый очень мотивирует этими сказками!

Драко дернулся и более внимательно стал меня рассматривать.

— Не задавался вопросом, откуда у меня к тебе такая., кхм... тяга? — спросила я невинно.

— Времени не было, — Драко обвел руками кабинет, намекая на великую занятость.

— Неужели и правда не интересно? — уже с обидой в голосе вопрошала я его.

— Маша, оставь при себе свои обличительные взгляды — не действуют.

— Я просто не понимаю, Драко! Твой народ страдает от гнета Золотого Дракона, слабых принижают и лишают потомства...

— Это драконий мир, Маша, не путай со своим. В нашем мире выживает сильнейший.

— Да ты что?! — совершенно опешила я. — Раз так, конечно, давайте лишать потомства ни в чем ни повинных дракониц, подумаешь, еще родят себе выводок дракончиков, а неразумных отцов грудью о скалы. Так, по- твоему?

Драко разозлился не на шутку.

— Наслушалась сказочек про справедливость и равенство, и захотелось мира во всем мире? Серый давным- давно сбрендил. Ты хоть представляешь, сколько ему лет?

— Пару сотен? — невинно спросила я.

— И еще три, — невозмутимо прибавил Драко, — его лишили рода, вот и бесится.

— Да ты вообще себя слышишь? — заорала я на весь кабинет. — Его родовое гнездо разорили, убили всех..

— Вот он и свихнулся, — перебил меня Драко. — А теперь не могли бы мы пойти на пару? У меня вроде как занятие со студентами.

— Самому не смешно? — я вскочила со стула и начала наступать на Драко. — Заперся в моем мире как в чулане с крысами!

— А крысы, надо полагать, это люди, значит и ты тоже? — невинно приподнял он бровь.

— А я между прочим дочь Снежной Королевы, потомок Белой Драконицы! — Надеюсь, что все правильно запомнила.

— Да ну? — Драко презрительно оглядел меня с ног до головы. — Хорошо сохранилась. Я засмушалась.

— Ну пра-пра-дочь, подумаешь! Ты легенды читал? Черное и белое сольются...

— Маша! — взревел Драко. — В каком веке ты живешь! Это сказки, выдумки сумасшедшего дракона, запершегося как в склепе в Храме среди скал.

— И тем не менее, когда тебе подрезали крылья, ты приполз именно к нему! — добила я упрямыца и выскочила из кабинета.

— Тупорылый ящер! Себялюбивая скотина. Посмотрите на него, весь из себя такой знающий.

— Маша! — я резко затормозила.

— Передумал?

— Хочу тебе кое-что показать, — сказал Драко очень тихо, — только потому, что самому интересно.

— И что же? — любопытствовала я.

— Мой мир, дорогая, настоящий, не сказочный, — и Драко вцепился в мое запястье, а потом наклонился над ним и саданул острыми зубами.

Кровь закапала на плиты коридора.

— Добро пожаловать в мир драконов, дорогая, — и прижал запястье к груди.

Глава вторая.

Город драконов.

...Помнит сердце запах вишни,

Помнит шрамы и рубцы.

Из гнезда когда-то вышли -

И теперь мы не птенцы...

Алексей Киреев

Я и Драко только что совершили выброс (так он назвал наше мгновенное перемещение в пространстве). "Портал работает за счет слияния магии и энергии, которая и позволила нам оказаться здесь" — прокомментировал случившееся дракон. И вот я уже стою в самой высокой точке, с которой удобно рассматривать открывающийся, как на ладони, город.

На мостовых Центра (так Драко назвал это место) кипела настоящая жизнь, которую я с любопытством разглядывала с вершины обзорной горы. От центральной площади, где на возвышении стоял дворец императора, шли четыре дороги, а между ними росли в ряд красивейшие высокоствольные деревья с куполообразными зелеными кронами. Парковую зону огораживали невысокие заборчики, вдоль которых тут и там стояли велосипеды, по мощенным дорогам ездил странного вида транспорт с открытым верхом. Ни одной машины я не увидела. Дома стояли фасад к фасаду, переливаясь на солнце красными, зелеными, синими и медными красками. Цветочные клумбы и виноградные лозы обвивали низенькие кованые оградки и витиеватые перила крыльца. Узкие улочки упирались в рыночные площади, где кипела торговля, и сновали туда-сюда продавцы газет и прочей печатной продукции, выкрикивая на ходу последние новости. За площадями снова шли дома, более низкие и менее презентабельные, чем в центре города, но не менее ухоженные. Драконы, видимо, отличались любовью к чистоте и порядку. Мостовые будто вылизали языками, и они отливали тусклым серебром на солнце. В отдалении, как зубец скалы, сверкая своей белизной, возвышался одинокий замок, вокруг которого было настолько много драконов, что у меня зарябило в глазах. Они входили и выходили, что-то крича друг и другу. Руки мелькали

в воздухе, объясняя невидимому собеседнику, что-то, видимо, очень важное. А потом садились в транспорт и сливались с шумным потоком других драконов. По воздуху носились разноцветными искрами ящеры с наездницами, и я тщетно пыталась разглядеть, как они держаться на спине и не падают при таком быстром полете. Совсем далеко, практически у горизонта, зеленой полосой шли поля, перемежаясь с вспаханнами полосами бурого цвета. А еще дальше серые скалы преграждали мне путь неприступной стеной. Настоящие исполины, гордые и величественные, со снежными шапками-пиками, будто сторожи всего драконьего мира, стояли они вокруг огромного города драконов, охраняя и оберегая его тайны. Ничто в этом движущемся потоке не говорило о том, что кого-то сейчас растерзают или предадут казни, лишат птенцов и бросят о скалы.

Из глаз непроизвольно брызнули слезы обиды.

— Серый мне соврал, да? Это и правда был психоанализ. Решил меня вылечить и вернуть тебя заодно. Интриги, значит?

Драко закатил глаза.

— Интриги, дорогая, но Серый рассказал правду.

Я потрясла головой и снова прильнула к обзору.

— А по ним не скажешь, вроде счастливы и довольны. Ни гильотин на площади, ни палачей с топорами.

— Маша, драконий мир гораздо более развит, чем твой. Какие гильотины?

— И чем же вы такие развитые, просветишь?

— Мы владеем энергетическими потоками, — очень важно изрек Драко, — эти жестикуляции не просто так, он указал на оживленных драконов. С помощью энергетических потоков, которые проходят сквозь наше сердце и растекаются вместе с кровью по венам, мы передает информацию друг другу, а более сильные драконы, перемещаются и трансформируют предметы, управляют стихиями, поднимают мертвых.

— Ух ты, жуть какая! А из цветочков творят сады?

— Из камня — золото. — Не моргнув глазом сказал Драко.

— А! — Что тут еще скажешь — драконы!

Я вернулась к обзору и впитывала в себя как губка панораму города. Далеко от центра, дома были раскиданы то там, то тут, без какого-то четкого порядка, а мостовые превращались в обычные утопанные земляные дороги. Напротив белого зубца, в другом конце города, стоял великолепный черный замок, где так же суетились драконы, облаченные в ржавого цвета плащи. (Уж не срезанные ли это крылья? — мелькнуло в голове). Каждый из них держал в руках какие-то свитки. Я смогла разглядеть рукописи, мелко усеивающие листы.

— Как эта штука работает? — удивилась я, глядя на трубу обзора. Вроде обыкновенный, а позволяет увидеть то, что простому увеличительному стеклу не под силу.

— Ты мыслишь, пропуская через себя информативный поток энергии, обзор реагирует и настраивается на нужный объект.

— Круууто! — Протянула я потрясенно. — Откуда я могу так?

— Сам не знаю, для того и портанул именно сюда, проверить хотел.

Я обиделась, всегда так, как с ребенком малым в игрушки играет.

— Проверил? Доволен?

Драко плотнее запахнул на себе кожанку (да, ветрено тут как-то) и засунул ладони в карманы джинсов.

Не мужчина, а мечта. Крепкий, высокий, мускулистый и... (каменный). — Пришло на ум.

Сейчас, в лучах солнца, его лицо выглядело более безмятежно, чем обычно. Волосы небрежно стянуты в хвост, сталь в глазах смягчилась и оттого взгляд больше не казался суровым и напористым, скулы и очертания губ тонули в золотых лучах солнца. Красивый, мой, — и я снова втянула в себя воздух, пытаюсь уловить его запах. Хвоя, горечь рябины и сладость вишневого сока заструились по венам, приводя меня в состояния покоя и умиротворения.

— Читаешь мысли, родная? — Как-то недобро покосился на меня дракон.

Что-ты, любимый, — захотелось проворковать в ответ, но я повернулась к обзору и прильнула к нему глазом. Правда смотреть не стала, а задумалась о словах Драко. Неужели я способна обонять его настроение, его эмоции, его мысли? Насколько же близка связь наездницы и дракона, когда они едины? В обыкновенном браке такого точно нет.

Оно мне вообще нужно? Так в девятнадцать лет стану чьей-то собственностью, а я еще и на мир-то толком не посмотрела.

— Я начинаю замерзать, долго еще?

— Долго, — буркнула я в ответ и снова отвлеклась на панораму города.

Осталось рассмотреть то, что находилось в этой части, прямо под обзорными скалами и зрелище того стоило. Еще один замок тянулся зубчатыми вершинами прямо к небу — зеленый, будто поросший мхом. Выглядел он гораздо древнее и старше своих собратьев белого и черного, но архитектура и дворовые постройки точно копировали друг друга. Здесь было гораздо меньше драконов в облике людей, зато с площадки то и дело взлетали ящеры с наездницами на спинах. Теперь мне удалось сосредоточиться на драконицах и я рассмотрела все интересующие меня детали. Красавицы! Они были настоящими красавицами! Волосы развивались по плечам до талии, удерживаясь в прическе с помощью остроконечных шипов. Что это? Шлем? Корона? У каждой девушки был обод из шипов определенного цвета: медного, синего, зеленого, золотого. Те, кто носили обода из золота, держались немного в стороне и более горделиво. Ни с кем не обменивались жестами и словами, восседали на спине драконов и оглядывали территорию. Неужели стражники? Ведь не зря дворец императора Золотой и про Золотого Дракона мне что-то там вещал Серый. Хотя его словам я уже не верила. Напугал меня сказками, а тут все совсем по-другому оказалось.

Одеяния дракониц тоже отличались друг от друга фасоном и моделями, от простого платья в пол, до брюк и кожаных жилетов. Видимо, строгая форма не предусмотрена, хотя и яркость красок тоже. Все однотонное, скучное, но выгодно подчеркивает стать каждой из дракониц.

Приглядевшись немного к панораме, я поняла, что мостовые от самого дворца ведут к этим строениям, четыре дороги, четыре замка-зубца. И я перевела взгляд на последний — синий замок. Те же стрельчатые окна и высокие зубцы в небо, те же дворовые постройки, но никого вокруг. Что с этим замком не так? Вроде разгар дня, должны трудиться и работать в поте лица, а тут никого.

— Что не так с тем замком? — Спросила я у Драко, не отрываясь от обзора и скорее почувствовала, чем увидела смену его настроения. Ледяная волна холода пробрала от кончиков пальцев, до самой макушки и заставила поежиться.

Зря спросила.

— Это замок синего рода драконов. Они практически вымерли, вот и нет никого.

Я не стала говорить, что знаю, откуда Драко родом. Так вот значит как выглядит его дом! Ничего себе такой, замок-замком.

— Неужели никто там не живет? — Решила я совсем обнаглеть.

— Синие драконы служат Золотому двору и находятся все время в полетах. Они контролируют потоки информации и сгустки энергии, добывают ее из горных пород и..

— Постой-ка... Как это добывают? Как энергию вообще можно добывать?

Драко обреченно вздохнул.

— Наш мир отличается от вашего, Маша.

— Я заметила, у нас летают на самолетах, — съехидничала я.

— Энергия таится в камне, в скальных породах, в сердцах гор и истоках рек. Стихийники черпают энергию из лучей солнца. Она спрятана так же в камне, воздухе, воде и даже земле. Синие драконы распределяют потоки к зубцам замков четырех сторон света, а зубцы направляют потоки к сердцу города — Золотому дворцу, где правящая элита уже раздает энергию детям своим — низшим драконам.

— Теперь понятно, почему Серый недоволен, ему энергии недостается?

— Серый владеет более продвинутой магией, дорогая. Он черпает энергию у Врат, которые в свою очередь высасывают ее из иных миров. Их во вселенной немало количество, знаешь ли.

— Поэтому ты пришел к нему, когда тебя выгнали из дома? Он поделился с тобой энергией и продолжает питать тебя?

Драко посмотрел на меня совсем другими глазами.

— А ты быстро схватываешь, дорогая, — сузив глаза, приблизился к самому лицу, — не смей говорить об этом ни одному дракону.

— Я не собираюсь болтать об этом! Учítывая, что знакома всего-то с тремя драконами. Ты, Серый и Последний. Плечи Драко напряглись, и он ссутулился, засунув руки глубже в карманы.

— Ты знакома с моим братом?

— Да, — просто ответила я, почувствовав горечь во рту, — он предлагал стать его... кем-то там.

Теперь Драко яростно мерил шагами площадку, потом остановился и более внимательно посмотрел на меня.

— Ты должна быть более внимательна в выборе друзей и врагов. Мой брат жестокий и непримиримый воин, который вынужден смириться с потерей крыльев. Он настоящий фанатик, свихнувшийся на древних легендах и готовый принести себя в жертву по велению руки Серого.

Значит, я была права, когда называла их маньяками, теперь и Драко подтверждает, что не все так просто с его братом и целителем.

Промолчала о своих выводах. Драко итак не сладко, привкус горечи на языке не пропадал, а значит дракон переживает из-за брата. И если все, что сейчас сказано правда, а эту правду от меня не скрывал и Последний, то я совершенно запуталась. Все, что мне сейчас было нужно, так это тексты легенд у меня в руках. Я хотела не просто держать их, но и понимать, о чем там написано.

Серый мог по-своему интерпретировать написанное на камне послание, хотя многое из сказанного им подтвердилось. Я тогда пребывала в состоянии шока и была уверена, что в любую минуту смогу попросить Серого напомнить текст предания, поэтому помнила

сказанное обрывками. Но очень четко вырисовывались в голове четыре дороги и четыре стороны света. А теперь я знаю, что замки-трезубцы собирают энергию и распределяют ее к Золотому дворцу

— Если лишить дракона энергии...

— Он потеряет все. — Закончил за меня Драко.

Значит Золотой Дракон владеет всеми потоками энергии и кто-то ее не получает совсем, иначе зачем Серому выдумывать мир, погрязший в злобе и ненависти.

— Как раньше распределялись потоки энергии? — Снова обернулась я к Драко.

— Вся энергия шла от Источника, который проистекает через все земли нашего мира. В Храме бил Фонтан Мудрости, туда приходили для совершения обряда единения, за знаниями и за получениями энергии. Ее было много, она сама по себе жила в воздухе и ее не надо было собирать в потоки и добывать из камня, воды и земли. Маги процветали тогда, а теперь их рождается все меньше и меньше.

— Но вы разрушили Источник, я видела то, что от него осталось и Серый рассказал, что воды осквернены.

И потекла река в обратном направлении, окрасив воды в цвета крови и золота, — вспомнила я свои сны.

— Мне снился источник, Драко. Каждую ночь я просыпалась оттого, что мои вены наполнялись раскаленным золотом и выжигали во мне все живое. Я заходила в реку, окрашенную кровью и золотом.

Дракон молчал, вглядываясь куда-то вдаль.

— Я подумывал о том, чтобы больше никогда не вернуться сюда. Решение шагнуть сквозь Врата было тяжелым, еще тяжелее принять его сейчас, когда ты рядом.

— Жалеешь, что мы встретились?

Драко, наконец, вытащил руки из карманов, подошел ко мне и обнял. Я прижалась спиной к его широкой груди и наслаждалась временным перемирием. Что оно временное я не сомневалась.

— Я заигрался, Маша, прости меня. Сам не понимаю, зачем вылил на тебя всю свою злобу. Впервые за долгое время в моих руках оказался такой огромный поток энергии, а я тратил его абсолютно бездумно и бессмысленно. Серый верит в то, что я новый властелин драконов, что я отстрою Храм и очищу Источник. Он и мне читал легенды и рассказывал древние предания, а я струсил и сбежал тогда, когда должен был сделать нечто.... что заставляет меня не хотеть возвращения домой. — Тихим голосом произнес Драко.

— Знаешь, Серый растил меня вместо отца и матери, я пропадал в Храме все детство и именно там черпал энергию и силы. Братья злились, они не понимали, почему Врата делятся со мной запретным источником, а с ними нет, а род Золотых драконов и боялся меня и ненавидел. Смерть четверых наездниц просто повод к изгнанию. Мне предложили срезать крылья и уйти в Храм навсегда или...

— Или, — прервала я затянувшееся молчание.

— Или прийти в замок и провести обряд рабства. Сложить с себя родовые привилегии и стать слугой, летающим, но не парящим. Одиноким драконом-рабом, не имеющим наездницы и собственного гнезда.

— Ты предпочел уйти?

— Я взбесился и чуть не совершил дворцовый переворот, а наш хрупкий мир итак держится на последних иссякающих потоках энергии. Поэтому Серый дал мне пинка под

драконий зад и выкинул в твой мир, но с определенной целью, Маша.

— Я рада.

Драко засмеялся.

— А я как рад. Только поселился в новом жилище, вычистил его, разложил вещи и чувствую такую вонь за дверью, что из окна хочется выброситься. Открываю, а там ты и куча мусора.

— Прости, — смущенно произнесла я, — в этом виноваты прежние жильцы.

— Давно простил, Маша, а вот забыть тебя не смог. Моя драконья сущность постоянно требовала твоего присутствия, а я думал, что это какая-то особая фаза привыкания к новому миру. Я просто идиот! Тогда в кабинете я понял, что совершил нечто ужасное, я наложил на тебя печать, заклеил тебя драконьей кровью, вложил в человеческое тело такой заряд энергии, что ты должна была по сути сойти с ума.

Драко опустил голову и зарылся носом в волосы на макушке.

— Ты чувствуешь меня, мои мысли, мое настроение. Я почти готов поверить в то, что в тебе течет кровь изгнанной когда-то Белой драконицы. Я даже готов попробовать...

Драко снова напрягся и замолчал. Я развернулась к нему, встала на цыпочки и посмотрела в глаза.

— Совершить обряд единения?

Драко совершенно обалдело вытаращился на меня, а потом зашелся в диком хохоте. Отсмеявшись, он помотал головой.

— Ты хоть и потомок драконицы, но никак не наездница. Ты же ребенок, сколько тебе лет, девятнадцать. Предлагаешь дракону в расцвете сил единиться с младенцем?

Я возмущенно ахнула и уперлась кулаками в грудь Драко.

— А целоваться с младенцами значит нормально!!! — Заорала на него во всю силу легких. Вот и конец временному перемирию.

Драко не выглядел смущенным, только придвинулся ко мне и потянул за волосы вниз, подняв тем самым подбородок.

— Не могу отказать себе в этой слабости, ты такая наивная и так сладко пахнешь. Для дракона поцелуй, что пощекотать младенцу пятки и припал ко мне жадным ртом.

Мысли снова расплавились, успев зацепиться за край сознания фразой: «а что тогда считается настоящими ласками и поцелуями»? А потом я снова растворилась в руках самого родного, самого желанного и самого любимого дракона во всем этом мире.

Глава первая В кругу семьи

Дом, как известно всем давно, —
Это не стены, не окно,
Это не стулья со столом:
Это не дом.
Дом — это то, куда готов
Ты возвращаться вновь и вновь,
Яростным, добрым, нежным, злым,
Еле живым.
Дом — это там, где вас поймут,
Там, где надеются и ждут,
Где ты забудешь о плохом, —
Это твой дом.
Е. Куменко

Мне всегда казалось, что дом — это место, где твои родители, братья, бабушки и дедушки. Я совершенно не избалованная собственным домом личность, не считая двухкомнатной квартиры в панельной пятиэтажке. Но оказавшись в замке, который из поколения в поколение переходил членам одной и той же семьи, я, наконец, ощутила и начала немного понимать, что же такое на самом деле дом с большой буквы.

Представьте себе огромный холл, отделанный дубовыми панелями с окнами-панорамами и огромной люстрой. Одна эта люстра могла бы занять половину моей комнаты, если не всю ее.

Стены были увешаны картинами в тяжелых резных рамах с витиеватыми знаками и письменами. Драконы в человеческом обличье, наездницы в высоких костяных ободах и кожаном облачении, ящеры всех цветов и оттенков, с хищными оскалами, зубастыми пастями и шипастыми хвостами.

Я в восторге рассматривала потемневшие от времени холсты и впитывала энергию, шедшую от каждого из них. В обстановке этого дома была такая сила, что голова кружилась. Мягкая обивка дивана, отполированная до блеска столешница, золотой канделябр с оплывшими свечами. Даже кирпичная каминная кладка была усеяна мелкими каплями энергии, которые я собирала, словно пчела нектар.

Обычно гости вбирают в себя красоту помещения глазами, я же собирала ее в буквальном смысле, касаясь пальцами тканей, дерева и даже бумаги. С первого шага я ощутила в себе тысячи голосов, которые смеялись, плакали, кричали и даже пели. Шепот доносился из углов и портьер, разговоры тонкой светлой струйкой просачивались сквозь стены. Это было великолепно, волшебно, пьяняще! Скажи мне кто-нибудь раньше, что я буду в такой счастливой прострации от того, что слышала голоса призраков, драконов, которые

многие поколения назад, ушли из этого мира, а бы впала в истерику. Но сейчас я забыла о том, что Драко где-то рядом и наблюдает за мной все это время, что с минуты на минуту спустятся его родители, и я буду им официально представлена, что нас ждет не самая приятная встреча, раз уж на то пошло.

И вдруг у одного из портретов меня пронзила такая сильная волна энергии, что я вынуждена была схватиться за раму. С криком отдернув руку, я увидела на коже глубокий ожог.

"Что со мной происходит? Как я смогла ощутить энергию и впитать ее в себя? Почему этот настойчивый голос в голове не замолкает!"

«Убирайся! Как ты посмела! Вон!» — Кричал в черепной коробке истерический вопль, и я огляделась в поисках источника.

Это нас так встречают родители Драко? Я, конечно, всего ожидала, но не до такой же степени.

Но Драко стоял совершенно один и смотрел на меня так, как будто я только что прошла очень сложное, но совершенно достоверное испытание. Потом резко пересек холл и вцепился в запястье.

— Шипишь, красотка! — Обратился дракон к портрету. — Пожинай плоды деяний своих.

— Говорить с умершими плохая примета!

— А кидаться на мебель и стены, шепча как полоумная «ещщще»! — Это, по-твоему, нормально?

— Я не... или шептала?

Драко рассмеялся.

— Я только что собственными глазами наблюдал, как ты незаконно и без всякого на то права впитывала в себя энергию дома. Ты хоть представляешь, насколько это опасно? Ты уже заслужила смертную казнь за оскорбление семейной чести, нелегальное изъятие потока энергии и утаивание дара мага высшей инстанции.

— Дара чего? — Я посмотрела на свои руки так, будто это были саблеубийцы, а Драко, как ни в чем не бывало, развалился в кресле, продолжая меня разглядывать.

— Все интереснее и интереснее. Неужели Серый поколдовал над тобой? Хотя вряд ли. С таким даром рождается один дракон из ста, а ты даже не дракон. Я в полном замешательстве, дорогая.

Ты не представляешь, в каком замешательстве сейчас я, — хотелось мне ответить ему, но я только горестно вздохнула. Начинала утомлять вся ситуация в целом. Мне рассказали много всего о мире драконов, но было очевидно, что пока сама не попробуешь — до конца так и не поймешь.

Сев в широкое кресло напротив Драко, я откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Усталость давила на все тело, руки немного покалывало, возможно, я впитала слишком много энергии, надо научиться контролировать свои порывы и не только их. Я должна попасть в библиотеку и узнать как можно больше о данном мире. Как мне раньше не приходило это в голову?

Прежде чем соваться в логово драконов, нужно было понять, чем они живут. Хотя в общих чертах я представляла, что Серый против современных распределений энергопотока и хочет вернуть все на круги своя. Восстановить Храм, собрать как можно больше приверженцев с отрезанными крыльями, которые не смогут покинуть пределы святилища. С

другой стороны Золотой Дракон — нынешний император и повелитель над всеми другими, который сидит в своем дворце, как у кормушки с золотом и ни с кем не хочет ей делиться. Тоже вполне понятно и логично. Есть еще третья сторона, вот тут все гораздо сложнее. Кто такой Драко? Почему птенец из рода синих драконов рождается черным и его начинают бояться, ненавидеть и, в конце концов, отвергают? Почему Серый изгнал Драко на Землю, как до этого Белую драконицу, не желающую выбрать себе дракона- самца и стать полноценной наездницей? Я вскинула глаза на портрет, который одарил меня ожогом.

— Белая Драконица! — Удивленно воскликнула я.

— Отошла, наконец? Я уж думал тебя по голове огреть канделябром, так от тебя искрило.

— Что ты имеешь ввиду?

— А то, что потоки энергии отнимают часть твоих человеческих чувств, и ты становишься невосприимчива к тому, что тебя окружает. Вернее, сочетание энергии и магии в конце концов убивает в нас что-то человеческое, но это бывает не часто и не со всеми.

— Что? — вскочила я с кресла.

— Ты начинаешь замыкаться в себе, забываешь имена окружающих тебя драконов и даже членов семьи, настолько погружаешься в энергопоток, что он полностью завладевает разумом и телом. Тогда камень, вода и земля становятся тебе ближе, чем драконы из плоти и крови.

— Пфф, — выдала я что-то невразумительное и снова осела в кресле. Драко посмеивался над моей игрой «села- встала» и кривил рот в злобной усмешке.

— Урок усвоен?

Причем тут урок, — хотела я заорать, но голос меня не слушался, и я снова закрыла глаза. Ящер бесчувственный! Все-то ему шуточки! Я тут расстаюсь с частью себя самой, а он радуется, интересно ему, видите ли! Мог бы остановить, предупредить! Где там уже его родители?

На самом деле я не чувствовала, что во мне что-то убывало, наоборот, прилив сил был настолько ощутимым, что хотелось петь и танцевать.

И тут я вспомнила слова Драко о том, что именно род синих драконов занимается распределением потоков энергии и ее добычей. Интересно получается. Самый сильный или почти самый сильный род драконов заставляют заниматься тем, что лишает их всякого интереса к тому, что вообще творится вокруг.

— Золотой дракон умело ведет политику. Отстранил вас от двора, заставил добывать энергию и распределять ее в потоки, а сам сидит в окружении слабых, упивается властью и уничтожает недовольных. А ты еще рассказываешь мне, что все прекрасно.

Драко пожал плечами.

— А я не говорил, что все прекрасно, — буркнул он, — для нашего рода все практически решено, он на грани вымирания. Если в ближайшее время я не остепенюсь и не населю это место маленькими драконами, судьба рода решиться окончательно.

Сердце сжалось от боли.

«Ты никогда его не получишь! Никогда!» — снова завизжал у меня в голове настойчивый истерический голос, и я посмотрела, наконец, в глаза Белой Драконицы.

Знаешь, стерва, ты давным-давно истлела и не тебе решать, получу я его или нет!

Лицо красавицы надменно кривилось и мне казалось, что она смеется надо мной.

— Что этот портрет вообще здесь делает?! Она же не из вашего рода, — ткнула я в лицо

Белой Выдре.

— Она должна была стать наездницей моего деда и это его желание повесить здесь ее портрет, — раздался у меня за спиной вкрадчивый голос и я вскочила на раз-два.

Что делать? — лихорадочно соображал мой мозг, пока я разглядывала вошедшего мужчину. Высокий, даже чуть выше сына, широкие плечи и узкая, перетянутая кожаным ремнем талия. Орлиный взгляд темных, почти черных глаз под совершенно седыми густыми бровями, прямой нос и полные, совершенно негармонирующие с такими чертами лица, губы. В конце концов, я дернула головой и оглянулась на Драко, ища его помощи и поддержки, но он продолжал сидеть в кресле, как ни в чем не бывало.

— Я скучал по тебе, сынок, — произнес дракон и подошел к сыну совершенно игнорируя мое присутствие.

— Я заметил, отец, твое рвение меня увидеть поразительно!

— И очень рад, что ты вернулся домой, позабыв о прежних разногласиях, — как ни в чем не бывало, закончил дракон.

— Дракорион V, владетель Синего Замка, продолжатель рода Синих Драконов, правитель Скальных земель, — представился отец Драко, повернувшись ко мне.

— Маша, — как-то робко пролепетала я, — Снегирева.

— Притащил в замок девчонку?! — раздался пронзительный крик, и я снова подумала, что он из моей головы. Но нет. Голос принадлежал немолодой уже, но очень красивой драконице-наезднице. Об этом говорил ярко-синий костяной обод, вплетенный в волосы. Платье в пол так же было темно-синего цвета и закрывало даже шею и кончики пальцев.

— Ты как всегда в своем репертуаре, сын! — Бесновалась драконица, кося в мою сторону черными зрачками, — натворил дел, а потом пропал на полгода и вернулся с незаконной добычей.

Мое внутреннее я недобро зарычало, но человеческое одернуло его. Во-первых, я из воспитанной семьи педагогов, во-вторых, не в моем характере кричать и истерить, а жаль. Очень хотелось именно сейчас и здесь вывернуться на весь их драконий род. Мало того, что смотрят сверху вниз, так еще и унижают, называя добычей. Вместо того, чтобы наговорить в ответ кучу гадостей, я опустила голову и готова была разреветься. Вот тебе и настоящий дом, полный тепла и смеха.

— Успокойся пожалуйста, мама, — Драко, наконец, соизволил подняться и встал рядом со мной, — она не добыча из человеческого мира, — она моя наездница.

Мама осела на пол, в последнюю минуту подхваченная Дракорионом V, а сам виновник невозмутимо созерцал сцену.

— Теперь, после официального представления, мы можем занять свои покои? — Драко взял меня под локоть. — Это моя мама — Наездница Синего Дракона Эльдира Разящая. Просто Маша! — дернул меня на встречу драконице ящер. — Все условности соблюдены, уважаемы родители. Позвольте нам откланяться и отдохнуть с дороги, к ужину спустимся в традиционных костюмах.

Драко потащил меня к лестнице и, толкая в спину, направлял по коридору.

— Ты просто шут, Драко! Как можно так неуважительно вести себя в обществе родителей?!

— А ты не святая, Маша, поэтому двигай ногами, дорогая, я устал и хочу спать.

— Кто спит среди белого дня? — Попыталась я воспротивиться наглým подталкиванием в спину, но тут Драко распахнул высокую дубовую дверь, и я ввалилась в

спальню.

— Кхм, — выдало мое тело первую реакцию, — это что?

— Кровать! — Рывкнул дракон, а потом начал судорожно срывать с себя одежду.

Я стояла совершенно опешив от подобной наглости и беспринципности. У них тут что, не знакомы с правилами приличия или таковых просто не существует? А Драко уже стягивал черные боксеры и шагал мимо огромной кровати за перегородку. Я лицезрела упругие ягодицы и пускала слюни, но услышав плеск воды немного отошла.

Итак, мне предстоит жить с необузданным драконом, который ни во что меня не ставит, в огромной комнате с огромной кроватью, которая составляет всю мебель данного помещения. Мало того, придется разбираться с собственным даром и тяге всех обнюхивать и все ощупывать и как-то решить проблему отцов и детей.

От такой радостной перспективы снова захотелось разреветься. Правильно делает Белая Драконица, что шипит и выгоняет вон даже с того света. Какая из меня наездница и покорительница дракона-самца, если я плачу и зарываю голову в песок при малейшем неблагоприятном обстоятельстве? С другой стороны, что бы другая делала на моем месте?

Я рухнула на кровать в одежде и ботинках, закрыла голову подушкой и провалилась в сон.

Глава вторая Семейный ужин

Что ж такое этикет?

Кто-то знает, кто-то — нет.

Это ПРАВИЛА такие
ПОВЕДЕНИЯ, когда

Мы привычки все плохие

Забываем навсегда.

Ты усвоил ЭТИКЕТ,

И дурных привычек нет!

Мы с Драко проспали до самого вечера, и только настойчивый стук в дверь разбудил нас обоих окончательно. Совершенно не стесняясь своей наготы, ящер прошлепал босыми ногами к двери и распахнул ее. Молодой дракон в синей рубашке, застегнутой до самого горла, и обычных джинсах, держал в руках стопку одежды.

— Для Черного дракона, нареченного Дракориэлем, — произнес он и поклонился, — Вас ждут к ужину через час и велено прихватить доб... девушку, — покосился на меня ящер плотоядно.

Они что едят людей? — В ужасе содрогнулась я и решила отказаться от совместной трапезы с родителями Дракориэля (хохотала во все горло, но решила пока не заострять внимания).

Дверь захлопнулась и я села в кровати, растирая шею и затекшие руки. Хотелось крикнуть Драко, чтобы он прекратил выставлять свое тело напоказ, мне и без этого в

последнее время стало тяжело уживаться с головой. Почему он так равнодушен к моему присутствию? Неужели я его совсем не смущаю?

— Ты закончила, дорогая? — Улыбнулся Драко, не менее плотоядно, чем до этого ящер-слуга. — Одевайся. Нам предстоит тот еще вечерок. Я рад, что тебе удалось немного поспать и успокоить энергопоток, и без того проблем хватает.

— Ты голый.

— И что? — опешил он.

— Это неприлично?

— Это нормально! — парировал дракон.

Тогда я встала и начала снимать с себя одежду, совершенно не заботясь о красоте жестов. Сдернула свитер, топ, стянула ботинки и джинсы, кинула носки под кровать и, напоследок, уцепилась за резинку кружевных трусиков, но сразу передумала их снимать.

Пусть помучается!

Драко продолжал наблюдать за моим бунтарством, посмеиваясь.

— Наглый ящер! Даже бровью не повел в то время, как я стораю от желания броситься к нему в объятия и раствориться в них на весь вечер и много последующих. Как заставить тебя быть немного человечнее?

Повела плечами и грудью, встряхнула гривой волос, — ноль внимания. Бесчувственная тварь отвернулась от меня и надменно произнесла:

— Иди помойся, попахиваешь!

И снова я стояла за перегородкой под горячими струями воды и глотала слезы. У меня никогда не получится соблазнить Драко и слиться с ним в каком бы то ни было смысле. Лично мне хотелось душевного единения не меньше, чем физического. В этом мире все было враждебно и даже опасно, друг и соратник мне не помешает, но Драко вел себя так, как будто я очередная его игрушка на потеху себе самому, родственникам и друзьям. Вспомнила моего маленького Пикколо, который боялся меня как огня, Анфиску, визжащую от восторга, что я объявилась в университете, Дэна, преданно таскавшего мои книжки. Я так хотела сейчас простого человеческого общения, без загадок и тайн, подвохов и язвительных шпилек. Сосредоточившись на этой мысли, я раз за разом повторяла имена друзей и моей собаки: Анфиса, Дэн, Пикколо... По венам побежали огненные потоки энергии, материализовывая каждого из них.

Анфиса! (истерический визг в спальне и ругательства разъяренного дракона)

Дэн! (еще более громкие ругательства и звук упавшего тела)

Пикколо! (тявканье тойтерьера и рычание дракона)

Блаженная улыбка растянула мои губы, и я завернулась в полотенце.

Вот теперь, дорогие родители, отужинаем теплой компанией! — И я торжественно вышла из-за перегородки, улицезрев свою подругу в обмороке, Дэна с отвисшей челюстью у двери, сошедшего с ума от страха песика и разъяренного полуголого дракона.

— Знакомься Дэн — это наш преподаватель иняза — Черный дракон, можно просто Драко, полное имя звучит смешно! — Вещала я, вышагивая в полотенце.

— Анфиса, — заорала я подруге в ухо, — вставай, у нас тут официальное знакомство, хватит вести себя неподобающе!

Я обняла Анфиску за плечи и прошептала (помоги!), на что подруга сразу отреагировала, сев прямо и вяло кивнув Драко.

Ящер схватил вещи и выскочил в коридор, бросив на прощание фразу:

— Это тебе с рук не сойдет!

Анфиса встала с пола и бочком подошла к Дэну, поглядывая на меня с опаской.

— Объясниться дадите?

— Валяй, — высказался Дэн и огляделся вокруг, — давно подозревал, что не все так просто с нашим преподавом. Где мы?

— В его родовом замке, меньше чем через час ужин с родителями.

— А замок где?

Я замаялась, но раз уж правду, так всю до конца.

— В драконьем мире. Понимаю, звучит странно, но он действительно существует.

Анфиса пискнула и попыталась упасть в обморок второй раз подряд, но потом резко выпрямилась и пощупала меня.

— Не сон!

— Не сон, Анфиса, скорее кошмарная реальность. Я очень извиняюсь за то, что втянула вас обоих в это, но мне совсем плохо.

— Как втянула-то? — перебил Дэн.

— Ну, вроде как активировала энергетический поток и материализовала вас здесь.

— Круто! — Дэн не казался ни испуганным, ни ошарашенным. — Я, конечно, предполагал наличие параллельных миров, но чтоб с драконами.

— А они хоть красивые? — Как всегда о своем поинтересовалась Анфиса, — Надеюсь, не похожи на твоего-этого Драко.

— Он не мой! — попыталась я отнекиваться.

— Вас давно раскусили, подруга! Исчезаете вдвоем с преподавателем, деканат и ректорат сбит с толку, родители твои все больницы обзвонили, потеряли дочку. Уже пошли слухи о похищении. Ушли с пары вместе и пропали.

Я подумала о родителях и поняла, что идея с Анфисой, Дэном и Пикколо была препаршивая. Собака забила под кровать, и вылезать оттуда совершенно не хотела, а друзья явно пребывали в состоянии шока и недоумения.

— Когда Серый вернет вас обратно, поговорите с ними. Скажите, что я..

— В параллельной реальности? — снова встрял Дэн.

— Скажите, что у меня бурный роман с преподавателем, что он был виной моих кошмаров и теперь нам необходимо какое-то время побыть наедине друг с другом и разобраться в сложившейся ситуации.

— Кто такой Серый? — спросила Анфиса, пытаясь успокоить Пикколо и выманить его из-под кровати.

— Служитель Храма, который владеет знаниями Врат и умеет открывать портал.

— Значит, ты нас сюда вызвала, а назад отправлять не собираешься? — Дэн уже во всю рассматривал город через окно.

— Я не знаю как.

— Чудесно! — заверил он меня и сел на кровать. — Давай вкратце описание проблемы.

— Проблем! — Поправила я его. — Этот мир на грани войны, Храм уничтожен несколько сот лет назад, источник, который питал драконов энергией и насыщал жизнью, отравлен. По легенде, я являюсь наследницей Белой Драконицы, единственной в своем роде, и должна стать наездницей Черного дракона, тоже единственного в своем роде, единиться с ним, найти слезу где-то на юге, которая очистит Исток и его воды вместе с моими детьми, а потом мы станцуем, упадем камнем и все благополучно завершится.

— Ты точно все правильно поняла? — Уточнила Анфиса. — Тебе на роду написано в ближайшем будущем выйти замуж и родить детей?

— Не уверена, что мне, но все к тому идет.

— Очуметь! Вот ты попала! — Дэн как-то странно на меня взглянул. — Анфис, помоги Маше одеться, а я пока по замку прогуляюсь. Нужно найти твоего дракона и объяснить, что данное недоразумение скоро уладиться.

— И как ты собрался его улаживать? — Ехидно спросила Анфиса, расправляя на кровати платье с глухим воротничком — Будешь поскромнее монашки. (Это уже мне).

— Вы, женщины, мыслите слишком ограниченно. Чтобы самим понять, что и как, почитаем легенду.

— Дэн, она на камне написана витиеватыми закорючками. — Остудила я пыл друга и спряталась с платьем за перегородкой. Белье мне не предоставили, придется идти без него, мое было красиво развешено на кране.

— Попытка не пытка. Все равно встречаться с Серым, иначе застрянем тут надолго, хотя я не против.

— Сожрут и не поморщатся.

— Ой, — пискнула Анфиса, — правда, Маш?

— Кто их знает. Я город только из обзора видела, но знакомство с родителями и слугами доверия не внушает. — Вместе значит познакомимся. Раз у тебя свадьба — нужны гости со стороны невесты.

Анфиса завязала банты на рукавах и уложила мне волосы в свободный узел, поправила на себе коротенькое шерстяное платье и придиричиво оглядела Дэнов костюм и рубашку.

— Интересная у нас компания получилась, — рассмеялась она, и тут же из-под кровати вылез Пикколо и пристроился рядом.

— Интереснее некуда, — буркнула я и вместе с друзьями вышла за дверь.

Глава третья

Держать оборону

...Когда в душе тоскливо по-кладбищенски,

Женою начинают дорожить.

Им хочется по-детски, по-мальчишески

Ей голову в колени положить...

Вера Кушнир

Анфиса шла уверенной походкой от бедра в новом кожаном костюмике и разглагольствовала на всю улицу.

— Ты слишком зажата, Машка, слишком неуверенна в себе. Тебе нужно больше экспрессии, напористости!

Дэн кивал и вертел головой по сторонам, а я прокручивала в уме самый неудавшийся ужин с родителями будущего мужа. Нашу компанию встретили абсолютным молчанием и хмурыми взглядами. Эльдира обращалась только к сыну а Дракорион вообще ни к кому не обращался, он с ужасом взирал на Пикколо и весь ужин пытался отпихнуть песика ногой, но

тот упорно льнул к нему одному. В мире драконов, по-видимому, вообще не в ходу домашние животные, поэтому тойтерьер явился для них очередным неожиданным сюрпризом. Появление моих друзей Драко объяснил тем, что немного переборщил с материализацией, полностью взяв вину на себя, но я не была благодарной. Вместо того, чтобы раскрыть родителям глаза на то, что я не обычная смертная, дракон делал все для того, чтобы они убедились в обратном. К всеобщему разочарованию, за весь ужин я не проронила ни слова в свою защиту, сколько бы Анфиса не бросала на меня гневных взглядов. В итоге история получилась нелепой и нелогичной: студентка Маша влюбилась в преподавателя дракона, а он поддался на ее чары, теперь они вместе и намерены жениться. Эльдира была далеко не глупой драконицей и поняла все по-своему. Сын до сих пор в большой обиде на родителей и решил таким образом выместить ее на родных. Были намеки на психологическую травму после смерти дракониц, которые пытались оседлать Черного дракона. Я так поняла, что являюсь их менее затратной и менее ценной заменой. После этих слов, Дэн попытался встать на мою защиту, Анфиса заявила, что драконы не оправдали ее надежд, а Драко извинился перед родителями и вывел нас вон. Уже знакомый слуга принес нам одежду и сказал, что проводит к Дракодрому — Зеленому замку Именно там можно будет взять напрокат велосипеды и двинуться к горам. Он проводит нас до выхода из города, где мы встретим Драко, который лучше всех ориентируется в горах и прекрасно знает дорогу к Храму. Еще нам дали понять, что не ждут возвращения гостей до самой свадьбы, если она вообще состоится.

— И прекрати все время пялиться на Драко влюбленными глазами, он тобой вертит, как хочет, а все должно быть наоборот! — Закончила Анфиса явно длинную речь.

Дракон-слуга всю дорогу бросал на нее заинтересованные взгляды, а один раз даже взял под руку и галантно перевел через крошечный ручеек, который Анфиска могла бы легко перешагнуть. Поэтому скоро она переключила все свое внимание на дракона и уже на подступах к площади, где мы хотели сесть на общественный транспорт до Дракодрома, они шли, прижавшись друг к другу, и явно мечтая где-нибудь уединиться. Смущенная поведением подруги, я хотела поговорить с Дэном, но он с таким вниманием изучал окружающие его виды, что не замечал вообще никого поблизости.

Все, кто попадался нам на встречу, заинтересованно косились на Анфису, моя же персона практически ни у кого не вызывала любопытства и я совсем поникла. Подруга точно знала бы, как привлечь внимание Драко, но именно он ее совершенно не интересовал, а внять ее советам у меня никак не получалось. Что такого я должна сделать, чтобы он стал относиться ко мне, как к желанной женщине? Почему я вызываю у него только желания пощекотать меня за пятки, хотя это самое щекотание далеко не невинное? Почему я уже давно потеряла от него голову и готова признаться в любви, а он совершенно во мне не заинтересован. Хотя, как сказать! Что же делать? Что делать?

Я кусала себе губы, пока мы садились в открытый транспорт, чем-то напоминающий трамвай без крыши, и рассаживались на свободные места. Дэн уткнулся носом в перегородку, мешающую ему рассмотреть, как водитель-дракон управляет машиной, а ящер-слуга усадил Анфису к себе на колени и всю дорогу что-то жарко шептал ей на ухо. Мне досталось место в последнем ряду, рядом с малышней, которые обсуждали драко-болл и свои заслуги перед девочками-драконицами. Вокруг кипела жизнь, вечернее солнце золотило листву деревьев и кустарников, пропуская лучи сквозь густую зелень, пели незнакомые мне птицы, стрекотали неизвестные насекомые, мчались на велосипедах драконы и драконицы, а в небе стрелами проносились наездницы, верхом на ящерах, а я

была одинока и тосковала по Драко. Еще немного и мы встретимся за пределами города, вместе начнем восхождение к Храму, будем спать на голой земле, прижавшись друг к другу и, может, тогда он обнимет меня и скажет, что тоже скучал каждую минуту этого нескончаемого вечера.

— Маша! Приехали! — Закричала Анфиса с подножки дракомобиля. — Смотри красотища какая! Ну спасибо, подруга, век не забуду!

Я рассмеялась и вышла вслед за ящером, который ни на секунду не выпускал Анфису из объятий.

А вдруг съест? — пронеслось в голове, но я отмахнулась от глупых мыслей.

— Они такие красивые! — Верещала подруга, провожая наездниц восхищенными взглядами. Расскажешь потом, кто они? (Это уже к другу-ящеру). Дэн, ты только подумай, они связаны с драконами кровно! — Через минуту выдала она парню, который порывался броситься к драконам и наездницам.

— Туда нельзя, нам на площадку внутри замка, там оформим прокат велосипедов и рванем к горам. Ехать не так далеко, замок практически примыкает к той части гор, которые нам нужны, но дорога неровная и ухабистая, займет немало времени. — Тянул нас ящер за собой.

И мы ступили на каменный плац и поднялись к воротам замка. Драконы и драконицы сновали туда и обратно, вечер ознаменовал окончание рабочего дня и все спешили по домам. Я снова чувствовала потребность прикоснуться к стенам замка и впитать в себя его энергию, но поборола внезапное желание, позволив скользнуть по перилам и мимолетно зацепить чьи-то воспоминания. Мне начинало это нравится! Я вдруг поняла, что счастливо улыбаюсь и хочу слиться с потоком драконов, ощутить на себе их энергетические поля, даже дотронуться до какого-нибудь дракона и прокатиться на нем. А почему собственно нет?

Рванув в сторону площади, от которой мы только что удалились, я увидела ближайшего дракона и его наездницу, которая гладила бока ящера и что-то ему нашептывала. В ответ дракон выпускал из ноздре колечки дыма в виде сердечек и утробно рычал.

— Ффу! — Почему-то это показалось мне противным до желудочных колик. Наверное, когда несчастлив сам, счастье окружающих воспринимается в штыки.

На ком же мне прокатиться, если все драконы заняты? И тут я увидела, как ко мне стремительным шагом приближается Драко.

Что делать? Как он тут оказался? — Я уже собиралась бежать в панике, как вдруг дракон нагнал меня и вцепился в плечи.

— Прокатиться решила, без пяти минут женушка? Не успела выйти из спальни, а уже кидаешь жадные взгляды на других драконов?

— Почему бы и нет?! — Решила я позлить ящера.

— Потому что ты моя!

Драко разбежался и, подпрыгнув в воздух, обернулся огромным черным драконом, сбив меня с ног шипастым хвостом. Все как по команде обернулись в его сторону и поклонились, выражая уважение и почет.

Вот это да, а мой дракоша, оказывается, знаменит.

Черные лоснящиеся бока вздымались в каком-то чарующем ритме, и моя кровь быстрее побежала по венам. Раз — шаг, два — шаг. Сердце колотилось в голове отбойным молотком, а ноги несли к дракону. Его морда была повернута к заходящему солнцу, последний луч блеснул по чешуйчатым крыльям и потерялся в костяных хребтах. Огромный хвост в

нетерпении бил по каменному плато, а я, наконец, прижалась к его боку всем своим крошечным человеческим телом. Жар дракона побежал по волосам, плечам и груди, остановившись где-то в области сердца, и я ощутила толчок. Раз — толчок крови и сердец, два — снова толчок. Его сердце в моей груди, переполненное таким нестерпимым жаром, что он готов был вырваться наружу прямо здесь. Дракон подставил крыло, и я полезла на спину ящера, хватаясь за кожистые хрящи. Устроившись между костяными хребтами, я мысленно попросила поскорее унести меня отсюда туда, где будем только мы одни. Черный дракон взмыл ввысь и поток горячего воздуха подхватил мои волосы, осушил слезы настоящего счастья.

— Только ты один способен подарить мне это чувство, — прошептала я Драко куда-то в спину и отдалась полету.

Часть пятая. Обрядная

Глава первая.

Из девственницы в жены.

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!
Э. Асадов

Попет завершился так быстро, что я не успела толком в себя прийти, а Драко уже стоял надо мной и тяжело дышал.

— Что? — Невинно захлопала я ресницами. — Такая тяжелая?

— Ты представляешь, что мы сейчас сделали? — Спросил он меня сурово.

— Полетали?

— Начали обряд единения, Маша.

Я похолодела и отодвинулась чуть подальше.

— Намекаешь на то, что теперь я тебе чем-то обязана.

— Теперь мы друг другу кое-чем обязаны.

— Я не собираюсь единиться с каждым драконом, который захочет меня покатать.

Драко взревел и схватился за голову. Кажется, выдержка ему изменила и он мечтает слегка оторвать мне голову, а я что? Я ничего!

— Между прочим, я к тебе в спутницы не набивалась, нашелся бы и другой.

— Другой, говоришь? — Драко зло сузил глаза. — Ты бестолковая маленькая девочка, Маша! На другом драконе нельзя просто взять и полетать! У одного дракона — одна наездница.

По спине побежали мурашки.

— То есть, если бы я там села на спину другого дракона, то он сразу бы меня. эээ... замуж взял?

Драко рассмеялся.

— Нет, Маша, он бы тебя сбросил со спины, уж больно ты костлявая, — и взгляд Драко прошелся по мне, разжигая внутри живота нехорошее пламя.

— Не уходи от темы, ты сам говорил, что катал на спине не одну драконицу, потом они правда решили сброситься со скалы, — совсем запуталась я, — ты их чем-то обидел?

— Тем, что они не подошли мне, дорогая, тем, что наши сердца не смогли биться в едином ритме, тем, что взаимный полет причинял нам настоящую кошмарную боль.

Я прислушалась к себе и поняла, что ощущаю только жар от его взглядов и пульсацию внизу живота. Соски на груди так затвердели, что натянули майку и неприятно саднили. Это ведь не считается?

— Мне определенно не больно, я в порядке.

— Знаю, дорогая, — хищно ухмыльнулся ящер и стянул футболку через голову, оголив

торс.

— Ммм... что ты делаешь?

— Хочу завершить все здесь и сейчас, слишком долго я искал тебя, Наездница Черного дракона.

И я пропала... Вернее какие-то мысли в голове еще мелькали, но глаза и даже руки уже разрешили себе все и как можно больше.

Драко стоял совершенно неподвижно, ожидая моей реакции, а я протянула руку и обвела контур татуировки... Дракон задышал чаще, а я продолжила исследование уже языком. Выше, по огненным всполохам к впадине на шее, к уху, которое слегка зацепила зубами и втянула в рот. Как он пах! Судорожно втянув в себя воздух, я чуть не упала от головокружения. Драко источал страсть и желание, настолько терпкие, что во рту оставался привкус. Хотелось растянуть удовольствие на долгие часы, но кровь так сильно пульсировала в венах и в голове стоял такой шум, что пришлось несколько раз вздохнуть. Драко прижался к моим губам, раздвинул их языком, и я со стоном упала в его крепкие объятия. Сильные руки сжимали меня и поглаживали одновременно, пальцы запутались в волосах, потом рванули тунику вниз и пробежались вверх по позвоночнику. Я содрогнулась и потерлась о голую грудь Драко.

— Осторожнее, дорогая, — прохрипел он мне в ухо, — или все произойдет слишком быстро.

Но мне было уже все равно. И тогда Драко уронил меня на ковер из листьев и упал сверху.

Головокружительный мужской запах окутал меня всю и заставил раскрыться навстречу. Сдирая остатки одежды с любимого мужчины, я сильно его поцарапала и тут же нагнулась и слизала с бедра каплю крови. Видимо, зря! В глазах мгновенно потемнело, и дыхание выбило из груди, а сердце рвануло в груди и замерло. Мое бесчувственное тело упало ничком на Драко и там и осталось. То, что произошло потом я не помнила совершенно, а ящер просвещать не собирался. Мало того, он заперся в другой комнате и оставил меня на попечении родителей, которые носились у кровати с баночками и присыпками.

— Моя девочка, ты чудом осталась жива! Дракориэль спятил, если решил провести обряд единения вдали от дома и семьи! — Обрушивала на меня потоки любви и заботы Эльдира Разящая.

— Моя наездница права, дитя, ты могла погибнуть. Обряд — очень древняя и сильная магия! Как только полет определяет принадлежность дракона-самца и наездницы друг другу, как только ваши сердца начнут биться в едином ритме, отец семейства и глава рода преподносит кубок с еще неостывшей кровью дракона к губам наездницы и она делает глоток. С этого мгновения сердце наездницы навсегда в плену у дракона-самца. Но его кровь дает неограниченную власть и над ним самим. Теперь только ты, дитя мое, способна зачать от Драко наследника. — Закончил Дракорион V торжественную речь. — А теперь спи и набирайся сил, тебя ожидает еще один обряд.

Я сначала прикусила язык от злости (наглый ящер; рассказывал мне про единение здесь и сейчас, а нужно-то было всего лишь испить глоток крови, хотя мне и капли хватило), а потом до меня дошли слова новоиспеченного папочки.

— Еще один обряд? — Пискнула я.

— Все члены семейства собираются вместе и провожают дракона и его наездницу на брачное ложе, окруженное огнем. Вы соединитесь в танце страсти, а языки пламени будут

плясать вокруг вас, собирая потоки энергии в самом древнем и могучем ритуале зачатия новой жизни. — Вещала Эльдира с таким выражением лица, как будто уже совершала священнодействие. — И тогда ты...

— Сгоришь, — мысленно прокомментировала я и отключилась во второй раз за вечер.

Глава вторая.

Игра в «кошки-мышки».

...Мораль я могу сформулировать смело:

Не надо задумывать черное дело,

И, если не хочешь больших огорчений,

Не стоит искать на свой хвост приключений.

Т. Варламова

Я далеко не наивная девочка-школьница, которая боится высунуть нос за окошко, а вот именно в данную минуту, так вообще можно с гордостью заявить, что повидала побольше остальных, и все же... И все же мне были совершенно не понятны игры в «Отношения» взрослых мужчин и женщин. Что это за странная тяга к молчанке? Вроде бы мы сидим за одним столом, в одной гостиной, и кроме нас никого вокруг нет, и тем для разговора хоть отбавляй, а молчим. Причем упорно молчит одна половинка, а вторая недоумекает, что она на этот раз сделала не так?

В данный момент недоумевающей стороной была я. Вроде должен просить прощения и слезно вымаливать его, стоя передо мной на коленях? Ведь это Драко повел себя совершенно безответственно, заставив полететь на нем! Ведь это он пытался меня соблазнить, прикрываясь правилами обряда Единения. Ведь это он меня обманул и полностью виноват, так в чем же депо?!

Вспомнила, как отец в таких случаях комментировал ситуацию, глядя на упорно молчавшую маму: «Снова живем как в коммуналке? Тогда я переезжаю на диван!»

Так, а мне куда переезжать?

Эльдира переселила меня к сыну, как только я встала на ноги, со словами: «Теперь это ваша общая гостевая комната...», а потом хитро так улыбнулась и добавила, — «дождитесь обряда, дорогие...» и совершенно серьезно, — «ради будущего потомства, ради нас с отцом!».

И вот мы сожительствоуем в одной спальне, спим на одной кровати и сосуществуем... Молча. В абсолютном молчании мы проводим день каждый за своим занятием. Драко пропадает с рассветом и появляется только к ужину, а я изучаю бесчисленные книги в библиотеке и прогуливаюсь по саду, пытаюсь прийти в себя окончательно. Потом, мы молча передеваемся к ужину, причем мой муж предпочитает прятаться за перегородку и смотреть на меня как можно реже. Потом, мы рука об руку спускаемся к ужину и, при появлении родителей, начинаем улыбаться и болтать обо всем на свете, как будто сговорились до этого, изображая примерных и любящих супругов. И, наконец, ложимся в постель и в молчании засыпаем, причем Драко появляется в основном за полночь и в явном подпитии. При любой моей попытке заговорить, он еще больше погружается в себя и продолжает молчать, а я

терзаю свою самооценку новыми придирками и пытаюсь отодрать ее от пола и надавать ей пощечин, чтобы она держала голову выше и нос по ветру.

— Вот вы где! — Восклицает Эльдира, а мы с Драко подпрыгиваем в креслах и начинаем улыбаться до судорог в мышцах. — О чем задумались?

Надо отдать должное драконице, с тех пор, как я стала законной супругой Драко, Эльдира совершенно поменяла ко мне свое отношение, стала приветливой, ласковой и заботливой спутницей моего отчаяния. Возможно, она догадывалась о том, что у нас с ее сыном не все в порядке, но вида не показывала, зато внимательно относилась ко всем моим желаниям и не навязывалась в общении. Дракорион V все больше отсутствовал на службе, но за ужином всегда приветливо мне улыбался, ненавязчиво интересовался успехами в самообучении и беззлобно посмеивался, когда я задавала абсурдные на его взгляд вопросы. Например:

— На той полке, о которой вы вчера говорили, я нашла справочник по анатомии человека, а на последней странице были приведены рецепты мясных блюд, от которых автор книги в полном восторге. Я хотела у вас спросить... кхм... не значит ли это, что блюда приготовлены... кхм... из людей?

Беззлойный смех Дракориона, о котором я говорила выше и ответ:

— Драконы не едят людей, просто автор рекламировал свою кулинарную книгу, которая выходила следующим тиражом.

Наши семейные посиделки проходили в приятном общении и даже мы с Драко часто смеялись вполне искреннее, но потом бессловесная война продолжалась.

— У меня для вас потрясающая новость, — Эльдира сделала паузу, — мы приглашены на императорский прием в вашу честь, дорогие! Для Золотого Дракона стало огромной радостью известие о браке Драко, и он хочет принять своего крестника и его жену перед обрядом зачатия.

Я мысленно осела на поп.

— Вы рады? — Эльдира сама чуть не хлопала в ладоши. — Такое событие для нашей семьи. Я уж и не чаяла, что радость и счастье снова поселится в стенах этого замка. Мы с отцом много думали о судьбе нашего рода и прошлых ошибках. Наши дети... — Эльдира сжала кулаки и опустила на кресло.

— Мама..

— Нет, Драко, дай договорить. Ты — мой последний ребенок с крыльями, живой и здоровый, а теперь и с наездницей в законно браке, ты должен взять на себя заботу о замке и службе. Мы с отцом устали нести это бремя, хватит! — Эльдира отмела жестом попытку Драко вмешаться. — Сегодня за ужином твой отец снимет с себя полномочия и официально передаст их тебе. Завтра ты явишься на прием, как законный владелец синего замка и продолжатель рода синих драконов. Я буду просить за тебя, за вас обоих и за будущее поколение у прародителя нашего в Храме. Мы с отцом многое должны простить себе и друг другу, нам нужно уединение.

Эльдира встала и подошла к двери.

— Я ненавидела с самого младенчества все, что было связано со святыней, ведь то место лишило меня родителей и семейного тепла, но когда ты ушел и замок остался без детей, я поняла, что сама отняла у себя все, что могло бы сделать меня счастливой. Дракорион и я будем жить в Храме. Мой сын, мой несчастный ребенок, нуждается в опеке и заботе, ведь он еще совсем ребенок, — прошептала Эльдира последние слова и вышла,

прикрыв тихо дверь.

Вот это выдержка! Настоящая Наездница, которая не позволяет эмоциям захлестнуть себя с головой. Ведь она говорила о Последнем, ведь он и есть ее «несчастный ребенок», дракон без крыльев, навсегда потерявший возможность летать. И Драко тот, кто оторвал ему крылья, а Эльдира ласкова с ним и счастлива за него. В голове не укладывается! Нужно срочно бежать в библиотеку и продолжить поиск об истории рода синих драконов. Кто-то должен мне рассказать о том, что произошло в этом замке, как погибли птенцы Эльдиры и Дракориона, почему Драко совершил такой жестокий поступок? Если не он сам и не его родители, то, может, книги? — и я выбежала из гостиной, даже не взглянув в сторону Драко.

Пусть помучается, что такое со мной происходит, не мне же одной играть в эту загадочную и противоречивую игру под названием «Отношения»!

Глава третья.

Но праздник приходит и все изменяется вдруг...

Ах, этот вечер — лукавый маг,
Одетый вечно в лиловый фрак,
Погаснут свечи, уйдет любовь,
Но в этот вечер вернется вновь.

Приближался вечер, а я до сих пор сидела в библиотеки и перелистывала старые фолианты. Рядом остывала третья чашка с чаем, и засыхал рогалик с джемом, но мне было так важно до бала найти хоть какую-то информацию о трагедии синего замка, что я совершенно забыла о еде.

В третий раз перечитала историю основания земель драконьих. Интересная сказка, захватывающая! Серый не врал, говоря о могуществе Черного Дракона и его неиссякаемой магической силе. Нашла упоминания об основании каждого рода драконов, о постройке фамильных замков, о расселении многочисленных родственников в домах при Дворце (сегодня Золотом Дворце), о рождении Белой Драконицы и начале времен кровавых межродовых войн.

Последние события датировались переименованием центрального замка, коронацией Золотого Дракона и провозглашением его единственным правителем и владельцем энергопоток. О магии и потоках энергии существовали многочисленные ссылки на полях, но мой личный запас энергии не справлялся с переводом мелких витиеватых символов, возможно, доступ к ним мне пока просто закрыт.

Я очень хотела съездить в Храм, спросить у Серого, как он переправил моих друзей на ту сторону и попросить помощи в управлении магией и энергопотоками, но родители Драко настояли на том, что сначала должен совершиться обряд зачатия. С одной стороны, я была с ними согласна, пора уже пройти до конца это испытание, нависшее надо мной как Домоклов меч, а с другой, я ужасно боялась совершить что-то такое, что навредит всем окружающим и мне в том числе, ведь незнание собственных сил — это настоящее бедствие. Но сколько бы я не продолжала изучать книги об истории драконьего мира и основании родов, о личной

трагедии синего замка не было написано не строчки.

Устало опустив голову на страницу очередного фолианта, я не заметила, как задремала. Разбудило меня легкое прикосновение к спине, будто кто-то провел пером или пощекотал.

Ты разбудила спящего дракона, Машшшша! Молодец! А теперь сделай его другом своим, освободи душу его от бремени вины, помоги ему или потеряешьшшш...

Я вскочила на ноги и уронила стул, который с грохотом повалился на пол.

Снова этот голос! Голос того дракона из Храма, который охраняет огромные стены-столбы с якобы написанным на них моим именем. А вот интересно, что там написано? Маша Снегирева — освободительница от гнета и тирании!

И все же! Сколько можно вторгаться в пространства моей головы без спроса!

— Что тут у тебя происходит?

— А, муженек! Объявился! Заговорил!

— Ничего необычного, — сказала я будничным тоном.

— Ты не забыла, что вечером бал?

— О таком не забудешь!

И долго мы с тобой будем вести ничего не значащие светские беседы, Драко? — вопрошала я, впери в него взгляд.

— Нам надо поговорить.

— Наконец-то, я уж думала, что весь остаток супружеской жизни мы проведем в молчании.

— Не иронизируй, Маша.

— Да что ты, Драко! Мне только и остается относиться ко всему с юмором, а иначе и с ума сойти недолго. Перечислить тебе весь список вопросов, которые приходили мне в голову все это время, и которые я пыталась тебе задавать.

Драко поморщился и сложил руки на груди, как бы защищаясь.

— Ты просто ребенок, Маша, тебе не понять того, о чем я думал и почему не хотел сваливать на тебя все эти проблемы!

— Я уже давно не ребенок, Драко, а теперь я твоя жена. И почему-то целоваться и обниматься со мной можно уже не как с ребенком, а поговорить нормально как со взрослым человеком нельзя!

— Ты пугаешь две совершенно разные стороны нашего союза, потому что вообще ни черта не понимаешь! — заорал на меня дракон.

— А кто мне объяснил хоть что-нибудь? Кто-то попытался понять и помочь? — заорала я в ответ. — Пугаю секс с общением и нормальным сосуществованием, Драко? А как ты вообще представляешь себе одно без другого?

— Отлично представляю, — прошипел дракон и припечатал мою руку своей ладонью, — показать?

Мне захотелось ранить его какими-нибудь обидными словами, но я вспомнила речь, прозвучавшую в моей голове.

— В моем мире союз между двумя людьми возможен только в том случае, если он существует и духовно и физически, Драко. Я пройду обряд зачатия, но не уверена, что тебе понравится бревно в объятиях.

— Уверен, бревно быстро сгорит, оставив мне страстную, полыхающую жаром драконицу.

— Я не драконица, ты сам говорил об этом, я человек, просто девушка, которая волей

обстоятельств оказалась замужем и хочет нормального сосуществования с законным супругом!

Драко рассмеялся.

— А ты та еще штучка, дорогая! Я-то думал, что моя Наездница — маленькая бесхребетная ящерка, которая с удовольствием породниться с настоящим драконом, оказывается ей нужно не только родство тел, но и душ. Как патетично... И как глупо! — Бросил мне Драко в лицо.

— Иди одеваться к балу, мама ждет тебя в покоях, и попробуй только выкинуть что-нибудь, самолично оторву хвост и подрежу крылья! — рявкнул дракон и грохнул на прощание дверь.

Вот и поговорили, — удрученно подумала я, — вот и пришли к согласию.

Очень сложно описать великолепие того места, где мы с Драко и его семьей оказались этим вечером. Ну, во-первых, во дворец мы прилетели! Эльдира на Дракорионе, а я на Драко, и одно это заставило кровь быстрее нестись по венам, а сердце петь от счастья! В полете мы были едины, я чувствовала злость Драко, его боль и непримиримость с ситуацией, его страх, который ощущался как привкус металла во рту, его желание! Последнее меня очень порадовало, но и огорчило тоже, ведь о любви его сердце не говорило, как раз то, чего я так отчаянно добивалась и желала, было мне недоступно. А вот чего боялся Драко, мне было очень интересно? Неужели встречи с Золотым Драконом?

Дворец горел тысячами огней, и нежная музыка услаждала слух все пребывающих гостей, факелы в саду и на дорожках сыпали огненными искрами и распространяли вокруг себя уютное тепло. Мне очень хотелось отогреться у одного из них, но Драко не дал даже полюбоваться нарядами драконов и дракониц, а посмотреть было на что! Облаченные в родовые цвета наездницы, украсили себя наглухо закрытыми платьями без кружев и оборок, без расшитых подолов и рукавов, но в тоже время прекрасных тем, что по спине и рукам змеились огненные символы, всполохи и искры настоящего огня. На моем платье такого не было, а Эльдира носила траур, о чем рассказала, когда помогала облачиться в наряд.

— Драко, прошептала я в спину мужа, — почему их платья горят?

— Это символы единения пары. Ты видишь здесь наездниц, обладающих драконами-самцами и семейными гнездами.

— А на моем почему нет? — обиженно спросила я.

Драко приподнял бровь.

— Потому что наш брак остается чисто платоническим, — ехидно ответил он.

И всем теперь это известно, просто замечательно! — подумала я и вошла в холл вслед за родителями Драко.

На меня тут же обрушился гвалт сотен голосов, духота (я бы сказала даже жар) и сутолока от множества драконов и наездниц.

— Прошу в покои императора, — дернул меня за локоток слуга в золотом облачении, — по личному приглашению. — Руки убери, ящерица! — рыкнул на него Драко. — Найдем и без тебя.

— Но вас не приглашали, — попытался он препятствовать моему мужу. А на шум и препирательства уже обратили внимание, и мой затылок ощущал взгляды и ощупывающие энергопотоки.

Драко оттолкнул локтем надоедливую слугу, и мы стали подниматься по лестнице, уводившей куда-то в сторону от бального зала и наверх, где было не так шумно илюдно (или правильнее сказать, драконно)?

— Ты знаешь, что нам ждать от Золотого Дракона? — спросила я мужа.

— Ничего хорошего, дорогая. Он злобный и жадный ящер из сказок про драконов! Любит все блестящее и драгоценное, зависит от магии и энергии настолько, что не может покидать дворец и ненавидит меня, — добавил супруг, остановившись у двери в покои императора.

И что мне делать с этой информацией? Начинать бояться?

Драко распахнул створки и нарвался на стражников, которые преградили ему путь золотыми пиками.

— Не стоит так делать, — обманчиво тихим голос произнес он, — вы же не хотите скандала?

— Не хотим, — ответил голос из глубины комнаты, и я посмотрела в том направлении, откуда донесся голос, и вдруг все в голове смешалось, а чувства заголосили в раз, причем все. Меня душила жуткая ненависть к этому дракону и в то же время преданность и восторженная любовь. Я хотела впиться ему в горло и рвать до тех пор, пока по рукам не заструится его горячая кровь, а потом вдруг разрыдалась от счастья, потому что, оказывается, безумно по нему скучала, отчаянно мечтала об объятии и даже тосковала по его рукам и голосу. Совершенно не владея собой, я схватилась за стену и из последних сил пыталась устоять, а Драко ошарашено наблюдал за моим припадком и явно не знал, что и как делать.

Золотой Дракон приблизился ко мне и я. Наконец, увидела его лицо, а потом пришло озарение.

Это он приходил ко мне во снах, это он бросил меня тогда в лодке, истекающую кровью, это он отвернулся, когда я так нуждалась в его поддержке... Но я ли?

— Наконец-то ты вернулась, — тихим голосом произнес император, — я скучал по тебе моя Белая Драконица, моя любимая дочь! — и дракон обнял меня и прижал к своей широкой горячей груди, а я плакала навзрыд и молотила по его спине кулаками, но в тоже время была счастлива так, как нигде и никогда.

Глава четвертая.

Быть или не быть.

Быть или не быть? Вот в чём вопрос!

Что благороднее: сносить пи гром и стрелы

Враждующей судьбы или восстать

На море бед и кончить их борьбою?

Окончить жизнь — уснуть,

Не более! И знать, что этот сон

Окончит грусть и тысячи ударов, -

Удел живых. Такой конец достоин

Желаний жарких...

Каждый новый день ставит перед нами выбор, пусть не такой масштабный, как «быть или не быть», но все-таки существенный. А решение влияет на ход событий, на нашу последующую жизнь, и за каждое принятое решение, мы несем ответственность. Я понимала это и не спешила ничего предпринимать, пытаюсь осмыслить все, что со мной произошло на балу. В последнее время столько всего случилось, и столько раз я была на грани физического и душевного истощения, что хотелось покоя и умиротворения, которые я нашла в личном саду императора. Золотой Дракон не пожелал, чтобы я слышала все его титулы, а назвался сразу папой и приказал принимать как папу, на что я возразила, что один уже имеется. Дракон расвирепел и выдал что-то насчет того, что моя человеческая ипостась его совершенно не волнует, а дальше в ультимативной форме: либо я принимаю факт его отцовства как данность, и он сохраняет мне память, либо мощнейший энергопоток вывернет наизнанку мою черепушку и сотрет все, что со мной произошло после перерождения. Новоиспеченный отец не пожелал больше слышать возражений, а на мужа моего посмотрел так, что тот начал оборачиваться драконом, но потом рухнул на пол, как подкошенный.

— Не здесь и не сейчас, Дракориэль! Ты привел ко мне дочь, поэтому я взамен сохраню тебе жизнь. Но если ты хоть пальцем посмеешь шевельнуть в мою сторону — пришиллю к стене и добавлю в коллекцию засушенных драконов. — Кивок головы и Драко выволокли наружу.

Настоящий император, — восхитилась я. Но тут же пожалело гордость супруга. Правда бежать вслед за ним не хотелось, слишком сильно он меня обидел. Наша игра в «Отношения» перешла на новый уровень: кто кому сделает больше. Поэтому я предпочла оставить все как есть и, дабы не лишиться собственного я, решить сначала проблему отцов и детей.

Меня окружали высокие стволы и зелень всевозможных оттенков. Нигде не было ни скамейки, ни камня, вообще ничего, на что можно было бы присесть, и я плюхнулась на траву прямо в своем роскошном бальном платье и оперлась на ближайший ствол дерева.

А где-то сейчас танцы и мой муж, возможно, сжимает в объятиях какую-нибудь неочешуйчатую еще драконицу, наслаждаясь ее свежестью и прелестями.

Снова я ни о том думаю! Нужно срочно решить, что делать с отцом-императором. Мое внутренне я оказалось очень противоречиво в данном вопросе? То ли кинуться ему на шею, расцеловать и сказать, что давно ждала встречи с ним, то ли обозвать мерзавцем и обвинить в том, что бросил свою собственную дочь!

А бросил ли? — Снова пронеслось в голове. — Я толком не знала, что там произошло с Белой Драконицей, как именно и за какой поступок ее изгнали.

— Отдыхаешь? — Спросил император и присел рядом, прямо на траву.

— Ты мне снился, — ответила я ему, — в кошмарах.

— Неудивительно. — Император выглядел старым и уставшим. Янтарные глаза были будто подернуты дымкой, от глаз расплзались многочисленные морщины, кожа лица огрубевшая и заветренная. — Твоя жизнь здесь была нелегкой, а что случилось в том мире мне даже неизвестно, но все это было твоим решением.

— Ты же знаешь, что я не помню этого. Как бы тебе не хотелось, но я не твоя дочь.

— Моя, — перебил меня император, — моя в полном смысле этого слова, где же ты так

долго блуждала?

— Не поняла.

— Тут и понимать нечего. Серый отправил тебя в иной мир, не наделив никакой энергией, ты умерла сразу же, как потеряла связь с родным измерением, но почему-то не умерла совсем, окончательно. Серый предупреждал о возможности такого поворота событий. Ты оболочка того, куда переместилась умирающая душа моей дочери- драконицы.

— Спасибо за оболочку, — обиделась я, — что ж тогда драконица во мне никак себя не проявляла все это время?

— А вот этого я не знаю, ты первая драконица, которая отправилась в мир людей. Вот ты мне и расскажи, есть же у тебя свое мнение?

Политик разэтакий! Хотела ответов, а получила еще больше вопросов, прям как в родной стороне.

— Это все из-за Драко, зря вы его выгнали!

— Я поблагодарил его за твое возвращение. Другого казнил бы незамедлительно. Обнаглели эти молодцы совсем, оборачиваются драконами в доме!

Император причитал, как столетний дед, считающий нынешнюю молодежь бесстыдной, наглой и зарвавшейся.

— Я не знала, что отец Белой Драконицы жив, в книгах написано, что сменилось не одно поколение.

— Сменилось, только я остаюсь прежним, — нахмурился император, — думаешь, я хотел такой жизни?

— Какой? — Немного неуверенно спросил я.

— Взаперти. Мое тело настолько древнее, что без энергопотоков этого места, рассыплется в прах. Поэтому я сижу взаперти уже много столетий, не имея возможности расправить крылья. Какой я после этого Золотой Дракон?!

Да уж... Отцовские откровения становились все интереснее.

— Так, зачем же такая жизнь? — Раз уж откровенничать, так до конца.

Император посмотрел на меня очень пристально, а потом погладил по голове и положил мою голову себе на плечо.

— Все это ради тебя, доченька. Теперь ты полновластная хозяйка всего этого мира, наравне со мной.

Вот тебе новость. И что прикажите делать?

— Я этого не хочу, — проямлила я, чувствую себя никак не дочерью императора.

— Ты не волнуйся. Поживешь — притрешься, вспомнишь все помаленьку и начнешь исправлять свои ошибки. Ты их натворила немало! А Драко забудь — он тебе не пара. Мне в зятя этот бунтарь не нужен, поговорчивее найдешь.

— Но мы уже женаты! — попыталась я возразить. Ведь у одного дракона может быть только одна наездница, мы выбраны друг другом.

Император не спеша встал.

— Значит, прикажу его убить, а потом найдем тебе настоящего самца-дракона, чистопородного. — И ушел, оставив меня таращить глаза в темноту и хвататься за сердце.

— Вот и поговорили, папочка, вот и решили проблему отцов и детей.

Не удивительно, что его дочь, то есть я, когда-то устроила бунт. С таким-то папашей!

И в очередной раз я встала перед выбором, что делать? Хотя, какой тут выбор? Поговорили и будет! Бежать нужно отсюда, бежать как можно быстрее! — И я побежала так

быстро, как только умела. Во дворец, по коридору мимо многочисленных дверей, вниз по лестнице, где проходил шумный праздник. Немного притормозив, прошла сквозь холл к двери и скорее наружу. Так, а теперь бегом по дорожке, как можно быстрее в любую сторону И в который раз мысленно поблагодарила Эльдиру, сегодня за удобную обувь.

— Стоять! — Заорал кто-то справа. Не муж, не Дракорион, значит бежать еще быстрее! — Зови стражу! Поймайте мою дочь, ИДИОТЫ!

Я бежала почти вслепую, но оборачиваться и встречаться взглядом с императором мне не хотелось. Темнело на глазах, пламя факелов сюда уже не доходило, что было мне на руку. А в ушах пульсировала кровь, и дыхание вырывалось с хрипом и шипением.

— Попалась, крошка! — Перерезал мне путь дракон в золотом, еще два бежали следом и преградили мне путь. Прыгать в кусты? Слишком высокие, далеко не убежать.

— Добивай ее магией! — заорал с крыльца добрый папочка и вдруг эта фраза что-то во мне пробудила. словно в голове прокрутили сцену из фильма и она осталась ярким пятном перед глазами. Я в длинном белом платье, совсем еще ребенок, бегу по этой самой дорожке и плачу навзрыд, а следом мне несется крик отца:

— Догнать беглянку и отпороть.

Это точно воспоминание не из моего человеческого прошлого: ни отец, ни мать никогда не ругали свою послушную тихую дочку.

Волна ярости накрыла с головой, и я снова оказалась во власти чьих-то чужих эмоций.

— Отец! — Заорала я не своим голосом! — Будь проклят тот день, когда моя нога вновь ступила на эту землю, будь прокляты твои законы и порядки! Будь проклят ты сам! Ненавижууу! — Совершенно вызверилась я, а потом повернулась куда-то, взмахнула руками и зашипела. Причем из моего рта вырывалось не просто шипение, а настоящая шипящая речь с присвистом. Стражники в ужасе отпрянули от меня, а потом повалились замертво ледяными глыбами. Вспышка синего пламени обожгла мне лицо и замерла где-то высоко в небе, освещая дорогу, кусты и деревья зловещим сиянием. Иглы льда покрыли ветви и превратили зелень в белое колотое крошево. Иней под ногами разлился до самого крыльца замка, до того места, где стоял император, погрузив окружающий мир в царство мертвых. Все, кто был свидетелями развернувшихся событий и успел сойти с крыльца, лежали ничком в виде ледяных статуй.

— Повернешься ли ты к северу — заморозит он врагов твоих словом одним! — повторила я слова Серого, а потом выбросила себя куда-то на скалы.

Часть шестая. Сакральная

Глава первая.

Новые знакомства.

Не прилагай столько усилий, всё самое лучшее случается неожиданно.

Г.Г.Маркес

Вы когда-нибудь пробовали спать на камнях? Правильно, и не стоит даже пробовать — это абсолютно не то место, где следует спать! От удара об острые скальные породы ломило все тело, платье порвалось и оголило кровоточащие ссадины, голова гудела после использования магии и задействования энергопотоков, поэтому я лежала и не двигалась. Не хотелось вообще ничего! Знакомое такое ощущение, которое посещает в последнее время довольно таки часто. Перед глазами всплывали обледеневшие слуги императора и ни в чем не повинные гости, замороженные моей злобой и яростью, вышедшими из-под контроля. Я превратилась в убийцу, в безжалостную маньячку, замораживающую людей взмахом руки и змеиным шипением. Кстати, что я там вообще творила?!

Император был прав! Что-то такое высвобождало мое внутреннее драконье я, и оно начинало бесконтрольно управлять чувствами, эмоциями, а теперь и поступками. Мало мне этих проблем, так еще начинает сбываться легенда, начертанная в Храме. Слова Серого всплыли в памяти: «Повернешься ли ты к востоку — встретит он тебя утренним светом, повернешься ли ты к западу — овеет он тебя знаниями и мудростью, повернешься пи ты к северу — заморозит он врагов твоих словом одним...»

Так, если по порядку, то к северу я уже обращалась! В буквальном смысле заморозила, вот только не словами, а чем-то покруче.

Чем? Мне не хватает знаний! Я должна понять, что произошло у дворца императора, что позволяет моему внутреннему я своевольничать и как его усмирить и подчинить себе? Я так и не нашла историю рода синих драконов, и про Белую Драконицу мало что известно!

Холод начинал заползать под подол платья и колючими лапками прохаживаться по спине и рукам. Шерстяные колготки и пошив строгого закрытого платья из плотной материи удерживали тепло тела, но надолго меня не хватит. Я даже не смогу задействовать энергию и согреться с помощью нее, но что-то делать нужно, а иначе быть мне к утру лихорадочной наездницей с воспалением легких.

— Эй, Дикая! — Окликнул кто-то. — Живая?

Началось! В мире людей жила как Дикая и тут припечатали. Или паршивую кошку везде приметят?

— Я не дикая!

— Жива значит, встань! — Уже более властно приказал тот же голос.

Спорить не хотелось, вдруг он меня на прицеле держит и в любую минут может спустить курок. Что стоит пристрелить человека среди скал, а потом сбросить с утеса и сказать, что так и было? Поэтому я медленно поднялась и встала лицом туда, откуда доносился голос неизвестного.

— Оружие есть?

— Нет, — подняла для доказательства руки вверх и повернулась вокруг себя.

— Что потрепанная такая? — хмыкнул Некто.

— А что любопытный такой? — Парировала я.

За выступом кто-то вполголоса ругался, значит не один, и, наконец, ко мне подошел дракон лет двадцати. Черные штаны из грубой ткани, залатанная рубашка с длинными рукавами и жилет из кожи. За спиной на ремне висело длинное охотничье ружье, у отца в деревне было такое, он на кабана с мужиками ходил, и уток в лиманах стрелял из него.

— Ты не из Диких, татуировки надбровной нет, тогда откуда в Скальном краю?

Представиться императорской дочкой? Женой Дракориэля из рода синих драконов? Может, просто наездницей? А имя?

— Я знакомая Серого, — он священнослужитель, обладающий сильным магическим даром, его должны уважать и бояться решила я.

— Что же тогда тут забыла, или монах решил вспомнить о сырых и убогих?

— Он только о Вас и думает неблагодарные!

Парень насупился.

— Ты поосторожнее со словами, пристрелить быстрее, чем назад возвращать, или бросить здесь одна дойдешь? — Нет! — Крикнула я. — Не бросить!

— А раз «не бросить» — говори кто такая и откуда? Серый друзей среди дракониц не заводит.

— Значит я исключение из правил! — Стояла на своем. — Он в последнее время сильно переживает из-за положения дел в городе и во дворце императора, думает, что назревает что-то страшное.

Дракон снова хмыкнул.

— За свою шкуру он переживает! Драконы в скалистом краю погибают каждый день, и никто о нас не вспоминал многие сотни лет, а тут такая забота! Решил переговоры устроить через посредника? Что ж сам не явился?

— Занят, — буркнула я, — предсказывает будущее! Гадает на кофейной гуще, раскидывает карты Таро!

— Совсем старикан сбрендил, — махнул дракон рукой, — пошли спать, утром поговорим.

Вот так просто пошли спать? А куда? А как? А с кем? — Хотела я спросить неизвестного, но он топал так быстро и с такой уверенностью перепрыгивал через большие валуны, что я только и делала, что срывалась на бег и старалась не отставать. Когда легкие ожгло огнем и я подумала, что больше не смогу идти, что прямо сейчас свалюсь и больше не встану, дракон и его невидимый спутник, который все время дышал мне в затылок и хихикал, вывели меня на плато с постройками из камней. Это перевалочный пункт наших дозорных, условия так себе, но переночевать можно. Иди устраивайся, нам с Дакки кое-что обсудить нужно, а потом я присоединюсь к тебе.

Я зашла в каменный шалаш с дырявой крышей три на три метра и увидела в углу ложе из веток и сухой травы.

Добро пожаловать, дочь императора, жена одного из знатнейших и могущественных драконов. Твои покои на сегодня — богом забытая лачуга и солома, кишашая насекомыми! — потыкав ногой символическую постель (а вдруг там мышь) улеглась и подложила руки под голову. Была уже глубокая ночь, на небе сияли и переливались

всполохами огоньки далеких звезд, каждая из которых дарила не серебристый свет, а крошечный бледно-желтый отблеск. Такие огоньки собирались кое-где в причудливые рисунки, а один был похож на настоящего дракона, разинувшего пасть и извергающего пламя. Его глаза сверкали красноватыми огнями и из ноздрей будто шел настоящий пар.

— Созвездие Черного Дракона — прародителя нашего мира! — объяснил новый знакомый, надо бы подправить крышу, а то вдруг дождь, да все руки не доходят. — Дракон поставил ружье у входа и сел рядом, бесцеремонно пихнув мои ноги к стене.

— Я Вольный из рода Отверженных.

— Очень приятно, Маша из рода людей, — не стала я в очередной раз кривить душой.

— Это как так, — насторожился дракон и потянулся к оружию.

— Расслабься, не кусаюсь. История долгая, сам говорил, что до утра подождет.

— Я с тобой собрался ночлег делить, а тут такие заявления. Вдруг ты не парламентар Серого, а наш Враг извне? — Книжек начитался? Какой из меня «враг извне»? — Рассмеялась я.

— Ну да, не больно-то ты вообще на война похожа.

— А кто такие Отверженные?

Вольный сник.

— Врала значит про Серого? Не посылал он тебя к нам?

— Посылал, только не напрямую. Не я должна быть парламентаром, а мой муж — Драко... Черный дракон. — Слышали, что он вернулся, да что-то домой не спешит.

— Как так? — Села я на прокрустовом ложе и поджала ноги.

— Да ты и правду из Врат пришла! Ничегошеньки не знаешь? А мужа-то хоть видела своего или врешь опять? — Видела и не только.

— А где обод, раз наездницей стала.

— Я не драконица, говорят тебе, я человек!

— Человек не может стать наездником дракона-самца, он вообще не может находиться в этом мире долгое время. Энергия драконов так сильно влияет на мозг НЕ драконов, что он перенасыщается ей и человек сходит с ума. Правда были туг одни, которые хотели стать умнее и приходили к нам ненадолго, а потом возвращались. Заодно товарами обменивались кой-какими. Да давно это было, до истребления всех Серых. Одни только записи в книжках о них и остались, так что липа твоя по всем швам трещит и не сходится.

Я вздохнула. Поспать мне точно не дадут! И начала рассказывать все, как было, опуская моменты с легендами, предзнаменованиями и обретением отца-императора. Этого Отверженным точно знать не стоило — пристрелят на месте, недаром они живут в Скалистом краю и называются отверженными.

— Вот это да, а мир-то действительно меняется! Прав Серый, что-то будет! Император давно поистрепался, если бы не энергопотоки, скovyрнули бы его давно вместе с замком.

— Так почему ты сказал, что здесь дом моего мужа?

— Потому что так оно и есть, как тебе могли не сказать?

— Я недолго замужем, — оправдывала я полюбившуюся родню, — и не очень они разговорчивые.

— Оно и понятно, потрепало род синих драконов основательно! А в Скалистый край их выслал тот же император — Золотой Дракон — за то, что не уберегли его дочь — Белую Драконицу. Времена тогда были беспокойные, только улеглись волнения, связанные с гибелью Серых и потерей Источника, нужны были виноватые. Вот и сделал император

виноватыми оставшихся в живых синих драконов, сослал в самый отдаленный угол и приказал держать Диких и отверженных в повиновении, да только кишка у них тонка оказалась, чтоб над нами впасть учинить.

— Откуда ты столько знаешь, Вольный? — Поллюбопытствовала я. — Тебе же на вид лет двадцать.

— Двадцать один! — Гордо поправил меня дракон. — Я читать люблю! Мой отец — Хранитель Знаний и живет в обители мудрости.

Я напряглась.

— А где эта обитель находится?

— Совсем недалеко, немного западнее возьмем и к следующему вечеру доберемся. Что, не терпится с отцом пообщаться, парламентар? — Подначивал меня Вольный, а я в который раз прошептала слова Серого: «...повернешься ли ты к западу — овеет он тебя знаниями и мудростью...»

— Не терпится! — Кивнула я. — Спать давай.

И остаток ночи провела в объятиях молодого дракона, предаваясь вместе с ним сладким сновидениям.

Глава вторая.

По дороге на Запад.

Однажды город обещал мне тайну.
Ловила снов живую невесомость,
Похожую на запах орхидей.
Смотрела вверх: там пасмурное небо,
И в свитках туч ступени поднимались,
Ведущие в объятия мечты.
Л. Гайдукова

«Мы проснулись в объятиях друг друга» — вспомнила я строчку из какого-то стихотворения и снова закрыла глаза.

Как хорошо мне спалось на ложе из сухих веток, лучше, чем на перине! Вольный был худым и жилистым драконом, но таким горячим и так вкусно пах: зеленым чаем, горным воздухом, свободой! За ночь мы переплелись телами, и теперь я с трудом вытаскивала руку из-под головы дракона. Темные волосы были откинута со лба, черты лица расслаблены.

Вольный был скорее дерзко-красив, чем красив в общепринятом смысле этого слова. Слишком широкий лоб, слишком большие глаза и переломанный нос.

— Разглядываешь? — дракон посмотрел на меня с интересом, и я увидела в янтарных глазах коричневые крапинки, так близко мы лежали друг от друга. — А ты красивая. — Более мягко добавил он и указательным пальцем очертил овал моего лица. — Сразу видно, что из аристократов, ни шрамов, ни обветренной кожи, ни татуировок.

— Ваши женщины раскрашивают лицо? — поллюбопытствовала я, но не предприняла попытки подняться.

— Наши драконицы? — Ты хотела сказать. — Отверженные носят знак на скулах. После того, как драконица вылупляется из яйца, ее скулу раздирают когтем до тех пор, пока рана не покрывается корками и не превращается в рубец.

— Ооо.. — Выдохнула я.

— Ты права, наш мир жесток, это тебе не элита, которая обосновалась в городе и живет себе припеваючи. Нам каждый день приходится бороться с тяжелыми природными условиями и не жить, а выживать. Драконы-самцы строят свои гнезда прямо в отвесных скалах, защищая род от обвалов и оползней. Никаких родовых цветов, никаких замков и шелковых простыней. Здесь вырастают настоящие воины, которые привыкли танцевать на каменных платах под открытым небом с обнаженными клинками топоров. Дикае нападают на наши дома, грабят и разоряют их, поэтому птенцов обучают не грамоте, а умению держать оружие в руках и убивать беспощадно. Драконицы раньше покрываются чешуей, чтобы быстрее обрести дракона-самца и продолжить род, ведь птенцы часто гибнут в горах и выживают здесь самые сильные и безжалостные.

— Ты сейчас явно не о себе говоришь?

Вольный рассмеялся и подмял меня под себя.

— А я особенный!

Потом наклонился и поцеловал, сначала несмело, боясь, что я его оттолкну, но я замерла и не шевелилась. Его губы были сладкими и горячими, они дарили такое блаженство и покой, что хотелось раствориться в этом поцелуе, в его руках. Кровь не шумела в ушах, и сердце не рвалось из груди, как это происходило, когда меня целовал Драко, но было так хорошо, что я снова и снова искала его губы, зарывалась пальцами в жесткие волосы, обвивала ногами тело дракона. Он не отталкивал меня, не осыпал презрительными насмешками, не довлел авторитетным я, он был открытым и любознательным, дерзким и молодым — это соблазняло и заставляло желать большего.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Кхм, — прервали нас самым наглым образом, — она без пяти минут королева, Вольный, даже ты позволяешь себе слишком много!

И дракон отпрянул от меня как от прокаженной. Его губы распухли от поцелуев, глаза горели от страсти и желания, а потом потухли и взглянули на меня с презрением.

— Очередное вранье?

— Я узнала об этом только вчера вечером.

— Узнала и заморозила кучу народа, обрушив на их головы заклятие из Запретной книги, — уточнил дракон у входа в каменную халупу.

— Это была не я! — Попыталась оправдаться, но оба дракона уже стояли плечо к плечу, готовые осуждать и приговаривать без объяснений.

— Значит, веришь всему, что он скажет? — Бросила я Вольному с упреком.

— Он мой брат! Я не привык подвергать сомнению слова кровного дракона.

Дакки был выше Вольного на голову и шире в полтора раза. Выглядел он как настоящий отверженный дракон — шрам располосовал голый череп и алел от затылка до подбородка, обезображивая лицо. Огромные ручищи сжимали в руках Лабрис, и такая же татуировка чернела на предплечье. Топор с двумя искривленными лезвиями. Что бы это могло значить?

— Это символ всех отверженных, — прокомментировал мой любопытный взгляд Вольный.

— У тебя такая же? — Спросила я дракона.

— Нет, я особенный, — повторил Вольный ранее произнесенную фразу, — Тут недалеко горный ручей, Дакки покажет дорогу, а я пока соберусь, нам придется идти весь день.

И ни намек на теплые чувства. Этот громила разрушил прекрасное мгновение, которых в моей жизни в последнее время было не так много, и я злилась на него и готова была вонзить когти в драконью шею.

— Не стоит этого делать, дочь императора, жаль будет ломать такие прелестные косточки.

— А обледенеть не боишься? — огрызнулась я.

— Энергии не хватит! В скалистом крае один-единственный энергопоток и поддерживает он только воинов Обители Мудрости и ее жителей. Тебе прямо к ручью, вода ледяная, купаться не советую.

— Кто тебя наградил таким милым именем, спросить бы? — Продолжала я бурчать.

— Не получится. Мать бросила нас с Вольным в младенчестве, подкинула на крыльцо обители и была такова. Наверное, я был симпатичным младенцем. — Ухмыльнулся Дакки и добавил тихим угрожающим тоном:

— Не играй с братом дорогая, он тебе не домашняя ящерка и слишком простодушен и влюбчив, а ты у нас дочь императора и без пяти минут жена. Я все про тебя знаю, наши информаторы повсюду. Не хочешь спросить, где твой муж и что с ним?

Я похолодела.

Предательница! Как я могла настолько потерять голову, что забыла обо всем на свете и в том числе о муже? Он возвышался грозным черным монументом где-то на задворках сознания, но я была настолько обижена его презрительным поведением, его насмешками и тем полетом, когда поняла, что он меня не любит, что попыталась на время отвлечься.

Дакки прав, я никогда не смогу ответить взаимностью на чувства другого дракона, я безнадежно влюблена в жестокого несговорчивого грубияна с манией величия и самооценкой размером с синего кита. И все-таки поцелуи были волшебными, такими нежными и трепетными, рождающими что-то особенное глубоко внутри меня.

— Что с ним? — Без особого энтузиазма спросила я, уверенная, что с Драко все в порядке и император не смог причинить ему вреда.

— Дракорион официально сложил с себя обязательства перед императором и теперь твой муж глава рода и правая рука правителя.

— Да ну? — Удивилась я. — Они же друг друга терпеть не могут.

Дакки расхохотался.

— Ты и вправду наивна. Это политика, девочка! Дворец в центре энергопотоков, а твой муж дракон, жаждущий власти и достойная кандидатура на место следующего императора. Неужели ты думаешь, что он откажется от привилегий, которые ему дает его рождение, ради помощи таким как мы?

Я промолчала и пошла к ручью умываться и приводить себя в порядок, тем более ни Вольному, ни Дакки не стоит пока открывать всех подробностей наших с мужем отношений. В одном я была уверена, Драко поступил на службу и принял обязательства перед родом не ради власти или наследования рода, он хотел загладить вину перед родителями, чувство, которое грызло его изнутри и отметало мои робкие попытки любить и быть любимой.

Мы топали целую вечность и я начала ныть и брыкаться.

— Я есть хочуууу! Давайте уже остановимся.

— Здесь граница территории отверженных и диких, опасное место, не стоит останавливаться, — сказал Дакки и толкнул меня в спину, противно хихикая.

Что за жуткая привычка, так и хочется в ответ заехать кулаком под дых, чтобы хихиканье застряло в глотке.

— Вольный... — Протянула я в затылок дракона, но тот только дернулся и не ответил. — Я не дочь императора. Ну, только на половину, но стопроцентно не доказано. Я не врала тебе, клянусь.

Ноль эмоций. Чем я его так сильно обидела? Может, ему не понравились мои поцелуи? Интересно, как я целуюсь, ведь практики у меня фактически никакой. Пару раз с Драко и тогда, в клубе...

Вдруг воздух прорезал резкий металлический свист и Дакки упал на меня, прижав к каменистой почве. Вольный уже целился в кого-то невидимого, а рядом снова что-то просвистело и воткнулось мне в ногу. Я взвыла от боли и заорала в голос.

— Тише, крошка, потерпи, — увещевал меня громила-дракон, прижимая лапищами голову и не давая увидеть, что происходит.

— В небе! — Заорал Вольный, и, отбросив оружие, откатился, а потом вскочил, перекувыркнулся и обратился драконом. Дакки подтянул меня за шкуру и вместе с ружьем закинул на спину Вольному. Чудом не напоровшись на костяной хребет, я вцепилась в него изо всех сил, преодолевая слабость в теле и резкую пульсирующую боль в ноге. Ружье повисло рядом, прикладом охаживая меня по рукам. А потом я вспомнила слова Драко о том, что просто «полетать на драконе» не получится, что драконица испытывает сильную боль от полета на драконе-самце, который ей не подходит, но тут Вольный оттолкнулся от земли и взмыл в небо. Я задохнулась, но не от боли, а от чувства полного совершенного восторга! Кровь струилась по венам теплыми тугими струями, и сердце билось ровно и равномерно. Я дышала потоками адреналина и жаркого могучего всепоглощающего чувства незрелой любви. Как такое возможно? Почему я не корчусь от боли, почему слышу ровные удары сердца Вольного рядом со своим, почему я понимаю то, что сейчас испытывает он. Неужели, Драко обманул меня? Неужели все его слова были одной единственной ложью. Но с какой целью? Он догадался о том, что я наследница Белой Драконицы, что я дочь императора? Неужели действительно именно так пытался вернуть себе доверие правящего рода? Кем я была для Драко — обратным билетом на Родину?

И горячие слезы обиды хлынули из глаз. Я сидела на спине огромного дракона и рыдала так, как никогда. Потоки энергии проходили по всему телу и концентрировались на кончиках пальцах. А злость росла откуда-то изнутри, черная и непримиримая. Я чувствовала, как Вольный пытается мысленно меня успокоить, но ярость захлестнула с головой и, повернувшись в сторону диких драконов, которые висели у нас на хвосте, я просто направила всю боль и обиду в их сторону, позволив искрам слететь с кончиков пальцев. Мгновение и драконы полыхнули синим пламенем, провалившись в скалистое ущелье. Сколько их было? Пятеро? Еще пять жертв у меня на счету, еще пять черных, бугрящихся кровью, отметин на душе, которые затягивали мое сознание в омут злобы и отчаяния. Вольный вторгся в этот водоворот и подарил мне такой сильный заряд теплоты, что я мгновенно очнулась и села ровнее. Нога почти не болела, я глянула вниз и обомлела. Мы летели с такой скоростью, что захватывало дух, а бескрайняя каменистая пустошь сменялась

островками зелени и голубизной горных рек. Красота, умиротворение и покой, которые Вольный пытался влить в меня как лекарство, чувствовались каждой клеточкой тела, и я была благодарна ему за то, что он спас меня от самоуничтожающей ярости. Ветер осушил потоки слез, и я растворилась в полете, отдавшись ему вот уже во второй раз. Трепет и ласковое прикосновение пальцев к моему лицу... Что это, я ведь все еще лечу? А потом я почувствовала на губах поцелуй, сладостный тягучий и смех Вольного в который раз вторгся в сознание. Значит, драконы еще и так умеют? — мысленно рассмеялась я в ответ, а потом отпустила все мысли и сожаления, всю боль и отчаяние, всю мою нерастратченную любовь к Драко и просто полетела. Я расправила огромные белые крылья и закричала во всю глотку. Утробный рык Вольного был мне ответом.

Глава третья.

Обитель Знаний. Версия легенды № 2.

У каждого свой путь — своя дорога
Определена она судьбой,
а может случаем, иль волей бога.
Но выбор есть всегда — он за тобой.
А.Благов.

Вольный мягко приземлился у стен сурового замка, высеченного, казалось, прямо из скалы. Узкие окна-бойницы, ров и подъемный мост напоминали мне описание замков средневековья, а, оцетинившиеся острыми штыками стены, говорили о том, что замок — место обитания драконов, и защищается он не от людей, а от ящеров, нападающих с воздуха.

Я соскользнула со спины Вольного, и он через пару секунд стоял рядом, тут же приземлился и Дакии, извергая проклятия и рыча так, как будто он еще в ипостаси дракона.

— Совсем с ума сошел! Девчонка замужем, ты хоть соображаешь, что наделал?

Вольный пытался что-то сказать в свою защиту, но Дакки орал так, что заглушал все его робкие попытки. Раскаты громового голоса рокотали по долине, перекатываясь многочисленным эхом, а я вжимала голову в плечи и косилась на лабрис, зажатый в мощной лапище.

— Она замужем за Драко, вспомнил, кто это? А теперь представь, что будет, когда он узнает о том, что его девчонка еще и жена сопливого выродка отверженных?

— Я кто?

— Жена! — Заорал Дакки совсем уже не в себе.

— Но... как такое возможно, я ведь уже замужем?

Дакки тут же остыл и покосился на брата.

— А вот ты нам сейчас и расскажешь!

Вольный почесал затылок, как бы припоминая что-то.

— Вообще-то раньше такого не случалось. Никогда. У одной наездницы — один дракон-самец, другого не дано.

Как видишь, дано! — Огрызнулся Дакки. — Почему тебе всегда нужно влезть в какое-

нибудь дерьмо? Ты что не мог просто подвести ее до безопасного места и сбросить со спины?

— А зачем ты вообще закинул ее на меня? — Обиделся Вольный. — Знал же, чем это грозит нам обоим. Я бы вообще ослеп от боли, а она могла и не дожить до конца полета, в ней кровь другого дракона.

— Я бы прикрыл тебя, брат, а не будь она дочкой императора, бросил бы не задумываясь, но надо было попытаться.

— Попытался? — Выдал Вольный и как ребенок пошел красными пятнами от обиды и злости.

Дакки немного остыл и обратил свой пламенный взор на меня, стоявшую чуть в стороне и полную праведного гнева.

Бросили, значит, не будь я дочкой императора! Нашли себе игрушку! Одному — как пропуск на родину, а другим... тоже не просто так. Ящеры бездушные! Уже и даму из беды вызволяют только тогда, когда им от этого польза и выгода есть!

— Ну, вот что. Хватит тут внимание привлекать, пошли уже домой, нам еще объяснение предстоит перед отцом. — Потом Дакки подошел ко мне и ткнул в плечо так, что я чуть не свалилась. — А ты здорово тех драконов уделала, не зря спасал. Только знай, что магия эта темная и опасная, выжжет она тебе душу и станешь, как император, питаться чужими жизнями и жрать на завтрак по новому дракончику. — И он заржал в голос.

Ффу! Мерзкий чешуйчатый гад!

— Ты на него не злись, — не глядя на меня, сказал Вольный, — он за меня переживает и за отца, у нас и нет никого больше. А то, что я сделал, было недопустимо, Дакки прав, но я не смог остановиться. Брат не зря обвинил меня, если твой муж узнает, то пришлет сюда воинов императора и от замка ничего не останется. Отец все эти годы отчаянно пытался защищать Обитель от вторжений и от притязаний императора. Тот не особо интересуется книгами, вот и решил оставить все как есть, вроде как бумагой его не испугать, а тут, между прочим, хранятся свитки с начала времен. Правда, никто их прочесть так и не смог пока. Я учусь понемногу. Как прочту, так найдется что-нибудь и на императора, посмотрим тогда, что сильнее, знания или сила. И отверженные не особо любят помогать друг другу, здесь законы жестокие, каждый сам за себя, поэтому и живем так плохо. Если бы собрались все вместе, поговорили бы с дикими драконами. — Вольный тяжело вздохнул. Видимо, эта мысль часто приходила ему в голову и была заветной мечтой. А кто не мечтает о мире во всем мире? — Грыземся из-за глотка энергии, истребляем друг друга из-за куска пищи, как варвары! — Потом, наконец, посмотрел на меня. — Ты прости меня, Маша, за то, что я тебя в жены взял, но обряд все равно не завершен, кровь ты мою не пила и пить не собираешься, так ведь?

В голосе вольного промелькнула робкая надежда, а я вдруг представила лицо мамы, которой любимая и единственная дочь представляет своих мужей: «Знакомься, мамочка, это Драко — мой первый муж, а это Вольный — мой второй муж-дракон. Прошу любить и жаловать!» Дикость какая-то! Что за мир, в котором не успеешь чихнуть, а уже дважды замужем?

— Я и первый-то раз не особо рвалась, а уж во второй... — начала я объяснять Вольному, как нас окликнул Дакки.

— Хватит миловаться, ящерки, в норку пора! — И снова противно загоготал, а мы с Вольным, как по команде, отпрыгнули друг от друга и пошли по подъемному мосту в замок.

Встречало нас гулкое эхо собственных шагов и каменный сводчатый потолок прохода.

— Вы идите в дом, а я отца найду и подготовлю. Смотри, брат, без глупостей! Тебя теперь одного ни на секунду не оставишь.

— Конечно! — Вскипел Вольный. — Наброшусь на невинную жертву, напою своей кровью и потащу в огненный круг, прямо в стоповой! Там же и обряд закончу и птенцами займемся.

Я покраснела от подобного предположения, Дакки подавился смехом, а Вольный пихнул его кулаком под дых и, довольный результатом, скрылся за дверью.

— А ты бы прижилась здесь? — Отдышавшись, спросил меня Дакки совершенно серьезно. — Я за семью горой встану, а если ты решишь остаться, то и тебя уберегу. Если не мил тебе муж и про императора не соврала, так оставайся. — И тоже скрылся за дверью.

А я очень хотела остаться. Это место — мой шанс узнать все о мире, частью которого я стала так неожиданно, узнать все о себе самой.

Когда я научусь управлять своей магией, своими поступками и не путать свое я с прошлым Белой Драконицы, тогда и вернусь к Драко, чтобы помочь ему избавиться от чувства вины и вместе разобраться в нашем браке. А идти вслепую и допускать одну ошибку за другой я больше не хотела. Сколько еще нужно жертв, чтобы моя душа почернела, и Маша Снегирева пропала бы навсегда, превратившись в беспощадную драконицу- мстительницу, которая решила напиться крови отца и утопить в ней всех его вассалов?

Уверенно шагнув вперед, я распахнула двери и вошла в Обитель Знаний. Мой первый шаг по устланному ковром полу в царство историй и сказок, истины и лжи, загадок и тайн! Последнее очаровывало больше всего и хотелось бежать к полкам и читать книги, открывая для себя новое и неизведанное, познавать этот мир, теперь и мой тоже. Огромная комната в синих и серых тонах приглашала как можно быстрее познакомиться со всеми предметами мебели и обстановки. Драконы с картин звали меня по имени и нашептывали тайны прошлого, один даже довольно внятно произнес: «... и похоронил его в погребце!» Драпировка стен тянулась ко мне потоками энергии и обволакивала теплым уютным коконом, а я впитывала в себя это домашнее тепло и немного оттаивала.

— Интересный у вашей гостьи дар. Она прямо сейчас вбирает в себя энергопотоки прошлого. Такое не под силу даже мне! — Раздался за спиной удивленный старческий голос. Я обернулась на него и столкнулась взглядами с низеньким горбатым драконом, закутанном в выцветший плащ. Он был чуть выше меня, совершенно седой и сморщенный.

— Простите за мой внешний вид, но не всем дано черпать силы из воздуха, мои почти на исходе.

— Здравствуйте, — поприветствовала я старого дракона, а потом подошла и положила ладони ему на голову. Сделала это совершенно неосознанно и сквозь пальцы потекло тепло, передаваясь от меня к нему. Потоки энергии, которую я только что впитала одним вдохом, окутали дракона с головы до ног, как меня до этого, и создали плотный кокон, в котором происходило нечто странное. Тело выпрямлялось, волосы приобретали цвет, морщины разглаживались.

Дакки пошатнулся и прислонился к двери, Вольный уронил на пол что-то бьющееся (наверное, мой ужин), а старый дракон вдруг встал передо мной таким мужчиной в самом расцвете лет. Волосы струились по плечам мягкими светлыми волнами, зоркие ярко-синие глаза смотрели пронзительно и сурово, гордая осанка и широкая мощная грудь, теперь обтянутая складками плаща, возвышалась на уровне моего носа.

— Уффф... — Отдернула я руки от головы дракона и поняла, что стояла теперь на носочках. Оказывается, Белая Драконица была не такой уж циничной мерзавкой, добрые поступки тоже были ей ведомы.

— Неожиданное приветствие. — Нашелся, наконец, помолодевший старец. — Спасибо, ты только что подарила мне полсотни пет, истратив на это значительную энергию замка, но так как ею все равно никто не может пользоваться, то я искренне тебе благодарен. А теперь сядь и расскажи, кто ты, дитя и почему на тебе печать моего сына? Я отец Вольного Дариэн Мудрый, не родной, но забочусь о нем с самого рождения.

Дакки немного пришел в себя за время отцовской речи и теперь рассматривал его так пристально, что тот рассмеялся и оттолкнул назойливого дракона.

— Теперь мне под силу побороться с тобой, сынок, не этого ли ты всегда хотел?

— Отец, — на глазах могучего воина выступили слезы, и это было настолько дикое зрелище, что я невольно засмузилась и опустила глаза в пол. А семейные приветствия переросли в счастливые вопли и кидания друг на друга. Вольный запрыгнул отцу на спину и молотил Дакки кулаками по спине, тот уворачивался и пытался толкнуть отца и брата на диван, сам же отец-дракон от души забавлялся, тесня Дакки к стене с другим сыном, повиснувшем у него на шее.

«Как дети малые!»

— Сестра! Ты подарила нам настоящее счастье и за это я тебе поцелую, — вдруг обратил на меня взоры Дакки, взревел и бросился ко мне, а потом поднял как пушинку, подбросил вверх, поймал и оставил на губах слюнявый поцелуй.

Пфффуу, — вытерла я губы рукой и кинула на него уничтожающий взгляд, а ко мне уже бежал Вольный. Он обнял сразу двумя руками, прижал к себе так тесно, что наши тела буквально впечатались друг в друга, на что я отреагировала незамедлительно и потребовала большего. Но дракон уже отпустил меня, прошептав на ухо «спасибо».

И никаких поцелуев!

— Ну, хватит! — Остановил Дариэн вакханалию. — Теперь присядем и поговорим. Я хочу знать все о тебе, дитя.

И я рассказал все, совершенно все, что со мной произошло и как. Я только что подарила этому дракону полсотни лет жизни, не думаю, что после такого он станет использовать против меня мои же слова.

Дариэн молчал очень долго, последние лучи заходящего солнца окрасили комнату в кровавые тона и растаяли в небе, комната погрузилась в сумерки, света никто не зажигал, так и сидели в полной тишине, ловя невнятное бормотание дракона.

— Что ж, наконец, произнес Дариэн. Теперь мне понятно хотя бы то, почему я вдруг помолодел. Белая Драконица была моей ученицей.

— Что?

— Да, Маша, я очень древний дракон, таких как я, всего двое: твой отец-император и Серый. Мы живем за счет силы энергопотоков. Пока ты принимаешь этот дар, он питает тебя, сохраняя в тепе жизнь и даря молодость, но как только ты покидаешь стены клетки, день идет за год и вскоре ты умираешь, — Дариэн сделал паузу, а потом снова начал говорить и произнесенное захватывало меня все больше и больше.

— Ты действительно носишь в себе душу Белой Драконицы, но при этом твое собственное я не просто человек, а настоящий дракон, Маша, отсюда и все беды. Кровь Белой драконицы породила настоящую наездницу — сильную и могучую, и ваши ипостаси

теперь находятся в непрерывной борьбе. Уступая магии, ты теряешь часть собственного я, а Белая Драконица становится на шаг ближе к дому и к мести. Отсюда и двоеженство, дитя. Одна из вас выбрала Драко, а другая стремится к Вольному и только тебе решать, кто из вас победит и начнет жить полной жизнью, а кто навек уйдет, покинув это тело и превратившись в поток энергии, который впитается в камень и станет прошлым.

Я судорожно вздохнула. Вот тебе и тайны с загадками. Так кто же выбрал Вольного? Я или Белая Драконица? И кто недавно вышел замуж тоже неизвестно.

— А вот испить из кубка крови Вольного тебе придется, иначе печать на сердце не падет и убьет ту, которая его выбрала. Если только у тебя есть уверенность в том, кто из вас это сделал.

Я покачала головой, заметив краем глаза, как побледнел Вольный.

— Я так и думал. С этим придется бороться, Маша, ты позволила Белой Драконице завладеть огромной частью собственной души и, хотя я искренне ее любил и был предан, возвращения той, которая жаждет крови отца и всего его окружения, я не хочу.

— Откуда вы знаете? — Спросила я у Дариэна.

— Я очень много знаю, дитя, не даром меня называют Мудрым. Я помогу тебе, а заодно расквитаюсь с Серым. Он слишком многое себе позволяет.

— О чем ты, отец? — Спросил Дакки, нахмурившись и подавшись вперед. Лапищи сомкнулись в кулаки и хрустнули. — Серый поведал тебе не всю легенду, Маша, а только ее часть.

Я похолодела.

— Мне и эту часть-то не выполнить.

— В том-то и дело, что ты уже начала ее выполнять, на это он и рассчитывал, — произнес Дариэн и поднявшись из кресла, начал нервно расхаживать по комнате, — он тебя...кхм... запрограммировал на выполнение легенды, если ты понимаешь, о чем я.

Кивнула. В наш продвинутый век технологий, это слово известно всем и каждому.

— Он не рассказал тебе ту часть, где Исполнителю миссии предоставлен Выбор, тем самым заставив тебя сделать то, что нужно ему. Пробудить силу Белой Драконицы, раздражить ее так, чтобы она поглотила тебя саму, а потом уничтожила своего отца и весь род золотых драконов. Месть свершилась бы, а с синими драконами он справился и один, Последний не просто так рядом с ним и днем и ночью.

Я похолодела. Так значит Серый тоже лжец и предатель. Вот тебе и страшная сказка с грустным концом.

— Вы расскажите мне вторую часть легенды, где есть этот самый Выбор.

Дариэн вздохнул.

— В том-то и дело, Маша, что языком древним владеет только Серый, как продолжатель рода и дитя Храма. В Обители Знаний действительно существует копия легенды, но что в том толку?

— Отец, ты же знаешь, что я смогу! — Закричал Вольный.

— Подожди лезть в это дело. — Прервал его Дариэн.

— Но тогда Маша выполнит легенду и погибнет.

— Сначала я предоставлю тебе иной выбор, дитя, — сказал Дариэн, игнорируя слова сына, — ты узнаешь историю моей ученицы, ее печальную судьбу и жестокие поступки. Я расскажу тебе то, чему сам был свидетелем и чего ты не найдешь ни в одной книге — историю несчастной маленькой драконицы, обреченной на нелюбовь родного отца и

непонимание целого народа.

И я приготовилась внимательно его слушать.

Глава четвертая.

Сказка об ужасной принцессе и прекрасной драконице.

В некотором царстве, не в нашем государстве
Жил-был царь на царстве, король на королевстве,

Дариэн зажег свечи, Вольный принес-таки ужин, и мы набросились на еду, забыв на время обо всем на свете. Сколько я уже не ела? Почти сутки! И это после сытной, правда недолгой, жизни в замке синих драконов.

— Как вкусно! — Промычала я и слизала соус с вилки.

— Мясо диких драконов действительно нежное и сочное, — заметил Дакки, а я резко позеленела.

Вольный посмотрел на брата и покрутил пальцем у виска, типа, идиот ты, разве такими вещами шутят. — Расслабься, Маша, он врет. Вернее, юмор у него такой своеобразный.

— А по мне все твари съедобны. — Невозмутимо произнес Дакки, — с голодухи и диких жрать начнешь, слышал я о таком. Вот наступит суровая зима, про которую отец говорил, что от козлов горных останется?

— О какой зиме идет речь? — поинтересовалась я.

Вольный поморщился, как от укуса.

— Слушай ты его больше. Мой брат мастер в выборе светской беседы.

— А ты молчи больше, глядишь она с дуру-то и натворит чего. Раз пришла к нам в дом — пусть все знает. — Дакки повернулся ко мне и начал рассказ. — У нас в горах зимы долгие и суровые, дома отапливаются каминами и дровами, а драконы, народившиеся в зиму, часто погибают. Сейчас на дворе оттепель, но надвигается долгая зима и длиться она будет не меньше года и такие суровые морозы придут, что погибнут стада горных козлов и прочей живности и начнется голод среди драконов. Именно в такие зимы император закрывается в своем дворце на все замки, а горожане оккупируются в домах и замках, боясь нападения отверженных и диких, а мы немного примеряемся друг с другом. Дикие — они ж как мы, но только лютые очень, озверевшие совсем.

— Это как? — Поинтересовалась я.

— А так, — закончил Дакки, что они забыли свою человеческую ипостась и одичали настолько, что живут в пещерах, как простые драконы, гнезда вьют из веток и яйца высиживают в них.

— Ты говоришь так, словно они забыли про технику и начали пахать землю руками. — Сказала я.

— Так и есть. Но это еще не все, — продолжил Вольный, — отец в книгах нашел упоминание о том, что изначально все драконы могли существовать только в одной ипостаси, и гораздо позже магия Серых переняла человеческий облик и сделала нас такими, какие мы есть. Дикие считали, что это делает нас уязвимее и слабее и со временем

разучились превращаться в людей. Они живут высоко в горах и ведут образ жизни наших праотцов-драконов.

— А, посему питаются нами же в человеческом обличье. — Закончил Дакки. — Приятного аппетита, леди, встретимся за приятной беседой в библиотеке. — И снова загоготал и зафыркал.

Я сидела за столом и пила остывший травяной чай, переваривая полученную информацию. Значит с Дикими не договоришься по-человечески, а по-другому я не умею. На их помощь в будущем рассчитывать не приходится, автоматически пополнялся список врагов (они ведь могут изъявить желание закусить мной, если я сама не озверею в лютые морозы и не начну пожирать их (бррр))!

Получается, что моей смерти жаждет Серый, отец-император, целый клан диких драконов и в какой-то степени я сама. Веселенькая картина!

— Почему бы мне прямо сейчас не отправиться домой? — Беззаботным голосом спросила я Вольного.

Он как-то сжался и поник.

— Ты так сильно хочешь сбежать отсюда?

— Не из этого замка, Вольный, — попыталась я объяснить, — а из этого мира! Насовсем и навсегда. Объясни, зачем мне продолжать вести борьбу с самой собой и, возможно, потерпеть поражение, растворившись в камне, если я просто могу вернуться домой и забыть обо всем, как о кошмарном сне!

— Не просто, Маша, — вмешался Дариэн, — во-первых, Серый не пустит тебя к Вратам, а только так ты можешь попасть обратно в мир людей, а, во-вторых, ты услышала легенду из уст самого хранителя, что обозначает ее безоговорочное выполнение. Врата для тебя закрыты на то время, пока легенда не войдет в силу и ты, как марионетка, не исполнишь все ее пункты.

— Я не подписывалась под исполнением! — закричала я возмущенно.

— А это не важно, Маша, твое имя было вписано кровью в текст легенды. Это обязательное условие для того, кто решит исполнить предначертанное там.

— Пойдите, — прервала я его, — это что же получается? Я могла бы и не исполнять ничего?

— Да, Серый воспользовался твоим положением и спровоцировал начало отсчета. Теперь легенда должна исполниться и ты подписалась под это, Маша, пусть не сама, но именно твоя кровь теперь в камне и рано или поздно, он попросит свою жертву.

— Это как так?

— А так, — закончил Дариэн, — что рано или поздно наступит такой момент, когда тебе и Белой Драконице придется встретиться с духом Черного Дракона, который покоится в камне этого мира, и предстать перед его судом. Кого он выберет себе в спутницы, тот и останется с ним на веки вечные, заточенный в камне и дарующий энергию еще живущим. Твоя кровь и твое имя уже на пути к нему и это великая честь и великое испытание для любого дракона.

— О! Ну тогда я просто счастлива, — с нескрываемым сарказмом заявила я, — чудесная перспектива!

Дариэн промолчал, а потом попросил меня и Вольного убрать со стола и прийти в библиотеку. Всем хотелось отдыха, но полный сил и нового заряда молодости дракон решил не откладывать истории моего второго я на завтра.

— Белая Драконица родилась в роду золотых драконов, но отличалась с самого детства от своих братьев и сестер внешностью и способностями. Уже тогда двор императора понемногу завоевывал себе авторитет, и братство Серых отходило на второй план. Молодым драконам не хотелось каждый раз, как запасы энергии иссякали, обращаться к Источнику и выполнять за это многочисленные просьбы братства и соблюдать неукоснительные обряды. Светское общество драконов обосновалось вдали от гор и Источника, на плодородных землях, где оттепель длилась гораздо дольше зимы, а сама зима была мягкой и не приносила никому ни бед, ни утрат, ни горя. Дальние родственники из многочисленных родов драконов, которым не досталось ни энергии, ни места при дворе императора, ни возможности построить себе дом в черте города, ушли в Скалистый край и обосновались там, натачивая когти в злобе на тех, кому жилось проще и легче. Император не желал равноправия для всех, братство Серых за энергопотоки требовали все больше и больше, и дошло до того, что приходилось платить собственными крыльями. Тогда часть отверженных прокляла хранителей и презрела их наследие, став отщепенцами, а, со временем, просто Дикими. Некогда единое и процветающее общество раскололось раз и навсегда, тогда-то и родилась Белая Драконица с даром к такой сильной магии, что даже хранители стали бояться ее могущества. Отец-император не любил слабую здоровьем дочь и боялся, что из нее не получится хорошей наездницы. Тогда он призвал к себе самого умного дракона того времени — Ерадрогона — и попросил стать учителем для его дочери. А я был тогда помощником этого деспотичного дракона. Он не знал пощады ко всему, что касалось усвоения магии, и истязал маленькую драконицу и днем и ночью, заставляя ту упражняться в управлении и овладении энергией. Доходило до того, что Белая Драконица падала в обмороки от истощения и слабости, ведь ее здоровье итак было подорвано, но отец-император не желал менять учителя. Тогда она попыталась сбежать, но слуги императора поймали беглянку. Золотой Дракон, наконец, сменил гнев на милость и позволил мне преподавать и заменять Ерадрогона по тем предметам, в которых я был наиболее сведущ. Злопамятный дракон имел надо мной власть и вскоре сослал сюда под предлогом того, что Обители Знаний давно пора бы приобрести настоящего хозяина. Так я стал частью этого замка. Ерадрогон заточил мою душу в камни, из которых сложены стены, я не мог противиться магии и смирился со своей участью, но Белая Драконица не смирилась со своей и вскоре снова бежала. Тогда император решил избавиться от обузы и выдать ее замуж за дракона-самца, с которым единиться наездница. — Дариэн сделал паузу, а потом продолжил.

— Она пришла ко мне перед своим первым полетом и просила стать ее мужем, не по любви, но ради того, чтобы забрать в этот замок и спасти от жизни, которая ей опротивела. Я был слаб и угнетен, я ей не помог и до сих пор жалею об этом. Тогда она обозлилась на всех и больше всего на отца, который отвернулся от нее в тот миг, когда Серый предрек ей одиночество и бездетность. Император никогда особо не заботился о детях, что привело к гибели всех до одного наследника, кроме Белой Драконицы. Золотой Дракон выбрал самых сильных и способных драконов-самцов на роль мужа своей дочери. Один за другим приходили они на обряд единения и уходили ни с чем. Белая Драконица отвергала всякого, пока не встретила дракона из знаменитого синего рода, но бедного и ничем не примечательного, кроме покосившегося домика на окраине города. Золотой Дракон расвирепел и отказался признать законность обряда единения, тогда его дочь выпустила бесконтрольный поток энергии, уничтоживший несколько сот драконов. Серые

братья заперли несостоявшуюся наездницу в Храме и держали там в заточении, в каменном коробе с отверстием для еды и питья. Собрав все свои могущественные способности, Белая Драконица разрушила клетку и породила новые энергопотоки, неподвластные Серым. За это ее тут же выкинули в иной мир и запечатали Врата для возврата. Серые попытались уничтожить новые энергопотоки, но император и остальные воспротивились этому. Так началась война, в которой были повинны многие, но обвинили одну.

— Белую Драконицу... — прошептала я и заплакала.

Я бы тоже вызверилась на весь драконий род за такое отношение, не удивительно, что злоба, отчаяние и ненависть стали постоянными спутниками драконицы. Мне срочно нужно было обдумать услышанное, но я так устала, и столько переживаний свалилось на мою голову, что не заметила, как уснула прямо в кресле.

— Отнеси ее в комнату наверху Вольный. Завтра проведем обряд единения, — сказал Даризэн, — Дакки, подготовь комнату и всем спать.

Но всего этого я уже не слышала.

Часть седьмая. Умиротворенная

Глава первая. Я счастлива!

Сейчас — это и есть жизнь. Сегодня длится годами. Вчера — умершее сегодня, завтра — не рожденное. Любой наш день — это всегда сегодня.

После всего, что со мной случилось, после всех страховок и предсказаний, я вроде должна быть убита горем? Ничуть не бывало! Мне было так хорошо, как никогда!

Вспомните прямо сейчас самый яркий момент, когда вы растворились в каком-то мгновении, наслаждаясь им и боясь спугнуть? Только однажды я чувствовала что-то подобное. Мне было лет пятнадцать, и после долгого учебного дня я уснула в своей комнате, на своей кровати и сладко подрыхла три часа, а на закате проснулась, укутанная закатными лучами солнца, теплыми и ласковыми, пробивающимися сквозь ветви цветущей вишни. Лучи играли бликами на темно-фиолетовом покрывале, на блеклых обоях в цветочек, на потертой и исцарапанной столешнице письменного стопа, преображая все вокруг. Я чувствовала тепло, не простое, а настоящее волшебное обволакивающие, будто солнце решило подарить его только мне, только сегодня, чтобы показать, как взгляд человека может преображать даже самые безнадежные и безвыходные ситуации, стоит только раз попробовать. И с тех пор я всегда вспоминаю то мгновение яркого солнечного тепла и счастья, когда мне плохо, тоскливо и одиноко. С тех пор я смотрела на мир другими глазами и пыталась во всем найти хоть каплю радости, хоть лучик надежды, хоть частицу того, что превратит абсолютную безнадежность в решето темных грозовых туч с дырками от пробивающихся солнечных лучей.

Я улыбалась здесь так часто, что иногда начинали болеть мышцы лица, и радовалась тому, что мгновения полного счастья и умиротворения складываются в копилку с каждым новым днем.

Дариэн показал мне библиотеку Обителя Знаний, и она потрясала своими размерами. Огромное круглое помещение без окон, сводчатый потолок тонул где-то в вышине, расписанный древними символами и загогульками, а стены уставлены полками с книгами, свитками, фолиантами и подшивками. В середине помещения полки стояли так близко друг к другу, что нам с Вольным приходилось тереться носами при столкновении и втягивать живот, прижавшись к полкам спиной, чтобы другой мог протиснуться дальше. Эти ситуации часто приводили к тому, что дракон драматично закатывал глаза, а потом наклонялся и целовал меня так, будто иначе он не сможет сделать и шага. Я обхватывала его затылок, вставала на носочки и притягивала к себе жадные губы, наслаждаясь его горячим дыханием, его прерывистыми и сбитыми речами о том, что это в последний раз, что Дариэн его убьет, а Дакки заставит вычищать языком отхожие места. Я смеялась и расстегивала на Вольном рубашку, медленно, глядя прямо в его ненасытные янтарные глаза, горящие диким желанием. Дразня, проводила пальцами по груди, останавливаясь на пряжке ремня. Дракон откидывал голову, кладя ее на полки с книгами, ловил руками мои пальцы и целовал их так,

будто они дарили ему самый сладостный нектар, питающий тело и душу, а потом протискивался мимо и продолжал искать то, что ему было нужно, как ни в чем не бывало.

Я же помогала ему в том, что таскала на столы все, что он выбирал.

Вольный не врал, когда говорил, что он особенный, у него был свой дар, тоже редкий среди драконов. Он все детство провел в стенах библиотеки и вскоре Дариэн понял, что его сын разбирается в древних письменах, читая то, что даже он не мог понять. Отец продолжал развивать дар сына, подсовывая тому свитки с песнями и стихами, сложенными тысячелетия назад. Каким-то самому Вольному не известным способом, он разбирал символы и начертания, скопированные с камня, складывал их в тексты и придавал им смысл.

Вольный знал, что если ему дадут время разобраться с легендой, то рано или поздно, он поймет ее содержание, прочтет то, что утаил Серый и поможет мне услышать ту часть, где предоставляется Выбор. Поэтому я помогала, как умела, стараясь особо не мешать и не отвлекать дракона, хотя иногда наши занятия прекращались далеко не невинно.

— Ты ведь моя жена, — шептал Вольный, обнимая так, как будто я собиралась в любую минуту раствориться в воздухе, — ты выпила мою кровь и я могу делать с тобой все, что захочу!

— Но не будешь этого делать, — останавливала я его руки, — потому что мне итак очень тяжело разобраться в себе.

Вольный смотрел на меня с какой-то мучительной тоской, но, казалось, не хотел портить гармонию наших отношений и во всем шел на уступки. Например, катал меня на спине, а я хохотала и уже совершенно бесстрашно смотрела вниз, на пролетающие мимо зубцы скал, на редкие проплешины зеленые и островки чахлых рощиц среди буйного царства камня.

— Ты настоящая Наездница, Маша, — говорил мне Вольный, как только мы устраивались с книгами в одной из облюбованных рощиц, подальше от глаз Дариэна и остальных отверженных драконов. Их внимание было мне неприятно, тем более сами они выглядели слегка отталкивающе и смотрели так, как будто я принесу с собой одни лишь беды и несчастья. Я знала, что за моей спиной маячит тень Белой Драконицы, отца-императора и Драко — Черного дракона, но только я сама могла решить, кто, в конце концов, победит и они понимали это, оставив нас с Вольным в покое. Никто из них не желал возвращения пропавшей когда-то дочери Золотого Дракона, ведь она раз и навсегда изменила исторический ход событий, образовав новые энергопотоки, которые теперь питали Город и всех его жителей, ничем не одарив Скалистый край.

Я наслаждалась полетами и той силой, которая вливалась в меня с каждым новым взмахом крыла Вольного. Мои руки с теперь с легкостью сосредотачивали энергию и направляли ее на тот предмет, о котором я думала. Так, например, я могла снять книгу с помощью магии с самой высокой полки, не прибегая к помощи ветхой стремянки, этого не мог даже Дариэн, настолько магия драконов обнищала. Вся сила энергопотоков шла на то, чтобы поддерживать бытовые условия на том уровне, который нужен для выживания, но не жизни и тем более процветания. Я старалась развивать свои возможности и для того, чтобы как-то помогать отверженным, например, направлять магию на ткани, увеличивая полотна в десятки раз. Драконята из ближайших земель прозвали меня за этот фокус чудесной драконицей, и так и пошло.

— Вон, смотрите, идет та чудесница из Обители, наверное, снова будет фокусничать.

— Нет, она идет в рощу книжки изучать и практиковать свои магические приемчики, —

важно отвечали драконы постарше, а я радовалась, что хоть для кого-то была не опасной дочерью императора, а чудесной волшебницей, сбежавшей из Обители в лес творить чудеса.

— Ты становишься популярной среди Отверженных, — прокомментировал Вольный.

— Я хочу быть не популярной, а полезной, — отвечала я дракону, — неизвестно, сколько еще времени пройдет, прежде чем Драко догадается, кто стал в Скалистом краю так известен применением магии.

— Думаешь, он догадается?

Я грустно улыбалась Вольному, стараясь поддержать его уверенность в том, что Черный Дракон не так умен и проницателен, как кажется, а сама в тайне надеялась, что Драко ничего не предпринимает, потому что просто боится возвращать меня отцу-императору на растерзание. Я отчаянно скучала по нему, понимая, что узнав правду, муж отдалится от меня навсегда. Как тогда исполнять советы Спящего дракона и избавлять Драко от чувства вины? Белая Драконица спала где-то глубоко внутри, подставляя чешуйки под лучики тепла от моей души, полной покоя, тишины и умиротворения. Возможно, она понимала, что рано или поздно я буду поставлена в такие условия, когда мне снова придется искать ее помощи, а, может, просто любила и наслаждалась счастьем вместе со мной. Ведь непонятно, кто из нас выбрал Вольного, кто откликнулся на его зов и отдал ему себя в полете. Я не могла разобраться в своих чувствах, настолько они были запутанными, но знала, что мне нужна эта пауза, эти мгновения тишины в рощах и пыльной библиотеке, эти поцелуи украдкой и жаркие прикосновения, граничащие с опасностью. Обнимая Вольного, я понимала, что еще немного и узнаю, чьи руки тянутся к нему с такой любовью: мои или Белой Драконицы. Когда дракон целовал мои губы, сознание как бы раздваивалось, растворяясь в ласках и терзаясь от чувства вины перед Драко. Один голос подначивал закончить все здесь и сейчас, другой настойчиво приводил в чувство, отвешивая пинки и даря оплеухи яркими моментами близости с Драко. Это сумасшествие приводило к тому, что я понемногу отделяла голоса один от другого. Совсем скоро я пойму, кто из нас выбрал Драко, а кто вышел замуж за Вольного, а пока мне предстояло сделать еще один шаг к сближению. Решающий шаг, который расставит все точки над моим двоеженством, и собиралась я сделать это сегодня.

— Где позанимаемся? — как всегда спросил Вольный за завтраком.

— Как можно дальше от драконов, где нам никто не помешает. Есть кое-что, в чем мне нужно срочно поупражняться, поможешь?

Вольный кивнул, явно не понимая, что я задумала и какая роль отведена моему новому другу.

Глава вторая.

Потанцуем?

Мы танцуем в странном танце,

Пелена перед глазами,

То спускаемся на землю,

То взлетаем ввысь вдвоем.

Яд любовного напитка

Пьем опухшими губами

От безумия поцелуев,
Медленно по капле пьем...

— Что должна делать драконица, чтобы уравнивать в себе магию? — мучил меня Даризэн как на экзамене, а я посматривала на земляничное варенье и хотела только одного — намазать этот сладкий ароматный джем на булочку и съесть! — Маша, я должен повторить вопрос?

— Должна сосредоточиться на энергии, представить себе ее как нечто материальное и пропустить сквозь себя, представляя, как она наполняет меня постепенно словно вода в сосуде.

— Без резких всплесков, Маша, плавно и равномерно. Наполни себя энергией и попробуй удержать в воздухе два предмета на одном уровне как можно дольше.

Я сосредоточилась, чувствуя тепло, заполняющее меня изнутри, которое тонкой струйкой текло от стен замка. Я продолжала черпать энергию из прошлого, боясь отнять у отверженных то, чего им итак не хватало. Вверх плавно поднималась пышная румяная булочка и вазочка с земляничным вареньем.

Вольный расхохотался, стеклянная вазочка нырнула и разбилась, оставив на столе ярко-розовую кляксу.

— Ты варвар! — Накинулась я на дракона. — Лишил меня завтрака! — И, обиженная, умчалась из столовой, прихватив прямо из воздуха булочку и жуя на ходу.

— А ты невероятно талантливая, — догнал он меня уже на лестнице, — я горжусь тобой, женушка.

— Не надо, Вольный. Ты прекрасно знаешь, что этим испортишь настроение и мне и себе, а Дакки уже внес свою лепту, заставив все утро с тряпкой и шваброй танцевать по коридорам.

— Он просто пытается уравнивать тебя во всем. — Встал дракон на сторону брата. — Пойми, что магия — не лучший помощник во всех твоих проблемах и не надо забывать о том, что у тебя есть руки!

— Но с помощью магии я могла бы сделать это гораздо быстрее! — Капризничала я.

— И растратить впустую энергию, которая может в другой ситуации спасти кому-нибудь жизнь.

Я вздохнула.

— Ты прав, Вольный, я немного заигралась. Знаешь, это чувство, когда ты можешь заставлять предметы повиноваться любому твоему жесту...

— Могу только догадываться. — Беззлобно пробурчал дракон и открыл дверь в библиотеку. — Давай возьмем текст легенды с собой и попробуем сопоставить ее с теми выкладками, которые я переписал из разных источников.

Я взяла Вольного за руку и закрыла дверь.

— Сегодня мы полетим не за этим. Помнишь, ты пообещал за завтраком мне помочь?

Дракон тут же согласился.

— Полетели?

Стартовали мы обычно из сада, где драконы расчистили для себя небольшое пространство от кустов и деревьев, выложив его камнем, и использовали, как площадку для взлета и посадки.

— Иди в оранжерею, я скоро буду, — сказала я Вольному и заглянула в свою комнату.

Возьми себя в руки, Маша, тебе нужно сделать это? Или нет?

Как определить, чьи желания толкали меня на отчаянные поступки, мои собственные или той, кто любил Вольного и давно желал его? Если бы Драко был рядом, то я могла бы завершить обряд зачатия и понять, кто я, а кто Белая Драконица, чтобы потом все дальше отдаляться от нее, разорвав все связи с тем, что ей дорого.

И снова тупик. А вдруг это она любит Вольного, а не я? В таком случае, мне придется разорвать с ним все отношения, отдалившись настолько, насколько позволит этот мир. При этих мыслях ладони вспотели, а спина покрылась холодным потом.

Семья Дариэна и Обитель Знаний стала мне вторым настоящим домом. Именно здесь у меня появилась своя комната, свои вещи, разбросанные по стульям и перегородкам, свой собственный вид из окна. Как можно предать доброту и открытость хозяина, любовь Вольного и простодушную веру в меня Дакки? Даже если сердце выберет Драко, я сама не смогу отвернуться от них.

Вскоре моя кровь и мое имя дойдет до Черного Дракона, что тогда? Нужно успеть разобраться, где заканчивается мое собственное я и начинается я Белой Драконицы, а для этого я должна нащупать хоть одну ниточку, связанную с ней.

— Нет, Маша, тебе придется сделать это, — и я решительно натянула красный топ на голое тело, сверху накинула кожаный жилет. Со штанами я практически не расставалась, они служили защитой от падений и неудачных приземлений, каких, правда, еще не случалось. Но сегодня я предпочла коротенькие шорты, который втихую сотворила из старых джинсов. И не с помощью магии, а руками и ножницами, между прочим!

— Красотка, — сама себя не похвалишь, как говорится, но отражение в зеркале действительно радовало. Лицо открытое, загоревшее, глаза сияют, губы полные и спелые, распухшие от постоянного покусывания в моменты напряжения. А мое тело как будто налилось силой: плечи расправлены, спина прямая и небольшая упругая грудь гордо смотрит вперед.

Пребывание на воздухе пошло мне на пользу и придало сил и телу и душе. Я воспаряла духом на глазах, расцветала и все чаще ловила восхищенные взгляды Вольного и Дакии и довольные Дариэна. Я обожала его и по-своему боготворила: как строгого, но умного и проницательного учителя, как заботливого и доброго хозяина, как мудрого друга, готового помочь, понять и поддержать. Дариэн стал спутником моих частых прогулок по саду и настоящим рычагом, высвобождающим мою собственную магию. После всего этого я не смогу предать эту семью и отвернуться от нее, никогда!

В оранжерее царил гармония природы и рук человеческих, умело сплетаясь друг с другом на ухоженных клумбах и подстриженных кустах. Вольный устроился прямо в ярко-желтых цветочках, помяв половину из них, но выглядел при этом вполне довольным.

— У тебя глаза как у кошки! А среди этого желтого великолепия они просто светятся удовольствием объевшегося сметаной кота! — рассмеялась я.

— Я дракон, милая, — протянул Вольный, — и счастлив сейчас как настоящий дракон в предвкушении сладкой добычи.

Неужели догадывается, — промелькнуло где-то внутри, а соски тут же затвердели и натянули ткань топа.

Вольный не отрывал от меня хищного взгляда, гипнотизируя и приманивая к себе в объятия.

— Полетели? — Произнес он невинным тоном, продолжая ласкать мои голые ноги взглядом.

— Так вот в чем дело? — Рассмеялась я облегченно. — Ты увидел что-то привлекательное?

Вольный теперь открыто рассматривал меня с ног до головы.

— Я давно это увидел, — сказал он голосом взрослого мужчины, — ты самая прекрасная драконица, которая мне когда-либо встречалась. Добрая, нежная, как эти распутившиеся цветы, и такая же яркая. А попет с тобой и то наслаждение, которое он приносит, это гораздо больше, чем просто сметана для кота, это как получение самого желанного, самого любимого... — Ходил вокруг меня Вольный, а я таяла от его мимолетных прикосновений к оголенным участкам кожи и теряла голову от ощущения полета без него самого.

— Остановись, Вольный, иначе кто-нибудь увидит эту сцену совращения и оторвет тебе голову, — решила я обратить все в шутку, но увидела, что на этот раз он так просто не отстанет.

Полет получился таким наэлектризованным, что я чувствовала разряды статического напряжения в воздухе, и меня потряхивало от нервного возбуждения и ожидания того, что должно было непременно случиться. Коснувшись лапами земли, дракон тут же обернулся и бросился ко мне, срывая на ходу кожаный жилет и покрывая мою шею жадными поцелуями. Я слышала, как журчит горная река, как перекликаются друг с другом птицы, трель за трелью, проникая ко мне в голову, как шумит листва над головой и как энергия льется из отвесных скал, рождая кружение частиц тепла в воздухе и даря этому суровому краю весеннюю оттепель, покой и умиротворение.

Вольный уронил меня на траву и поцелуями исследовал изгиб шеи, плечо, спускаясь к груди и стягивая ткань топа все ниже и ниже. Тело содрогалось от напора и горячих ласк языка дракона, я хотела большего и начала срывать с Вольного одежду, оголяя плечи, спину, грудь, срывая слой за слоем и стараясь кончиками пальцев уловить малейшее движение мышц на теле дракона, который, кажется, совершенно потерял голову. Я чувствовала, что вот сейчас, еще мгновение, еще один миг и я, наконец, узнаю, кто же из нас любит этого горячего самца по-настоящему, кто готов прямо здесь отдать ему всю себя целиком и слиться с ним в полете страсти, утолив жажду обладания, друг другом. Вольный что-то бормотал, как в бреду и стягивал с меня остатки одежды, а потом отстранился и посмотрел так, как никогда раньше. Жадным взглядом собственника, диким и неумолимым, говорящим мне о том, что он никому не позволит приблизиться к его Наезднице и будет биться на смерть за право обладания ей.

И погибнет, — вдруг поняла я, что сейчас наделала, а пение птиц резко прервалось и течение реки покрылось коркой льда, и снежинки закружили в воздухе, прикасаясь к моему обнаженному телу и мгновенно тая. Мир вокруг резко замолк, будто накрывшись легким пуховым одеялом, а снег все шел и шел, превратившись в одну долю секунды в настоящий колючий ураган. Я рыдала, а Вольный сидел рядом и смотрел на меня во все глаза, понимая, кто полюбил его по-настоящему, кто раскрыл ему навстречу свое сердце и подарил единение в полете.

Белая Драконица танцевала в снежном вихре, выпущенная на свободу его

прикосновениями к моему телу. Высокая и стройная, с обнаженной грудью и белыми волосами, развевающимися по ветру и обволакивающими ее словно паутина, она выполняла какие-то одной ей понятные движения, приближаясь к своему дракону-самцу, а потом остановилась прямо напротив Вольного и пристально посмотрела ему в глаза, протянула прозрачные руки и приоткрыла губы в немом призыве. Дракон не сдвинулся с места и тогда Белая Драконица завертелась смерчем, закручивая вокруг себя снежные потоки энергии, которые выглядели как белые тугие нити. Я хотела закричать и остановить ее, что-то сделать, как-то помешать, но руки и ноги сковал такой ледяной холод, что я просто лежала и давилась собственными горячими слезами, быстро превращавшимися в обледеневшие дорожки. А наездница Вольного вдруг откинула голову назад и раскинула руки, разрывая тугие снежно-белые нити и обрушивая на Скалистый край стужу и холод, заморозившие ее сердце раз и навсегда.

И наступила Зима.... Все вокруг покрылось тонким слоем снега, реки остановили свое бурное течение и уснули под споем льда, деревья обернулись слоем инея, как коконом, а листва и цветы превратились в тлен, осыпавшийся горсткой пыли и развеявшийся в стылом воздухе. Еще одно предсказание сбылось, обвивая меня тугим локоном, еще одна битва Белой Драконицы надо мной выиграна, еще один шаг на пути к каменным объятиям сделан и назад пути нет. Я смотрела, как Вольный превращается в скалу, как черты его лица приобретают неуловимые изменения и черствеют, как губы сжимаются, а ногти оставляют на ладонях кровавые полосы и не могла шевельнуться, сама превращаясь в кусок льда.

Вдруг сильные горячие руки оторвали меня от земли и прижали к широкой сильной груди, я почувствовала, наконец, что могу говорить и закричала, зовя Вольного по имени, но он застыл изваянием, вперив взгляд в одну точку, взгляд таких родных и таких любимых глаз.

— Ты ему уже не поможешь, — резанул по уху чей-то требовательный окрик, и меня потрянуло, перевернув мир вверх головой. Я вырывалась и билась в стальных объятиях, плохо понимая, что происходит, но Драко держал крепко и уходил все дальше.

Драко... — И волна тепла накрыла меня с новой силой. Я любила своего мужа, я была только его законной женой и его выбрала единожды и на всю жизнь, а Вольный застывал все больше, отдавшись любви Белой Драконицы и обретая в ее объятиях последний танец, ледящий кровь и уносящий его в долину под названием Смерть.

Часть первая. Зима

Начало

Глава первая.

Еще один шаг в пустоту.

Самая холодная зима — это зима в сердце...
особенно когда за окном уже весна...

За прошедшее время это был уже третий замок, в который меня селили, но сегодня все было по-другому. Во-первых, меня занесли в него верхом на плече и вниз головой в состоянии близком к обморожению и временному помешательству, бросив на диван, укрыв меховым пледом и отогревая пламенем в камине. Во-вторых, я абсолютно не чувствовала это место, как предыдущие два до него. Никаких шепотов, шорохов, нитей энергии — вообще ничего, полная абсолютная пустота. В-третьих, мне было абсолютно наплевать, какие тут картины, предметы мебели и интерьера, я лежала ко всему бесчувственная и безучастная. В голове кружились снежинки, заматая и выветривая все мысли. Я, то погружалась во тьму, то просыпалась от того, что перед глазами плясали языки пламени, пожирая и поглощая меня. Кошмары сменялись полным оцепенением и равнодушием, видения как в калейдоскопе бежали цветными пятнами, догоняя и обгоняя друг друга.

Вот огромный дракон летит в небе, рассекая крыльями облака, а на его спине какая-то странная двуликая наездница хохочет и протягивает к его сердцу белую святающуюся руку. Она сжимает еще трепещущее сердце в ледяных пальцах, и дракон замирает в воздухе, а потом заваливается на бок и летит в темноту. И вот уже сам Вольный, раскинув руки, летит в скалистое ущелье, а я стою на самом краю и вижу только глаза — два огромных янтарных зрачка, расширенных от ужаса осознания того, что свершиться через какую-то долю секунду. Я кричу.

Меня отрывают от мокрой подушки, поднимают на руки, что-то нашептывают в ухо, а я бьюсь в истерике, понимая, что это я убила Вольного! Убила дракона, который искренне меня любил, который верил в то, что я помогу осуществить его мечты о воссоединении целого народа, который открыл мне двери своего дома. На этой мысли я снова проваливаюсь в черноту и плыву в объятия новых кошмаров.

Вольный лежит в клумбе желтых цветов и смеется, его взгляд искрится любовью и источает желание, словно цветочный нектар, а я опускаюсь на колени и превращаю желтые лепестки в пепел. Лицо дракона покрывается мелкими трещинками, как будто это глиняная маска, а вовсе не лицо, и рассыпается, впиваясь в меня тонкими жалящими иглами. Я снова кричу захлебываясь рыданиями и горя в огне лихорадки. Какая-то совершенно сумасшедшая часть меня ликует от того, что эти кошмары мои, только мои и никакая Белая Драконица больше не властна над снами.

А другая часть, сидя на коленях и опустив голову на руки, пеняет ей на то, что она такая бесчувственная, ведь драконица обрела своего дракона, стала наездницей и летает теперь

над миром, рассыпая отнюдь не радостные снежные хлопья.

И снова сон. Вокруг абсолютная тишина и серость. Какая-то голая земля, больше похожая на иссушенную каменную пустыню. Я стою одна и оглядываюсь вокруг, а откуда-то из-за гор несется снежная лавина, она поглощает все вокруг, уничтожая и без того мертвый мир, погружая его в оковы льда, хороня под собой навсегда. Я пытаюсь кричать, но грудь сдавило, и больше нет слез, только страх сжимает легкие и сердце. Кто-то окликает меня, и я поднимаю взгляд к небу. Два огромных дракона парят прямо надо мной, призывая полететь с ними, хотят помочь и спасти от несущейся снежной лавины. Я протягиваю к ним руки, но тут они оборачиваются людьми и просто стоят и смотрят, ничего не говоря на мои просьбы. Это Дариэн и Дакки, такие родные, такие далекие теперь. Сознание маячит где-то на грани сна и яви, с одной стороны накрывая с головой смертоносной лавиной, а с другой дыша пламенем в затылок. Я просыпаюсь уже без криков и мгновенно вспоминаю взгляд двух драконов: отчаяние, преданные надежды, разочарование и столько боли в них, что хватило бы на целый мир. Я отняла у Дариэна сына, убила родного брата Дакки, навсегда загубила чью-то жизнь и это давило на меня как толща океана.

В затылок кто-то дышал, и я повернулась в постели, пытаюсь разглядеть в темноте, кто прижимает меня к себе. Некто тут же разжал объятия и подскочил с кровати. Спустя несколько мгновений в камине вспыхнул огонь, и я увидела лицо Драко — осунувшееся, потемневшее, с огромными синими мешками под глазами.

— Маша, — прошептал он, поймав мой осознанный взгляд, — наконец-то! — Подсел рядом, аккуратно сгреб меня в охапку и посадил к себе на колени. — Ты так меня напугала! Я думал, что больше никогда не увижу тебя живой и здоровой. Как ты, милая?

— Милая, — прохрипела я не своим голосом, а потом вспомнила, как Вольный называл меня так в свой последний день жизни. Ничего не вернуть, и объятия Драко для меня теперь были нежеланными и пугающими. — Отпусти.

Дракон тут же положил меня обратно на кровать и стал гладить по волосам.

— Я не все знаю и многого просто не понял, но ты должна мне рассказать, что произошло, Маша. — Скорее просил, чем требовал Драко, такая мольба слышалась в его голосе. — Пожалуйста, поговори со мной.

Но говорить с кем бы то ни было, в мои планы не входило, тем более с Драко, который просто отвернулся от Вольного и ушел, унося меня с собой и не дав помочь другу, хотя я понимала, что вряд ли могла что-то сделать. Игра в «молчанку» продолжалась, но теперь молчала я, игнорирую любую попытку Драко заговорить со мной.

Силы постепенно возвращались, но магия покинула мое тело и энергия не наполняла теперь его и не согревала изнутри. Моим излюбленным местом стали широкие подоконники, на которые я залазила вместе с одеялом и смотрела-смотрела вдаль. До боли в глазах, до рези от белоснежной картины за окном, до слез отчаяния и боли за то, что совершила. Голая каменная равнина из снов расстилалась далеко впереди, а снежные сугробы замели деревья почти наполовину. Что стало сейчас с семьями отверженных драконов? Как они пережили окончание весны и такой резкий переход от тепла к ледяной стуже? Что теперь с теми драконятами, которые называли меня Чудесницей и с восхищением смотрели, как я «творю магию»?

— Вот ты где, — раздался в голове знакомый голос, — я принес поесть, тебе нужны силы на восстановление. Маша, посмотри на меня

Но я продолжала смотреть на однотонный пейзаж за окном, и тогда Драко схватил меня

под мышки, сдернул с подоконника и поставил напротив себя.

— Я понимаю тебя, слышишь? — Тряс он меня за плечи. — Поговори со мной, я хочу помочь!

Но что я могла ему сказать? Что полюбила другого дракона всем сердцем, а оказалось, что это вовсе не я дарила ему свои чувства, и вместо горячих объятий любимой он получил ледяную могилу от той, которая обманула нас обоих. Что я предала чувства и надежды двух родных мне людей, и теперь страшусь даже представить, что они со мной сделают, и одновременно мечтаю об их расправе, чтобы стало легче, чтобы океан боли, наконец, раздавил меня, смыв все мысли?

Драко обнял мое безвольное тело, положив свою голову на макушку.

— Маша, милая моя, прости, что бросил тебя одну, прости, что злился! Я был эгоистичным и самовлюбленным идиотом, не замечавшим то, что творится у меня под носом. Я не знал, я не догадывался даже, что это она засела у тебя внутри. Я верил только тому, что шептали мне на ухо предатели и властолюбцы. Я совершенно потерял голову от любви к тебе и боялся признаться в этом даже себе самому. Ты ведь совсем еще ребенок, ты такая маленькая и хрупкая. Девочка моя, я вытащу тебя с того света, если придется, но только позволь это сделать! — Драко поднял мое лицо за подбородок, и я увидела его слезы, слезы взрослого дракона, повидавшего на своем веку не так уж и мало, но меня они не тронули. Я не могу быть счастлива и предаваться любви тогда, когда Вольный стоит среди голых деревьев каменным изваянием.

— Где он? — Спросила я и увидела в глазах любимого такую боль, что захотелось тут же прижаться всем телом и уверять во взаимной и безоговорочной любви.

— Уже дома, — произнес Драко как-то отстранено.

— Я должна его увидеть.

— Маша, не стоит этого делать. Просто пойми меня, попытайся услышать, в Обители сейчас беспокойно, там много отверженных драконов, которые пытаются выяснить причину прихода зимы, там отец Вольного, его брат. Я сомневаюсь, что кто-то из них проявит сочувствие твоему горю, зная, что ты моя жена и скоро покинешь Скалистый край ради того, чтобы скрыться в Городе и переждать там зиму. Зная, что вы были там вдвоем, — подавился фразой Драко.

Да наплевать мне на все это! — Кричала я где-то глубоко внутри.

— Я должна его увидеть. — Снова произнесла хриплым голосом и полезла на подоконник.

Драко стянул меня, отбросил одеяло и с рычанием потащил в душ.

— Сначала приведем тебя в порядок, а то ты сейчас ничем не лучше отверженной драконицы, кожа и кости.

Как ты можешь говорить такое! — кричал внутри возмущенный голос, но сама я молча разделась и ступила под тугие горячие струи. Тепло разливалось на коже, пар завивал мокрые локоны в кольца, и я поняла, что мои светлые когда-то волосы почернели, стали цвета воронова крыла.

Интересно, что еще изменилось? — Как-то равнодушно пронеслось в голове.

А внутри было также холодно, как и прежде, ледяная пустыня и полное безмолвие. Горячая вода не спасала от холода в сердце.

Надев на себя штаны, теплый свитер и меховой плащ, натянув на ноги высокие сапоги и спрятав руки в перчатках, я посмотрела, наконец, в зеркало.

Смерть и та краше.

Черные ввалившиеся глаза, потускневшие и какие-то пустые, заостренные скупы, бледные синюшные губы, впалые щеки.

Отвернулась и вышла из комнаты, глядя себе под ноги. Драко взял меня за локоть и вел по коридору, куда-то сворачивая, спускаясь по лестнице, открывая двери. Я смотрела только вниз и совершенно не интересовалась, куда меня ведут.

— Полетишь на мне верхом, путь не близкий. Обещай не делать глупостей, я все равно тебя поймаю.

— Обещаю, — ответила я равнодушно и, подождав, пока Драко обернется, влезла ему на спину.

Ничего. Пустота. Никаких эмоций и ощущений.

Прыгать я не собиралась, меня скоро все равно убьют, не Дариэн магией, так Дакки лабрисом или отверженные кольями и пиками. Мне было все равно, лишь бы увидеть в последний раз Вольного, попросить у него прощения, сказать последнее прощай и вскоре встретиться с ним вновь, но уже не в этом мире.

Крыши Обители приближались и становились все более различимыми, точки драконов двигались, и вот я уже различала их лица, жадно ища среди многих два знакомых и родных. Драко спикировал на такой знакомой площадке, и что-то внутри меня дрогнуло и пошло мелкой трещиной.

Драконы собирались вокруг Драко и меня, обступая нас плотным кольцом, а я спрыгнула с его спины и откинула капюшон, услышав чей-то судорожный вздох. Повернула голову и увидела, наконец, тех, кого так жаждала найти в толпе лиц. Трещина расширилась и отозвалась болью в груди. К н и г о ч е й. н е т Я чувствовала такое отчаянное желание броситься к ним на грудь и рыдать там, обнимая и прося простить, что даже воздух вокруг накалялся, превращаясь в облака пара.

Глазами я умоляла отвести к нему, и Дариэн первый шагнул навстречу, стряхнув с плеча руку Дакки, суровый и непримиримый, иссохший и потускневший, совершенно не напоминая себя прежнего, а скорее того старца, которому Белая Драконица подарила жизнь, кивком головы позвав за собой. Я тенью последовала за хозяином Обители, а Драко так и остался в ипостаси дракона, окруженный отверженными, глядя куда-то вдаль.

В оранжерее все изменилось до неузнаваемости: больше не было ни ярких клумб, ни зелени аккуратно подстриженных кустов, а только занесенные сухими листьями дорожки и пожухлые растения, увядшие и сложившие головки на стылую землю, а посередине, где раньше бил фонтан, стояло надгробие из голого неотесанного камня.

— Нет, прошептала я и упала на колени прямо там, где стояла, поймав пальцами сухие стебельки цветов. Я поднесла их к глазам и поняла, что это были те желтые яркие цветочки, в которых мы с Вольным устроили прелюдию. Трещина начала шириться, рождая в груди волны боли, вибрировала и дрожала.

Я даже не смогу проститься с ним, в последний раз взглянуть в его такие яркие, любящие саму жизнь, глаза, прижаться к нему грудью и попросить прощения, выплакать боль, просто дотронуться....

А трещина все ширилась и, наконец, что-то внутри лопнуло, осыпав меня осколками стекла и щепками деревьев, и я поняла, что это стены оранжереи осыпают меня самым настоящим дождем из битого стекла. Драконы что-то кричали и даже пытались звать меня наружу, а я раскинула руки и потоками энергии закручивала обломки стен и мелкое крошево

в огромный водоворот. Потом встала и направила весь этот хаос на каменное надгробие, обнажив всю ярость, все несогласие с тем, что мне даже не дали проститься с Вольным. Камень поглотил все без остатка, как будто я открыла портал в иной мир и забросила туда свое отчаяние и боль, а потом пошло трещинами и из земли хлынул поток воды, ширясь и протекая к самым моим ногам. Рыдания, наконец, прорвались наружу и затрясли мое тело. Я упала лицом в ручей и плакала так, как будто решила выплакать все слезы, а ручей омывал их с лица и шептал мне голосом Вольного нежные и успокаивающие слова. Я лила слезы, и они впитывались в землю, принося мне облегчение и снимая с груди слой за слоем океанскую тяжесть вины. Голос утих, и я навсегда простилась с Вольным драконом, полюбившим меня и нашедшим за это смерть, а вместо надгробия теперь стояла каменная чаша с водой на самом ее дне.

«Повернешься ли ты к югу — дарует он тебе слезу свою, и очистит она воды Истока, и умоет в них детей твоих...»

Глава вторая.

Письмена на снегу.

«Когда подлинная доблесть проявлена, предназначение воина выполнено полностью и слова замирают на устах»

— Ты ведь не бросишь меня там одну? — Доставала я Дакки одним и тем же вопросом на протяжении всего пути. Отверженный покосился на меня и перекинул лабрис из одной руки в другую.

— Жест угрожающий, но что он значит? — настаивала я на своем.

— Это значит, что ты и одна бы справилась, на такую болезнь без слег не взглянешь, любой дикий дракон тобой побрезгует.

Я искренне обиделась, зная, что действительно выгляжу ужасно, но это еще не повод так себя вести. Подумаешь, немного похожа на ведьму из сказки! Черные волосы никак не желали слушаться и выбивались из косы, завиваясь в тугие кольца. И чем я заслужила цыганскую шевелюру? Осунувшееся лицо и бледная прозрачная кожа резко гармонировали с черными локонами и отсвечивали на их фоне болезненной синевой, только глаза горели прежним ярким пламенем, скрашивая общую неприглядность.

— Вот для этого мы и совершаем пешую прогулку, — улыбнулась я, — оздоравливаемся.

Общение с Дакки давалось с трудом, но после того, как отверженные увидели собственными глазами, что смерть Вольного и на мне оставила свой след, немного смягчились. Слеза, дарованная по легенде, могла очистить Источник, и мы собирались этим воспользоваться.

Драко хотел забрать свою жену в город и спрятать там от глаз императора и всего драконьего мира, но я воспротивилась и попросила у Даризна помощи в осуществлении моего плана. Только я одна могла обменять у Серого слезу на безвозмездное пользование

отверженными драконами водами Источника. Но вот беда! Одной мне до Храма не добраться и парламентар, как оказалось, из меня никакой.

— Просить помощи у Отверженных сама будешь, — напутствовал меня Даризн, — сын тебя проводит.

И вот Дакки увязает ногами по колено в снегу, а я волочусь сзади, пытаюсь не отставать, и сочиняю речь, с которой выступлю перед драконами. Как их убедить в том, что я не враг, что я не пытаюсь заманить их в очередную ловушку? Как мне осуществить мечту Вольного о том, что все драконы рано или поздно встанут плечом к плечу и добьются того, что им положено по праву — своего источника энергии, своей магии, плодородных земель и прекращения вражды. Я должна ему хотя бы это и обязана справиться и убедить гордый и воинственный народ драконов в том, что на их стороне.

— Это пустая трата времени, милая, — убеждал меня Драко, собираясь вернуться во дворец императора и сказать, что поиски жены и его дочери не увенчались успехом. Мой муж вынужден был играть на две стороны и играть настолько правдоподобно, насколько ему дорога собственная жизнь. — Ты изображаешь из себя Мать Терезу, дорогая (Драко называл меня так только тогда, когда злился).

Но что бы он ни говорил, я должна хотя бы попытаться. Ради Вольного, ради всех отверженных драконов, на которых я обрушила зиму, ради себя сомой и своей совести, которая не простила мне смерть друга.

— Будь осторожна! Я знаю Серого лучше себя самого, это опасный дракон, скрывающийся за личиной простодушного старика, а еще и коварный, как оказалось.

— И беспринципный, и жестокий, и бездушный.. — Могла бы перечислять я очень долго. Но, в конце концов, просто махнула Драко рукой и ушла в замок, откуда Дакки должен был забрать меня на совет отверженных драконов. Я не поцеловала мужа и не обняла его на прощание, надеясь, что в скором времени мы встретимся и наверстаем упущенное. Я буду свободна от груза вины перед целым народом и перед самой собой. Это стало моей навязчивой идеей.

— И почему я согласился на это? — Прервал мои мысли Дакки, проклиная этот снег, эту зиму и всю эту ситуацию в целом. — Угораздило же связаться с тобой! Разве, не я предупреждал Вольного, что жди от тебя одних бед?!

Сердце сжалось от боли, и я схватилась рукой за грудь. Черная дыра внутри расширилась и поглотила враз всю энергию, которую я с таким трудом собирала по крохам и складывала в сосуд, бережно наполняя его. Дакки обернулся и бросил топор прямо в сугроб (небывалое дело!).

— Прости меня, девочка, — Воин крепко держал за плечи и стирал грубыми пальцами набегавшие слезы, — это я виноват, забыл, что ты дитя совсем, что непривычна тебе смерть близкого-то человека. Огрубел совсем, скоро и вовсе одичаю. — Продолжал Дакки на одном дыхании. — Я ведь как увидел тебя тогда, с Черным Драконом, чуть от страха не обратился. Как ты капюшон-то сняла, да как повернулась! Вроде наша девочка, наша звездочка яркая, а как изменилась, погасла враз и потускнела, будто кто с тебя всю позолоту стер. Я ведь предупреждал Вольного, чтобы не играл он в любовь с тобой, а он что — глупый дракон, молодой, горячий.

Дакки обнял меня и прижал к себе.

— Я ведь сам тоскую по нему, брат он мне был, единственный родной человек, да знаешь, о чем думаю постоянно. Не зря он погиб, девочка, не зря и ты к нам пришла. Что-то

это должно означать, потому помогу тебе во всем, слышишь? Раз брата не стало, значит, сестра у меня будет, а Дариэн что... ты ему вон жизнь подарила, он против не будет. Живи у нас в Обители, живи, сколько нужно..

Резкий смех, разнесшийся по каменной пустыне многочисленным эхом, прервал наше семейное воссоединение, и Дакки тут же схватил оружие и спрятал меня за свою огромную могучую спину. А смех перекатывался вокруг нас и зловещими отголосками впивался в кожу, как острыми иглами. — Я, смотрю, тебя оставили в живых? — Белая Драконица опустила на снег голыми ступнями и откинула за спину волосы, оголяя обнаженное тело. — Досадное недоразумение, — и дива пошевелила пальцами, собирая на самых кончиках многочисленные синие искорки.

— Не трогай девочку ты, Выродок! — Оскалился Дакки и взревел нечеловеческим голосом.

— Отошел бы лучше, юродивый, — рассмеялась Белая Драконица и посмотрела мне в глаза долгим пронизывающим взглядом, — здравствуй, Маша.

Я готова была броситься на нее и выцарапать глаза, как дикая кошка.

— Что ж молчишь? — Сделала еще один шаг на встречу, поигрывая в руке синими всполохами. — Или за мальчика обиделась?

— Обиделась? — Взревела я и действительно бросилась на Белую Драконицу, не пролетела насквозь и плюхнулась в сугроб коленями, чем вызвала резкий смех.

— Встань, Маша, ты же не хочешь последовать за ним на коленях?

А я смотрела на Дакки и молила его взглядом оставаться там, где он стоит. Еще одной жертвы я просто не переживу.

Медленно поднялась, отряхнула снег с колен и посмотрела на Белую Драконицу с улыбкой на губах.

— Какая же ты прозрачная? Даже взглянуть не на что, — с сожалением произнесла я и заметила, как пальцы драконицы сжимаются в кулак, — позабавилась с молодым неопытным драконом и решила теперь со мной поиграть? — Я откинула с головы капюшон и повернулась к востоку лицом, поднимая ладони кверху и подставляя их под теплые лучи. — Давай поиграем.

«Повернешься ли ты к востоку — встретит он тебя утренним светом...»

Я представила сосуд, наполненный до краев жидким золотом, а потом начала плести тонкое кружево, шевеля пальцами и улыбаясь в лицо бестелесному врагу, оплетая тонкими нитями себя а Дакки. Драконица опомнилась и разжала кулак, направив ледяные стрелы в мою сторону, но они растаяли, коснувшись тонкого золотистого плетения.

Раздалось шипение, и ударная волна снова уронила меня в снег.

Что же за невезение такое, весь плащ уже насквозь мокрый, — как-то отрешенно подумала я и снова поднялась на ноги.

— Не одна ты умеешь показывать фокусы, — бросила в лицо Белой Драконице и поиграла в ответ на ее злобный взгляд золотистыми искорками на пальцах, поднимая их до уровня своего лица.

— Ты всего лишь оболочка, дух той, что когда-то жила на этой земле. Чего ты хочешь? Мести? Так иди к своему отцу и отомсти ему за все, на что он тебя обрек. Серый только об этом и мечтает, чтобы ты стала его оружием против императора, думаешь, зачем он меня притащил сюда? — Заорала я, совершенно потеряв голову от горя и осознания того, что никогда не смогу ее уничтожить, даже просто причинить ей боль. — Уходи!

Белая Драконица закрутилась в снежном смерче и рассыпалась вокруг меня и Дакки ледяными каплями, образуя плотный круг, а я смотрела на эти капли и читала строки стиха, поворачиваясь по очереди ко всем сторонам света:

Поиграй с вольным ветром в игры,
Попроси у камня показать тебе дорогу.
Есть у каждого воина выбор,
У тебя не один он, их много...

Я присела на корточки и провела по ледяным строкам пальцами, вспоминая слова Дариэна о том, что Черный Дракон забирает себе души воинов и это считается высшим благом для них и особой честью.

Так значит ты там, Вольный, с Черным Драконом? Мы скоро встретимся, если не навсегда, то хотя бы для того, чтобы проститься, — прошептала я, — спасибо тебе за Выбор.

Глава третья. **Жребий брошен.**

...Мы шагаем, наш шаг механически краток,
Но в машинах сердца никогда так не бьются.
Решено. Все вернется во вражеских латах.
Ну, а если не в них — то вообще не вернется...

Говорят, что сарафанное радио — самая лучшая в мире система оповещения обо всем на свете. Нет лучшего информатора, чем этот иногда ненадежный, но проверенный временем источник. Кто-то увидел, кто-то услышал, а кто-то сходил и посмотрел собственными глазами и пошло-поехало...

Так получилось, что пока я тренировалась в применении магии для защиты от Белой Драконицы, меня и Дакки потеряли отверженные драконы и решили послать отряд и узнать, что нас задержало в пути. Рассказы потом отличались мелкими деталями, но в общем сходились почти к одному и тому же.

Итак, отряд из пяти отверженных вышли из ущелья, где была назначена встреча, и сразу увидели в небольшом отдалении странное свечение. Как будто звезда послала свой луч на землю, и он медленно падал, а потом закружился и скрылся за выступом. Драконы бросились посмотреть на чудо, и с высоты горы оглядели всю расстилающуюся внизу долину, и увидели такое, о чем потом многие годы рассказывали маленьким драконятам на ночь.

Босая и полностью обнаженная Белая Драконица — красивая и воинственная — величественно возвышалась над какой-то замарашкой в темном плаще с капюшоном, надвинутым на самые глаза. Неизвестная стояла на коленях в снегу и лила горячие слезы, умоляя пощадить жизнь ей и ее спутнику — храброму дракону-самцу, который прошел столько славных битв и из каждой выходил победителем. Белая Драконица лишь презренно смеялась над попытками бедняжки вымолить себе пощады, и синие искры плясали по ее волосам и телу, скапливаясь на самых кончиках пальцев и издавая сухие шелкающие звуки.

Отверженные Драконы замерли в ожидании неизбежного, но тут замарашка поднялась, откинула капюшон, и все увели, что это Чудесница — добрая волшебница и чародейка, покорительница Черного Дракона, воительница Добра и Света, которая вскинула руки к солнцу и призвала его силу, чтобы обрушить в равном поединке на голову Холодной Дивы. Летели искры, сплетаясь в смертельном танце, славный воин-дракон размахивал огромным топором с двумя лезвиями, сражаясь с неминуемой участью. И, о, чудо! Белая Драконица оказалась повержена и изгнана назад в свои каменные чертоги, но и Чудесница истратила весь запас своих волшебных сил. Лежала она на снегу, раскинув руки и смотря в небо незрячими глазами. Но воин-дракон упал рядом с ней на колени и воззвал он к праотцу нашему Черному Дракону и совершил тот обряд вековечный, окружив Чудесницу кольцом жизни. Встала тогда добрая волшебница, будто проснулась ото сна. А отверженные драконы уже спускались с каменистой тропы, чтобы пасть ниц перед своей спасительницей и славить ее могущество, и чествовать ее силу, и служить ей отныне и во веки веков.

— Дакки важно закончил сказку, записанную Дариэном в летописи, и отпил большой глоток горячего какао.

— Ну, ты и врун! — Рассмеялась я счастливо и заглянула Дариэну за плечо. — Вычеркни, пожалуйста, ту часть, где он размахивал топором и взывал к праотцам, чушь полнейшая. Притом, Дакки, если я дралась с Белой Драконицей, то ты, получается, сам с собой!

— Не могу, — важно изрек дракон и присыпал надпись каким-то порошком. — Эта история стала настоящей свершившейся легендой и уже известна в каждом доме отверженных и даже городских драконов, ее нельзя менять.

Я возмутилась.

— Но ведь это неправда! Ты только что внес в летописи недостоверную информацию.

Дариэн отодвинул меня плечом и рассмеялся.

— Ты щекочешь мне ухо, отойди! Главное не то, что было на самом деле, а то, что эта сказка стала настоящим чудом, она сплотила всех отверженных в единое целое, она послала нам надежду на то, что теперь мы станем жить не так как раньше.

Дакки хмыкнул.

— Да, сынок, я понимаю, что все пока держится на сказках и гопом энтузиазме, но скоро морозы немного спадут, Белая Драконица устанет лютовать, и мы отправимся к Серому со слезой. Только представь, отряд отверженных драконов во главе с Чудесницей — доброй волшебницей и чародейкой, покорительницей Черного Дракона, воительницей Добра и Света.

— Пфф, — изрекла я, а потом переглянулась с Дариэном и Дакки, и мы втроем захлебнулись смехом, вытирая набегающие слезы, которые примирили нас друг с другом и сгладили все те молчаливые паузы, которые теперь витали за завтраками, обедами и ужинами.

Да, все эти дни нам было горько и тоскливо без Вольного, особенно мне не хватало его присутствия в библиотеке и всей Обители, но мы сделали то, что было раньше невозможно — объединили в едином порыве разрозненных отверженных драконов. Они приходили к замку и приносили мне подаяния. Это было дико, дико мило, но Дариэн заставлял меня играть свою роль до самого конца.

— Ты хотела помочь исполнить мечту сыну? — Спрашивал он. — Тогда забудь о том, кем ты была раньше и достойно неси это бремя доверия и принимай эти почести так, как

должно.

Теперь я училась не только управлять энергией и контролировать магию, но и вести себя, как того полагает статус. В этом вопросе Дариэн был непримирим и Дакки потешался надо мной как никогда.

— Почему нужно выкидывать мои штаны? — Кричала я, выдирая из лапищ воина свои любимые вещи.

— Потому что не положено.

— Да где это написано, в чем я должна ходить?! — Спрашивала я у Дариэна, но он только отмахивался и продолжал истязать меня вечными «не так, не то...». В итоге, я даже обзавелась собственной прислугой отверженной. Драконица ходила вокруг меня на цыпочках и боялась лишней раз чихнуть, вызвав мое неудовольствие, а я носилась по обители разряженной фурией и умоляла Дариэна уступить хоть в этом и освободить меня от излишней опеки.

— Эта драконица абсолютная сирота, ее родители погибли почти год назад, и девочка скитается от одного дома к другому. Никто не хочет сейчас брать ее к себе, скоро драконица покроется чешуей и ее придется знакомить с драконом-самцом, а лишняя претендентка в наездницы не нужна никому. Ее брали в семью только ради лишних рабочих рук.

Вот что на это скажешь! Не выгонять же девочку на улицу в зиму и холод?

— Хорошо, Дара, принеси мне горячий чай и найди в библиотеке «Наездницу Великолепного Золотого Дракона», мне сказали, что эта книга произвела в свое время настоящий фурор. — С самого утра придумывала я драконице очередное занятие.

Никакой книги не существовало, но терпеть рядом с собой драконицу, которая постоянно кланялась и заглядывала в рот, было просто невыносимо. Как научить ее просто разговаривать со мной и быть мне другом? Неужели все знаменитые личности не могут просто дружить с кем-то без показных улыбок, и, может, искренней, но такой навязчивой симпатией? Тем роднее и дороже мне становился Дакки, который ненавидел стены библиотеки, зато считал своими покоями оружейную, и, чтобы я просто так не мозолила ему глаза, учил обращаться с разными видами оружия. А я все чаще и чаще пряталась там с книгой под мышкой и сидела где-нибудь в уголке, наблюдая, как Дакки тренируется. Устав от чтения, брала пику или арбалет, и училась метать, бросать, стрелять или просто отрабатывала удар, колошматая по бревну. Увлекательное занятие, которое на некоторое время отвлекало от грустных и тревожных мыслей.

Было еще кое-что, отнимающее частичку тепла и света, с таким трудом собранного внутри моего сосуда. Драко. Черный дракон, состоящий на службе у императора и вынужденный делать все для того, чтобы отверженные вели себя тише воды ниже травы. Мой муж, мой любимый человек, тоже настоящий воин, непримиримый и упрямый, который был по другую сторону баррикад.

Отверженные драконы знали о моем замужестве и думали, что я выбрала правду. А муж — власть и свободный доступ к энергии! Они любили меня за это еще больше и даже жалели, предлагая на выбор самых достойных драконов-самцов для полета. Но мое сердце уже сделало свой выбор и теперь томилось и грустило о тепле рук любимого дракона. Как я могла так жестоко игнорировать его заботу обо мне? Почему не обняла на прощание и не заверила в своей вечной и безоговорочной любви, ведь он так и не узнал правду о нас с Вольным. Что он должен был думать? Сколько я уже замужем, а до сих пор не познала настоящей супружеской ласки. Война войной, но одинокая постель и гнетущее одиночество

не лучшие спутники и советчики, поэтому я начала атаку на Дариэна.

— Позволь хотя бы написать ему! — Умоляла я его после того, как услышала категоричный отказ в просьбе о встрече с мужем.

Дариэн смотрел на меня, как на взбесившуюся крольчиху.

— Ты нашла время думать о любви! Хочешь сорвать все наши планы и развязать войну с императором, когда у нас нет ни единой капли энергии? Да мы обречены с самого начала. Воины Золотого Дракона обучены ведению боя и имеют в наличии всевозможное оружие, в том числе и огнестрельное.

— А у нас есть магия!

— У нас есть только один маг — это ты. Юная драконица, толком не познавшая свою силу.

— Ну, знаешь! — Обиделась я. — Овладеть энергопотоками стихии еще никому не удавалось за последние тысячелетия, ими управляют, но не пользуются так, как могу я.

Дариэн хватался за голову.

— Можешь, я не спорю, но с какими последствиями? Ты устроили пришествие зимы, разбомбила оранжерею, я уже молчу про сход снежной лавины! И кто гарантирует, что твой дар мага проснется именно в тот момент, когда нас атакуют? Нет, Маша, и еще раз нет! Я взял на себя ответственность за твою жизнь, я обещал твоему мужу, что уберегу тебя от необдуманных поступков и решений. А таковым твои желания и являются! — Категорично отмел он мои просьбы и удалился по делам.

Не на ту напали! — Метала я громы и молнии, пуская по стенам солнечных зайчиков движениями пальцев. — Если я решила встретиться с мужем, то сделаю это.

И начала составлять коварный план побега.

Глава четвертая.

Весна пришла! Весне дорогу!

В конце концов, среди концов найдешь конец ты, наконец...

С самого утра я мерила шагами комнату, методично, и время от времени огибая кровать с разных ее концов. До окна — поворот — мимо кровати — до стены — поворот. Дара смотрела на меня во все глаза и не боялась нарушить эту дикую безостановочную прогулку. Голова закружилась, я схватилась за спинку кровати, восстановила дыхание и снова заметалась по комнате, выбирая другую траекторию и высказываясь вслух.

— Не пустит! Нашли тигра в клетке... Какие тигры, Маша, сплошные драконы! Бессердечные эгоистичные ящеры!

Дара попробовала вмешаться и остановить меня, схватив за подол платья. Я дернулась изо всей силы, материя треснула по швам, а я продолжала кружить с оторванным наполовину подолом.

— Что же это такое? — Воскликнула служанка-драконица и попыталась протиснуться к двери.

— Не смей! — Закричала я и резко остановилась, но запнулась о книги, которые

аккуратной стопкой лежали у тумбочки, и повалилась на них.

— Вы в порядке, Маша? — Участливо поинтересовалась Дара и помогла мне подняться на ноги.

— Да! Нет! — Выдала я что-то невразумительное и снова уселась на пол, — мне нужно срочно встретиться с мужем, но Дариэн считает, что это самый безрассудный поступок, который я только могла придумать и никуда меня не пускает. Мало того, он даже написать ему не хочет!

Дара аккуратно присела рядом, подогнула под себя ноги и расправила складки платья.

— Вы решили помириться с мужем, а хранитель Обители вам препятствует в этом? — переспросила она, а я только кивнула головой и заплакала как обиженный ребенок. Видели бы меня сейчас многочисленные почитатели! То еще зрелище! Лохматая, в рваном платье сижу на полу и размазываю по щекам слезы с горестными всхлипываниями.

— Я очень рада, что вы решились на такой смелый поступок! Черный Дракон отверг вас, бросил одну и служит императору но вы готовы попробовать с ним помириться и все ради того, чтобы он помог нам в войне против Золотого Дракона. — Дара вдруг испуганно вытаращила глаза. — А вдруг он вас избьет и запрет в темницу? Нет- нет, я не помогу.

Стоп, открутим назад.

— Дара, милая, — схватила я драконицу за руку — как ты можешь мне помочь? — Театральная пауза и заламывание рук. — Никто мне не поможет! Никто! — Дорожка слез и жалостливо дрожащий подбородок.

Стыдно так переигрывать, но в войне все средства хороши!

Драконица метнула взгляд на книжную полку, потом на меня, потом на собственные руки.

— Обещаете, что никому не проговоритесь о том, что я вам сейчас расскажу.

Я схватила Дару за руку и прижала к сердцу — Клянусь!

Все- таки переиграла с лихорадочным взглядом и клятвой.

— Прости меня, Дара, я сама не своя с тех пор, как Драко улетел во дворец императора. Он все обо мне знает и может в любой момент воспользоваться этим и напасть на Обитель Знаний.

— Он никогда этого не сделает! Вы его кровная жена, его наездница! Отверженные давно бы выследили Черного Дракона и убили (я хмыкнула, но тут же постаралась придать лицу серьезное выражение), если бы не вы, наша добрая и прекрасная Чудесница! Он много раз пытался найти себе спутницу жизни, и только Вы даровали ему эту возможность. — Дара решительно поднялась и сняла с полки какую-то книгу. — Теперь я понимаю, Маша! Вы должны помириться с Дракориэлем и заручиться его поддержкой. Дариэн ничего не понимает в силе любви!

А ты понимаешь? — Хотелось мне спросить драконицу. Но я не стала гасить ее порывов. Наверное, она действительно понимала больше меня, раз знала, как помочь.

— Помните вы посылали меня за известным романом, но я так и не нашла его?

Я покраснела, но кивнула головой.

— Зато я нашла гораздо более интересную книгу и прочитала ее от корки до корки, чтобы лучше вас понимать?

— Меня? — Удивилась я и с любопытством посмотрела на темно-синюю обложку с золотистыми символами и надписью по краям книги.

Дара открыла какую-то страницу и показала рисунок камня, папочки, завитка, капли и

кучки песка или земли. — Кхм... И как мне это поможет?

— Вы победили Белую Драконицу с помощью магии стихий и оказались той редкой драконицей, которая может разговаривать с камнем, землей, водой, огнем и воздухом и просить у них помощи и защиты.

— Я все равно не понимаю, Дара.

— Вы должны прочесть эту главу и сразу все поймете, — Дара взяла со столика щетку, — но сначала приведем вас в порядок и нарядим. Черный Дракон должен понять, кого упускает! — И драконица начала колдовать над моей цыганской гривой, а потом достала платье из тонкой шерсти с золотистым узором.

— Как только Дракориэль примет вас, как свою жену, этот узор засверкает настоящими огненными всполохами! — Провела по ним Дара тонкими пальчиками и мечтательно вздохнула.

Надо будет подружиться с ней по-настоящему и рассказать всю правду обо мне и Драко, ведь она искренне предана и хочет помочь, несмотря на запрет хранителя Обитали.

«Магия стихии воздуха. Ознакомительный фрагмент, который поможет магу освоить межпространственные перемещения».

В голове что-то щелкнуло, и я вспомнила, как выбросила себя из дворцового сада в Скалистый край.

Так, значит, это была магия воздуха, моя собственная магия! — Ликовала я.

«Чтобы собрать достаточный поток воздуха, вам необходимо встать на открытую площадку и представить, что вы наматываете его на ладонь, словно прядь волос. Материализуйте воздух в нечто, понятное только вам. Пусть это будет пряжа, нить или леска, если вы маг-дракон. Теперь поднимите ладонь вверх и соберите энергию, не теряя при этом связь со стихией».

— Что за бред! Я ничего подобного не делала тогда! Или делала?

Может, связь с Белой Драконицей помогла мне, ведь ее сознание было и моим. Но сейчас мне необходимы знания, чтобы правильно и осознанно совершить выброс, иначе окажусь в тронном зале или покоях самого императора, и никакая театральщина не спасет!

«Аккуратно выровняйте энергию и стихию, приведите их в равновесие и закручивайте поток вокруг материализованного воздуха».

Нет, у меня сейчас крышу снесет!

«Остался всего один шаг до совершения выброса. Вы должны четко представить себе то место, куда собираетесь приземлиться, и направить магию стихии и энергопоток в мысленный путь».

Все, мозг взорвался, я пошла за помощью к протеину и белку. Завтрак мне сейчас точно не помешает.

Но завтрак не помог. Дожевывая румяную булочку, я стояла посреди оранжереи и пыталась сосредоточиться на всех этих потоках и стихиях, плотно закрыв глаза.

— Ты сегодня чудись? Это входит в твои планы с самого утра или получается экспромтом? — Дакки посмеивался надо мной, опираясь широким плечом о косяк двери в оружейную комнату.

Красив, — подумала я и удивилась, как могла не замечать этого раньше. — Шрам как-то побледнел и уже не сильно бросался в глаза (или я просто привыкла). А вот добрая

улыбка и ямочки на щеках совершенно очаровывали и так и просились на поцелуй.

Дакки как-то ошарашено посмотрел на меня.

— Спятила, да? Ты чего так блаженно на меня пялишься.

— Ты такой крашиивый, — протянула я с полным ртом.

Дакки подпрыгнул, как ужаленный, и дернул на себя дверь.

— Только попробуй практиковать на мне эти штучки! Я запрю вход в оружейную, прячясь тогда в саду и мерзни в одиночестве. — Дверь захлопнулась, замок щелкнул пару раз.

— Ну, вот чего ты добилась? — А в голове промелькнули воспоминания о том, что я скоро начну набрасываться на мужиков! — Анфиса. — Прошептала я и горько вздохнула.

Как там моя лучшая подруга, как Дэн? Что думают после того, как Серый отправил их обратно домой? Что рассказали родителям?

Столько вопросов, на которые мне хотелось получить ответы, и все они вели в Храм к Серому. Хватит уже мямлить, надо собраться и действовать по намеченному плану!

Я отряхнула с пальцев крошки, подняла ладони кверху и стала материализовывать свежий зимний воздух в белую прядь волос, потом уравнивала ее с золотистыми искорками и представила Драко. Вот он у себя в покоях облачается в штаны и рубашку золотого цвета, надевает камзол с расшитыми рукавами и эмблемой рода синих драконов. Магический шар слипся в единое целое и поплыл по направлению к образу Драко, а я потянулась к нему не только мыслями, но и всем существом.

Поток воздуха поднял меня и понес в объятия любимого и вот я уже стою в темной комнате без единого лучика света и пытаюсь рассмотреть, куда попала. Смятые простыни на постели, плотные шторы на окнах не пропускают в комнату утреннее солнце, а из-за перегородки доносится плеск воды.

Для начала стоит убедиться, что я все сделала правильно и не стану нечаянным свидетелем омовения какого-нибудь незнакомого дракона или, хуже того, драконицы! Но куда спрятаться? Звуки льющейся воды прекратились, и я от страха юркнула мышкой за занавеску и стояла тихо-тихо, боясь пошевелиться.

Ситуация глупее не придумаешь!

Некто в комнате прошел к кровати и начал вытираться, а потом приблизился к окну и резко отдернул штору.

— Привет, дорогая! — Драко смотрел на меня так, как будто собирался отшлепать непослушного ребенка. — И давно ты балуешься магией стихий?

— Хмм... Как ты узнал?

Драко тихо рассмеялся.

— Я тебя чувствую. Каждой частичкой своего тела, — уже более интимный шепотом добавил он и навис надо мной. — Чего хотела?

Тебя! — чуть не брякнула я в ответ, но вспомнила, что вообще не знаю, где нахожусь и сколько у нас в распоряжении времени.

— Ты у себя дома, родная, в нашем с тобой доме. — Произнес Драко и опустил руку на мой затылок. — О большем и не прошу.

А потом наклонился к моим губам и прикоснулся к ним своими.

Жар побежал по венам, грозя поджечь и меня саму, а я впиалась ногтями в голые плечи мужа и прижалась к его груди так, как будто только он мог потушить это пламя, эту разгорающуюся стихию.

— Ты непредсказуема, милая. Я так давно хотел тебе сказать, как ты меня восхищаешь своими поступками, своей добротой и непреклонностью, своим умением прощать. — Драко отстранился и тихо рассмеялся, услышав мой возглас протеста.

— Ты простила меня, Маша?

Я кивнула и ладонями провела по бокам Драко, ощущая трепет его тела, остановилась у края полотенца, а потом стянула его, оттолкнув подальше ногой. Мой дракон! Такой сильный, такой красивый, такой мой!

Уже не сдерживая любопытства и нетерпения, я исследовала руками и языком тело любимого, от такой знакомой татуировки, до подтянутого живота и все ниже и ниже. Языки пламени плясали перед глазами, а любимый шептал слова любви, и дарил такое наслаждение, о котором я не могла и мечтать.

— Кажется, ты теперь мой личный источник энергии, — блаженно улыбалась я куда-то в подмышку Драко, успокаивая его бешеное сердцебиение нежными поглаживаниями.

Дракон приподнял голову с пола, где мы уютно устроились, и посмотрел мне в лицо долгим пристальным взглядом.

— Ты знаешь, что я тебя люблю? — А потом поднялся на ноги и потянул меня за собой. — Не хочешь продолжить в душе?

Я чувствовала такой прилив силы, такое умиротворение и покой, что они просто переполняли меня и лились куда-то наружу теплыми струями энергии. Драко изумленно выдохнул и отпустил меня, шагнув в сторону.

— Маша? — Но я почему-то не отреагировала, а продолжала стоять с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах, выпуская в мир нити тепла и покоя. Они переплетались в золотистые узоры и растворялись в воздухе, превращаясь в облачка пара.

Драко подошел к окну и выглянул наружу.

— МАША! — заорал он совершенно не своим голосом, и тогда я очнулась и приникла к любимому, но вдруг подавилась какими-то словами, готовыми сорваться с языка.

— Что это? — Отодвинула Драко в сторону и впиалась глазами в пейзаж за окном. — Снег тает!

На моих глазах происходило что-то невероятное! Сугробы уменьшались на глазах, образуя ручьи и лужи, ветки деревьев и кустов будто встряхивали ветками и поднимали их к солнцу, птицы заголосили, расправляя перышки, а в воздухе носились маленькие сумасшедшие золотые искорки.

— Ты только что выпустила огромный мощный заряд энергии и до сих пор жива? — Спрашивал Драко. — Я не понимаю, Маша, но ты только что сделала невозможное. Кто ты, милая?

Драко дотронулся до моих волос, лица, очертил линию губ.

— Я влюбился в волшебницу? — Рассмеялся он.

— Ты влюбился в драконицу с очень сильным даром и даже успел стать ее настоящим мужем, — ответила я Драко, а потом подняла руки к самому его лицу. Огненные символы, которые должны были украсить теперь всю мою одежду, украсили вместо этого все мое тело. Всполохи пламени подсвечивали кожу мягким теплым сиянием и скользили от лодыжек вверх к самому сердцу, распускаясь лепестками по плечам и рукам.

— Я люблю тебя, моя жена, моя наездница. Та, что подарила мне, наконец, настоящую семью. Теперь я знаю, за что стоит бороться в этом мире. За тебя, Маша, — и поцеловал так, что я снова потеряла голову и подарила всему этому миру настоящую теплоту и

неожиданный приход весны.

Часть вторая. Ритуальная

Глава первая. Обмен валюты.

— Обменяю с камушком колечко

На траву-полынь да лебеду.

— Обменяю тёплое местечко

На скамейку в стареньком саду.

— Обменяю дом и всё, что в доме

На поляну с ягодой лесной.

— Обменяю жизни год на троне -

На вечерних августов покой...

Дариэн метал грома и молнии, обвиняя меня во всех грехах мира.

— Ты хоть представляешь, что ты наделала? Обрела на теле пару сотен татуировок, которые просто кричат о том, что ты теперь настоящая и официально законная жена своего мужа!

— А разве это плохо? — попыталась вставить я свое слово.

— Это ужасно!

Сказал, как отрезал.

— Ты обеспечила своему мужу приговор и выстлала его дорогу на виселицу цветами, причем в самом буквальном смысле!

— Дариэн, послушай меня...

— Нет, Маша, это ты меня послушай! — Перебил Дариэн. — Император не глуп, и теперь у него развязаны руки, и есть прямое доказательство тому, что твоя нестабильная магия грозит многими бедами. Мало того, что ты подставила своего мужа, ты обрекла всех нас на войну. Если император никак не отреагирует на твой демарш, то в его всесильность перестанут верить, и власть пошатнется. Он этого не допустит.

Я совсем поникла.

— Прости, Дариэн, это все взбесившиеся гормоны, — попыталась оправдаться я и поняла, насколько глупо звучит это самое оправдание.

Хранитель открыл какой-то ящичек и вынул оттуда черный камень размером с ладонь.

— Это портал. Камень из стены Храма, который перенесет тебя туда и Драко. Возвращайся за мужем и уводи его из замка. У вас есть несколько часов, чтобы привести сюда Серого, а он никогда не покидает Храм и не отходит далеко от Источника и Врат. Скажу тебе больше, Маша, — Дариэн сделал паузу и зловеще так ухмыльнулся, — он спит и видит, как ты шагнешь за пределы этого мира и больше никогда сюда не вернешься.

Я смотрела на татуировки, переливающиеся золотом на коже, и чувствовала такой стыд, что словами просто не передать.

— Дариэн, я сильный маг и могу убедить императора в своих возможностях.

— Он тебя уничтожит, Маша, не думай, что император так прост. Он готов к тому, чем ты обладаешь.

— Тогда чем, скажи, нам поможет присутствие Серого?

Дариэн сгорбился и снова напомнил мне того седого старца, которого я впервые увидела в Обители.

— Если меня проклял учитель, то императора — Серый. Он может остановить войну, но для этого ты должна предложить ему нечто такое, от чего он никогда не сможет отказаться.

— Слезу, — прошептала я.

— Да. И теперь тебе придется обменять ее на то, чтобы нас не вырезали и не сожгли. — Закончил Хранитель и отвернулся от меня к окну, показывая тем самым, что разговор окончен.

Я поплелась к выходу, стараясь не плакать и снова не натворить бед и не вызвать катаклизм.

— Вот и выбирай после этого любовь, — обреченно вздохнула я и шагнула в оранжерею, чтобы сотворить заклинание выброса.

— Почему ты не остановил меня! — Накинулась я на мужа в порыве гнева, пока он собирал все необходимое для телепортации в Храм.

Драко оделся в черную кожу и сейчас отбирал оружие для нашей общей миссии.

— Я хотел этого. — Между делом бросил он.

— Чего этого? — Не поняла я.

— Всего, оделась тепло?

— Да. Конкретизируй, пожалуйста.

— Тебя, войны, перемен, встречи с Серым, поговорить, изменить этот чертов порядок, смерти императора...

— Ясно, — бросила я, — предупредить мог? Мне Дариэн такую лекцию прочел! Я подвела столько драконов, ты, хоть понимаешь это?

— Помни, что с Серым шутки плохи, и твоя магия там не подействует, так что без глупостей! — Проигнорировал меня Драко.

Я опешила.

— Ты вообще меня слышишь? — Заорала я на мужа. — Я обрекла Скалистый край на выживание, вместо того, чтобы подарить им обещанный рай!

Драко очень внимательно посмотрел на меня и обвел контур лица.

— Ты очень храбрая малышка, но не понимаешь одного. Пока жив император, то отверженные драконы никогда, слышишь меня? Никогда не будут жить хорошо. Поэтому собери все свое мужество и доделай начатое.

— Ты это о чем? — Уже хватая камень и становясь рядом с мужем, поинтересовалась я.

«...и очистит она воды Истока, и умоет в них детей твоих. Сольются тогда воедино два начала всего — черное и белое, и взлетят в танце смерти к небесам мира сего, а упадут камнем единым и навечно прекратят вражду и усмирят в сердце ярость, вобрав всю боль в сердца свои...»

Прочитировал Драко и нас тут же выкинуло.

Я стояла у Источника, заваленного столбами, каменной крошкой и мусором, и пыталась

понято то, что сейчас сказал Драко.

— Послушай, у меня теперь есть Выбор! — Хотела я продолжить прерванный разговор, но муж меня уже не слышал. — Драко, куда ты?

— Гости дорогие! — Раскинул Серый объятия и театрально поклонился. — Стол накрыт, все ждут только вас. Добро пожаловать. — И развернулся к Храму, подняв плащом облако пыли.

Драко повернулся ко мне, взял за руку и повел следом.

— Держись рядом и молчи.

— Ну, знаешь.

— Молчи, если жизнь дорога, — остановил мои возражения дракон, — мне дорога настолько, что я смертельно за тебя боюсь, но у нас нет другого выбора. Надо дойти до конца. Пообещай молчать, милая, а я взамен обещаю поцеловать все татуировки на твоём прекрасном теле, когда все закончится.

Драко нагнулся и быстро провел по моим губам пальцами.

— Я очень хотел бы запечатать твой ротик магией, но здесь она не действует.

— А ты тоже умеешь? — спохватилась я, но поймала на себе суровый взгляд. — Обещаю молчать!

Нас действительно ждали за длинным столом, накрытым кипельно-белой скатертью, вот только вместо основного блюда на столе лежали родители Драко, связанные магическими нитями. На троне восседал Последний и смотрел на брата так, как будто тот был самым желанным гостем на торжестве. Серый скромно присел по левую его руку и пригласил меня сесть рядом.

— Нет-нет, дорогой, остановил он Драко жестом. Ты присаживайся рядом с братом, столько не виделись! Такая долгожданная встреча.

А я смотрела на весь этот спектакль и понимала, что эти два монаха-отшельника настоящие маньяки и слезу я им ни за что не отдам.

— Я, пожалуй, начну, — откашлялся Серый, а то твоим родителям не очень удобно ожидать своей участи, лежа в таком неудобном положении. Хотя я их слегка... вырубил.

Лицо Драко напряглось и пошло пятнами.

— Вышей, Дракориэль, — продолжил маньяк-постановщик, и перед Драко материализовался кубок, — не люблю, когда разговор проходит в такой мрачной обстановке. Давайте сразу опустим часть о том, как я тебе верил, как провел рядом все свое детство и так далее и тому подобное. Это лишь усугубит мучения твоей родни, — пошевелил Серый пальцами в сторону «основного блюда».

— Я просто спросить хотел, — будничным тоном произнес Драко, — ты представляешь последствия всего, что сейчас творишь?

Серый кровожадно улыбнулся.

— Что ты, что ты! Я еще не начинал!

— Забыл все заветы, которые обязан хранить и почитать, забыл, в каком месте находишься? Ты спятил, Серый!

— Заветы... хранить... — Повторил за Драко монах и как-то печально поник. — Думаешь, это решение мне так легко далось? Нет, Драко, считай, что я его выстрадал! Мне ли не знать, что магия этого места давно иссякла, и нет больше никаких заветов, нет

Источника, нет веры!

Серый вскочил из-за стола и начал ходить вокруг стола.

— Драконы уничтожили наш род, осквернили святое место, забыли о том, что священо.

— Ваш род был обязан сохранять ко всем равное отношение и следить за тем, чтобы каждый проходящий к Источнику и получал энергию! — Взорвался Драко. — А что делали вы?!

— А мы, мой дорогой крестник, ее берегли и пытались скрыть от всех, что магия Черного Дракона умирает, а вместе с ней умирает этот мир! Каждый дракон хотел больше и больше, ненасытно поглощал энергию Источника, стремился заполучить магию и сотворить себе дом побогаче и стол пожирнее. А в итоге наполняли свой мир ненавистью и злобой!

— Я не оправдываю их, Серый... Но они ведь не знали!

Мне показалось или эти двое ведут давно начатый спор? Почему Драко умолчал о том, что Серый его крестный? Что, черт возьми, все это значит, и почему я не могу сказать ни слова?!

— Ты пытаешься их спасти! Одно это уже говорит в пользу моего решения о том, что и ты достоин той же участи.

— А ты похож на маньяка, который решил всех уничтожить и начать все заново! Так не бывает! Все равно будут сильные и слабые, богатые и бедные. Никаких источников энергии не хватит на то, чтобы уравнивать всех драконов. Это сказки, легенды!

— И они сбываются, Драко, — произнес Серый и замер у меня за спиной, — и вот тому живое доказательство. Почему она молчит все время, ты ей рот заклеил?

— Запечатал обещанием молчания. — Бросил Драко в мою сторону.

Вот же скользкий чешуйчатый гад!

— Мудрое решение, надо будет запомнить!

— Значит решил?

— Однозначно!

Драко посмотрел в сторону брата.

— А он знает о своей роли?

— Его душа попадет к праотцам!

— Его душа сгниет, не успев отлететь от тела! — Гневно прошипел Драко. — Ты знаешь, что он пытался меня убить, что до этого он избавился от двух яиц, от еще не рожденных братьев и сестер? Такому дракону ты доверишь пожертвовать свою кровь на алтарь?

— У меня нет выбора, Драко, разве что ты дашь мне свою добровольно? Нет? Тогда закончим уже этот балаган. Последний, неси родителей к Спящему Дракону, пора начинать!

Меня тоже подхватили под белые ручки, и повели во двор к Вратам, туда, где моя нога впервые коснулась земель этого мира.

— А тебе, дитя, предстоит лицезреть весь спектакль от начала и до конца. Я объясню твою роль! — Серый захохотал. — Но сначала послушай-ка ты сказку.

«Жили-были в одном мире драконы, и было их так много, что энергия, питающая их магию, начала иссякать. Тогда задумал самый главный из драконов построить Врата, вложил силу великую он в их создание! Как только Врата были построены, стали они питать мир драконов энергией, пополняя ее запасы в земле, воде, воздухе и камне. Но не знал главный дракон, что цена за эту энергию очень велика. Несла она с собой из всех иных миров боль и

ненависть, злость и предательство. Поздно понял дракон, что натворил и попытался он запечатать Врата, но те не поддались, а усыпили создателя навсегда и погрузили его душу в камень. С тех пор стал он незримым Хранителем Врат, которые сам создал и которые несли в его мир медленную смерть и полное уничтожение. Тогда стал он призывать души погибших и обращать их в воинов, дарующих светлую и чистую энергию, и появилась в камне легенда о том, что восстанет дракон из спячки, когда придет в этот мир отвергнутая Душа, и пройдет Врата, и запечатает их кровью отвергнутой души. Погибнут от этого многие драконы, сложат головы матери и дети, но подарит Источник новую жизнь, и с нее начнется отсчет иного времени».

Я смотрела на Драко и не понимала, почему он бездействует? Серый точно свихнулся и хочет провести какой-то ритуал, который разбудит спящего Стража, а потом все начнут воевать друг с другом и почти все умрут. Я все это увижу. Потому что моей кровью запечатывают Врата, а потом что?

В голове билась умная мысль, будто молот о наковальню, но паника противными щупальцами сковала ее и не давала мне думать.

Почему Драко спокойно наблюдает за происходящим? Почему я не шевелюсь? Да что же со мной такой?

«Верь мне» — пронеслось в голове, и я ошарашено глянула в затылок мужа.

«Что все это значит, Драко» — крикнула я ему мысленно.

«Серый совершит обряд пробуждения. Мы не можем ему помешать! Он убьет родителей»

«Он убьет нас всех, Драко! Он же псих!»

Я явственно услышала смех Драко. Мой муж тоже спятил!

«Он не псих, милая, он фанатик! А мы ему очень даже нужны»

Но в это время Серый взмахнул рукой, и кровь Последнего хлынула из порванных вен на Спящего Дракона, а я погрузилась в объятия благословенной тьмы.

Глава вторая.

Воскрешение из мертвых.

Абсолюту поклоняться невозможно и мы должны поклоняться какому-нибудь Его проявлению, лучше всего такому, которое соответствует нашей природе.

Я очнулась и поняла, что привязана магическими нитями к одной из монументальных плит. Родители Драко безвольно обмякли возле двух других, а сам дракон просто стоял возле четвертой, явно делая это по собственному желанию. Серый продолжал нести какой-то бред по объединяющий круг и элементы стихии. Вокруг Спящего Дракона действительно образовался ярко-алый круг, и я поняла, что это кровь Последнего. Снова замутило, но сознание на этот раз не отключалось, а жаль. Мне бы не хотелось видеть и чувствовать то, что сейчас произойдет со всеми нами. Серый взмахнул руками, и из груди потянулась золотистая ниточка энергии, стекая по ногам и падая в желоб у основания плиты. От каждого из нас тянулся подобный ручеек, но только разных цветов. У Драко это был черный

насыщенный поток, а вот у его родителей желоб наполнялся по капле и Серый явно нервничал из-за этого.

Неужели он вытянет из нас всю энергию? — Подумала я, но тут же ощутила, что могу вздохнуть полной грудью, только голова кружилась еще сильнее и на руках проступили узоры золотистых татуировок.

— И спящий дракон проснется, чтобы запечатать кровью отверженной души Врата на веки вечные. — Закончил Серый и удовлетворенно посмотрел на меня.

Я дернулась и попыталась вырваться из магических пуг, но они держали очень крепко, а от Спящего Дракона начал подниматься черный дым. Он уплотнялся над телом и приобретал очертания, а потом вдруг вокруг него начали вырисовываться фигуры драконов и дракониц в человеческой ипостаси. Я открыла рот и в восторге смотрела на файер-шоу, забыв, что должна быть жертвой, а не восхищенным зрителем. Огромный Черный Дракон замер в середине круга, а потом начал бить шипастым хвостом по бокам, глазами-щелочками оглядывая стройный ряд окруживших его призраков. Когда морда дракона разевала пасть на очертания одного из стоящих в кругу, то он приобретал четкую форму, и становились видны черты лица. Взрослые воины со шрамами, драконицы, чье лицо покрывали слои чешуи, наездницы в ободах всевозможных цветов, Вольный.

Я дернулась изо всех сил, пытаюсь позвать друга, но его лицо было бесстрастным, взгляд сосредоточен на зрачке Черного Дракона, фигура недвижима. Он не услышит меня, он даже не помнит, кто я такая! — Отчаянно пронеслось в голове и слезы заструились по щекам.

И вдруг пасть дракона распахнулась в беззвучном рыке, языки пламени вырвались наружу, окружив одну из фигур и стягивая ее плотным кольцом.

Белая Драконица!

Серый смотрел на происходящее не менее ошарашенным взглядом. Значит, что-то пошло не так, как он планировал? А вот Драко довольно ухмылялся и явно был рад тому, что видит.

Тень Черного Дракона взмыла еще выше, таща за собой в огненной петле сопротивляющуюся жертву. Схлестнулась черная и белая магия, полетели синие искры и огненные сполохи. Серый упал на колени и так и стоял, разинув рот. Мгновение, и яркая вспышка пламени окрасила все вокруг разноцветными огнями, а потом упала кровавой полосой на землю к ногам Драко. Он нагнулся и поднял с земли какой-то камень, сжав его в ладони. Тени погибших воинов стали бледнеть, один за другим они спускались в мир за гранью, растворяясь в камне монументов, и тут я увидела лицо Вольного, увидела так отчетливо, что сердце пропустило удар, а потом понеслось галопом. Его янтарные глаза смотрели прямо на меня, а губы улыбались.

«Прощай, любимая»

— Прощай, Вольный. — Произнесла я и увидела, как мой друг растворился дымкой в стене.

Мозг заработал, мысли теснились в голове, и я поняла, что могу говорить и действовать.

Серый надеялся, что Черный Дракон обрушит свой гнев на меня! Он не знал о смерти Вольного, о высвобождении Белой Драконицы. Видимо, после моей смерти должно было произойти что-то такое, на что он очень рассчитывал. Война среди драконов? Массовое уничтожение?

Драко же все знал и был уверен в том, что и случится нечто иное, а со мной все будет в порядке. В итоге он получил какой-то камень. Так что же должна сделать я? Просто стоять и

смотреть, как любимый сражается с величайшим магом в одиночку? Как сверкают искры теперь настоящей битвы! А Серый совершенно озверел и кидал в Драко один поток за другим, которые муж еле успевал отразить.

Думай, Маша!

Так, Врата запечатаны кровью отверженной души, значит, страж больше не нужен? Но вот он, огромный дракон в центре площади, правда, больше не дышит, и бока не опадают, и из ноздрей не идет пар.

Правильно, душа Черного Дракона теперь свободна, он уничтожил то, что держало его в этом мире и забрал с собой всех, кто помогал ему поддерживать равновесие чистой энергии и иномирной, оскверненной злобой и чем-то там еще нехорошим. Значит, можно поместить в пустую оболочку новую душу и создать для нее иное предназначение. Ну, конечно!

Я закрыла глаза и представила душу Серого, потянулась к ней всем своим существом, сосредотачиваясь на темном сгустке энергии, настолько мощной, что было практически невозможно приблизиться к ней вплотную. Нужно создать щит, который поглотит всю энергию, оставив источник магии пустым. Я соткала золотой щит из нитей своей энергии и мощным броском придавила темный сгусток. А теперь перемещение. Открыв глаза, я подняла руки и стала вытягивать из Серого душу с помощью магии выброса, а потом создала мыслепоток к телу спящего дракона и переместила туда существо Серого, оставив пустую оболочку, которая рухнула у ног Драко.

Муж впервые за весь этот нескончаемый день подошел ко мне и обнял.

— Я знал, что ты справишься. Сама внесешь коррективы в тексты?

— Сама! — Кивнула я и повернулась к плитам, обращенным на четыре стороны света.

Золотые искры заплясали по поверхности первой плиты, вписывая имя нового хранителя Врат и его предназначение.

«И будет он охранять те Врата от всякого, кто пожелает их вновь открыть... И покарает того, кто приблизиться к ним с мыслью такой... И только одна душа будет служить камню и в камне том жить... отныне и во веки веков...»

Я выплеснула остатки магии, запечатав текст кровью из вен Серого.

«Сидеть тебе там за все, что ты хотел совершить. За все твои черные мысли, за все те беды, которые ты причинил окружающим и собирался причинить всем драконам, за смерть Последнего...»

— За мой приход в этот мир, — шепотом добавила я и поскорее развернулась к зданию Храма. О родителях Драко позаботиться сам, а мне срочно нужно на воздух.

Я сидела у разрушенного Источника и думала о том, когда успела совершить Выбор.

Драко подошел и неслышно сел рядом.

— Когда мысленно пообещала себе не отдавать слезу Серому, Маша.

Я ошарашено уставилась на мужа.

— Ты когда это научился мысли читать?

— Всегда умел, но твоя магия сейчас очень слаба, а вся энергия растрочена. Читаю, как открытую книгу, — пошутил он. — С ними все будет хорошо (ответ на мои мысли о родителях Драко). Я выбросил их в Замок, там о них позаботятся.

Я снова задумалась, но решила все же спросить

— Серый ничего не знал о том, что я больше не ношу в себе душу Белой Драконицы.

— Не знал, но изменить уже ничего не мог. Его имя было вписано в легенду. Как и твое, его кровь завершила обряд, который должен был завершиться. Черный Дракон должен был забрать другую часть души, и тогда вся твоя высвобожденная магия уничтожила бы все живое на много миль вокруг. Примерно так же, как ты вызвала приход весны, ты, сама того не желая, убила бы почти всех драконов.

— Вот ужас!

— Я знал, что этого не произойдет, но не знал, что слова легенды сбудутся в самом буквальном смысле.

— Ты это о чем? — поинтересовалась я.

«Сольются тогда воедино два начала всего — черное и белое, и взлетят в танце смерти к небесам мира сего, а упадут камнем единым и навечно прекратят вражду и усмирят в сердце ярость, вобрав всю боль в сердца свои» — процитировал Драко и раскрыл ладонь.

— Что это?

— Камень с очень тонкими гранями.

— И?

— И я совершенно не понимаю, для чего он упал к моим ногам. Просто камень. Просто грани.

— Ты что-нибудь ощущаешь, когда вот так сжимаешь его?

— Ничего, — помотал головой Драко, — но не просто же это кусок скалы! Мы слишком напряжены, я так вообще мечтаю о горячей ванне и личной массажистке. — Решил немного скрасить вечер муж.

— Драко, — очень тихо обратилась я к нему, — я никогда их больше не увижу?

Дракон пожал плечами, понимая, что я говорю о родителях, брате, друзьях, всех тех, кто был мне когда-то дорог.

— Ты очень сильный маг, Маша, сильнее любого в этом мире. Ты сама создала новый текст на монументах. Могла бы оставить себе лазейку и написать что-то вроде: «И только Маша Снегирева сможет открыть Врата вновь»..

— И погрузить этот мир в хаос, — закончила я за мужа, а сама поразились тому, что он шутит на такие болезненные для меня темы.

Драко обнял меня, положив голову на колени и распутывая тугую черную косу.

— Никогда не знаешь, что произойдет завтра, а ведь жизнь драконов гораздо дольше человеческой. Серый не был плохим человеком, когда-то мы вместе расшифровали текст легенды, и я шагнул в твой мир для того, чтобы найти отверженную душу и привести ее сюда.

— Что?! Так? Значит? Это ты?

— К сожалению.

Я вскочила на ноги и отошла от дракона подальше.

Нет. Только не это. Не его новое предательство именно тогда, когда все почти наладилось.

— Ты не говорил мне, — сдавленным голосом сказала я, — ты все делал для того, чтобы я ощущала себя здесь лишней, а на самом деле специально сделал так, чтобы я оказалась в твоём мире.

Драко тоже встал и попытался взять меня за руки.

— Не приближайся, Драко! — Предупредила я и ощутила, как черпаю энергию из самого неведомого мне до этого источника. Из того самого камня, который дракон сжимал в

руке.

А потом выхватила его из рук Драко и выбросила себя в Обитель.

Глава третья.

Скрещенные мечи.

Меч — сила, мужественность, плодовитость и смерть; атрибут бога войны Ареса. Фаллический образ меча связывает его с силой оплодотворения, и ведет "чисто" мужскую линию рода. Да, оружие приносит смерть, но оно же способствует и обновлению поколений...

Прошло около недели с тех пор, как я вернулась в Обитель в таком состоянии, что ко мне боялся приближаться даже Дариэн. Потом он рассказывал, что мои татуировки светились черными символами на коже, а камень в руке горел белым пламенем. Я почти ничего не ела и не желала ни с кем разговаривать, но с самого раннего утра приходила в оружейную и бросала Дакки мечи. Он понимал все без слов и начал упражняться со мной в фехтовании. Тонкие женственные кисти рук не могли долго удерживать тяжелую рукоятку меча, и тогда воин сделал для меня деревянный клинок.

— Сначала отработай технику и давай постепенную нагрузку рукам.

Я еще точно не представляла, зачем мне так срочно понадобился навык фехтования, но когда мы с Дакки отрабатывали приемы, я представляла лицо Драко, вспоминала его слова, и такая боль и обида поднималась откуда-то из глубины, что даже дракон удивлялся моей выносливостью.

О том, что произошло в Храме, Дариэн узнал от Драко, который прилетел в ипостаси дракона, но улетел сразу после разговора с хранителем. К лучшему! Я не только видеть его не хотела, я не могла даже представить, что скажу ему при встрече и, главное, что сделаю. Мысль о том, что не Серый притащил меня, а вернее, что он сделал это с согласия Драко, что именно мой муж подверг меня такому испытанию, даже не зная, смогу ли я выжить в итоге, будила во мне настоящую ярость, чистую неприкрытую ненависть и это меня пугало. Я хотела смести все на своем пути, я хотела уничтожения всего рода синих драконов и такие мысли заставляли кровь в венах чернеть. Тогда я бросала все начатые дела и бежала к Дакки, чтобы снова довести себя до полного физического и умственного истощения.

— Послушай меня, девочка, я знаю обо всем, что случилось в Храме от отца, ты очень сильная и смелая, я горжусь тобой. Но что, ради дракона, ты с собой делаешь? И зачем это?

Я молчала. Молчала еще и потому, что боялась за жизнь Дакки. Один уже раскрыл мне душу, стал моим близким другом, почти стал моим любимым, а в итоге я довольствовалась мимолетным взглядом и секундным «Прощай». Я не понимала, что происходит со мной, но знала точно, кого мне не хватает сейчас больше всего на свете. Он один дарил мне блаженные минуты покоя и умиротворения, он один в этом мире заботился обо мне потому, что просто любил.

Вольный! — Как хотелось прижаться лицом к его всегда горячей груди, поймать на губах мальчишескую ухмылку, увидеть его янтарные глаза, полные надежды и желания.

Драко уничтожил его, поставил на шахматную доску в качестве разменной пешки и просто смахнул с доски.

Как он мог так поступить? Ведь его магический дар, который он скрывал от меня, позволял читать мысли, позволял видеть то, что другим было недоступно! Он знал, что я все больше увлекаюсь драконом, но позволил зайти игре так далеко, как ему это было нужно, и появился в удачный момент, чтобы не дать погибнуть королеве, ведь тогда бы я не смогла довести партию до конца. Все это время я была всего лишь марионеткой в ловких руках кукловода и не видела очевидного. Драко пришел к Серому, как к другу, который сбился с пути и которого стоило проучить, но и тут он все сделал моими руками.

Я стала понимать, почему камень открылся мне. Черный Дракон не хотел отдавать источник чистой энергии никому другому, но и в моем выборе он тоже ошибся. Я боялась, что могу использовать артефакт в уничтожающих целях, я боялась того, что могу разрушить хрупкий мир, возникший сейчас среди всех драконов. Драко не требовал возвращения камня, хотя должен был понимать, что это не просто «кусочек скалы», а я не спешила открывать его свойства даже Дариэну. То, что происходило в моей душе, можно было назвать борьбой света и тьмы. Мое доверие к этому миру и ко всем драконам пошатнулось настолько, насколько это вообще было возможно.

Я должна поговорить с Вольным, я должна увидеть его! — Бродили в моей голове совершенно сумасшедшие мысли.

В библиотеки было темно и прохладно. Я присела между полками и обхватила колени руками, уткнувшись носом в кожаные штаны. Платья я сожгла одним взглядом сразу, как только вернулась, и Дара в полном молчании заменила их прежними вещами.

Что мне делать? Я хочу использовать чистую энергию для совершения черной магии? А вдруг это изменит суть источника, и тогда я уничтожу крупицу света, которая могла бы спасти этот мир. И все ради чего? Ради корыстной цели увидеть того, кого следовало отпустить, но я не могла. Я чувствовала, что мне нужен Вольный, хотя мои ощущения часто приводили к катастрофам.

Сжав камень в ладони, я начала материализовывать силуэт воина, вспоминая нашу первую встречу, его растрепанные волосы, его настороженный взгляд, охотничье ружье, которое смотрелось так не к месту.

— Может, объяснишь, зачем ты вызвала меня с ружьем? — раздался голос Вольного над ухом и дракон рассмеялся.

Я распахнула глаза и вжалась спиной в полки с книгами.

— Боишься? — Спросил он с сожалением в голосе.

— Уже нет, — и я действительно не боялась, — это были отголоски прошлого мира, для людей это... кхм... ненормально.

— Это ненормально и для этого мира, Маша, считай, что это подарок, подарок от самого прародителя драконов. — Ты про камень?

— Камень, — хмыкнул Вольный, — это часть мира за гранью, это чья-то душа.

Рука дрогнула, и очертания драконы начали расплываться.

— Не уходи, прошу тебя, ты мне нужен, — шептала я как в горячечном бреду.

Глаза друга сверкнули желтым пламенем, и Вольный сейчас казался совершенно чуждым этому миру, неуместным и оттого еще более желанным.

— Для чего я тебе нужен? — Спросил он.

Я попыталась сформулировать свою мысль. А, правда, для чего?

— Драко с самого начала знал, что я не вернусь домой, знал, что Врата будут закрыты.

Он играл со мной так....

— Как ты сейчас играешь со мной, — закончил Вольный фразу и посмотрел на мои золотые татуировки. Я попыталась прикрыть их руками.

— Отпусти меня! — Дракон попытался отодвинуться, но камень, видимо, крепко держал его рядом со мной.

— Не могу.

— Можешь! — Глаза Вольного горели яростным пламенем. — Отпусти меня.

— Надолго? — Пискнула я.

Вольный снова посмотрел на вытатуированные на коже золотистые символы.

— Поссорилась с любимым и решила излить мне душу? Я горд оказанным мне доверием, но ты не у того решила спрашивать совета. Если тебе еще не понятно, то ты была моей единственной любовью, и наш обряд так и не завершился, я ничем не могу тебе помочь.

Я мысленно застонала, злясь на его ревность и одновременно чувствуя всю нелепость ситуации. Как можно испытывать такие осязаемые чувства к духу, призраку... Но чувство злости на его непонимании всей ситуации в целом не только злило, но и обижало.

— Значит отпустить? — Уже кипятилась я. — И ты туда же! Бросить меня решил.

— Это ты меня бросила! — Закричал Вольный и, я увидела, как по его щекам струятся слезы. — Думаешь, я мечтал о таком завершении наших отношений? Своего пути?

В грудь вонзился клинок, медленно проворачиваясь внутри и впиваясь в сердце иглами боли.

Это ты во всем виновата. На что ты надеялась, Маша? Как вообще можно было додуматься до такого?

Но ведь осколок души упал на землю, и она смогла им воспользоваться. Для чего?

— Прости меня, — зашептала я, вспоминая, что, по сути, Вольный еще совсем молод... был... — Да что же это? Почему я не могу с тобой проститься? Почему так сложно сказать последнее прощай? Почему ты не поможешь мне?

Дракон приблизился, и я почувствовала его тепло, его руки на моем лице, его пальцы, которые медленным движением стирали с лица дорожки слез.

— Просто отпусти артефакт, и я уйду.

Я замотала головой и спрятала камень за спину.

Вольный откинул голову назад и расхохотался.

— Ты как маленькая, Маша. Знаешь, именно это покорило меня в тебе тогда, в доме без крыши. Ты с таким восхищением разглядывала звезды, а потом доверчиво уснула у меня на плече, свернувшись клубочком. Ты подарила мне настоящее тепло, которое переросло в пожар. Он меня выжигал изо дня в день. Я смотрел на тебя и плавился от желания прикоснуться к твоим губам, а потом и этого стало не хватать. Я хотел тебя всю целиком, хотел настолько сильно, что готов был презреть все правила и законы. — Вольный замолчал и посмотрел на меня очень нежно, так, как когда-то в стенах этой библиотеки, так, что мое тело налилось счастьем и благодарностью.

— Ты ни в чем не виновата, Маша, я совершил глупость, что позволил себе надеяться на твою любовь.

Но я люблю тебя! — Хотелось мне крикнуть в ответ. — А правда ли это? И что толку в моих словах для Вольного? Он за гранью миров, недостижим для меня. Нужна ли ему любовь друга? Нет! Он точно хотел большего. Значит, просто разжать ладонь и потерять тем самым навсегда?

— Я больше никогда тебя не увижу?

— А ты этого хочешь?

— Хочу. — Совершенно уверенно ответила я.

— Тогда найди меня и позови. — Вольный нагнулся к моим губам, и я встретила его с желанным стоном, погрузив в волосы свободную ладонь и сжимая другую так, что острые грани врезались в кожу, оставляя на ней капли крови. Я чувствовала жар его тела, ощущала биение сердца, даже ткань рубашки прощупывалась так, как и должна была в нормальном мире. А потом Вольный скользнул руками по груди, и я выгнулась ему навстречу, приветствуя его ласки и отдаваясь им с жадной утопающего.

— Маша, — простонал он, прерывая поцелуй. Ты сводишь меня с ума даже теперь. — Шептал он, смотря на меня расплавленным золотом своих глаз. Если мы завершим то, что начали, ты отпустишь меня?

Сотни вопросов взорвались в моем мозгу.

Неужели такое возможно? Как мы сможем сделать это? Отпустить? Навсегда?

— Ты хочешь уйти? — Спросила я его и увидела затаенную боль. — Ты думаешь, что нужен мне на одну ночь?

Тогда я отстранилась и выпустила камень из руки, ощущая в груди еще большую дыру, чем прежде.

Он прав, это всего лишь желание, неутоленная страсть, обида, заполнившая всю мою сущность. Я ничем не лучше мужа! Играю драконами, переставляя их на поле по своему усмотрению. Вот что подарил мне этот мир: силу, власть, магию, готовую сокрушить все человеческое во мне.

Глава четвертая.

Эйфория.

Эйфория (греч. *euphoria* — состояние удовольствия) — внезапное переживание сильного душевного подъема, веселого настроения, чувства оптимизма, абсолютного благополучия. Несмотря на то, что эти эмоции в целом положительны, психологи рассматривают эйфорию как болезненное состояние, которое возникает чаще всего в результате поражений головного. Еще одна распространенная причина эйфории — злоупотребление спиртным и запрещенными препаратами.

Вы когда-нибудь ощущали состояние полной безнадежности и безвыходности, когда просто не хочется абсолютно ничего, даже думать, но при этом так больно, что мозг пытается найти выход чужеродной эмоции и реанимировать организм. Примерно такое состояние у меня было, когда я разжала пальцы и выпустила чей-то осколок души, потеряв

связь с Вольным. Тьма, в которой ощущаешь себя как единицу в пустоте, как неоконченное, но все еще существующее нечто. Тяжело объяснить, какие противоречивые чувства гнездились тогда в моей голове, но, видимо, энергопоток не выдержал перегрузки мозга и начал действовать самостоятельно, без какого-либо ведома с моей стороны. Глаза подернулись пеленой, и в ту же минуту по телу пронесся разряд, подбросивший меня в воздух. Я вскочила на ноги и начала развивать бурную деятельность очень странного характера. Во-первых, я скакала по коридорам замка, что-то напевая, причем скакала от постоянных разрядов, посылаемых энергопотоком в мой мозг. Это походило на икоту организма, которая сотрясала все тело. Ощущения так себе, выглядело это со стороны того хуже. Во-вторых, в голове резко запорхали сотни бабочек, приветствуя меня своими розовыми крылышками и даря нектар блаженства и успокоения. В-третьих, я резко забыла обо всех проблемах и неурядицах, как будто их никогда и не было, погрузившись в яркие краски окружающего меня великолепия.

В итоге, я впорхнула в гостиную как раз тогда, когда после сытного ужина Дариэн с сыном обсуждали за рюмками настойки какие-то важные проблемы, и захихикала, увидев их заумные физиономии. Оба дракона резко обернулись и посмотрели на меня так, как будто я только что станцевала менуэт голышом.

— Маша? Все хорошо? Ты нашла в библиотеке то, что искала? — Поинтересовался Дариэн, а я закатила глаза и захохотала в голос.

— О, да! Я нашла там большого желтоглазого дракона! — Повела я всем заговорщическим шепотом и присела рядом. — И знаете, что он мне сказал? Его нужно найти! Давайте вместе поищем? — И я вскочила от нового разряда и захлопала в ладоши.

Дакки схватил меня за локоть и довольно бесцеремонно обнюхал.

— Эй, ты чего! — Обиделась я. — Я его не ела!

— Все! Наша Маша слетела с катушек. Я говорил тебе, Дариэн, что она не просто тренируется, а старается что-то забыть или кого-то не убить, с таким остервенением колошматил своим мечом, что мой ломался раза три точно. А ты игнорировал. — Кажется, Дакки переживал, а я хмурила брови и пыталась понять, чем им не нравится игра в прятки.

— Маша, — позвал Дариэн, — что ты делала в библиотеке?

Ну, какие же они зануды! Говорила же им.

— Я там сидела на полу и разговаривала с драконом, а потом он исчез, но сказал его найти и позвать. А в какой последовательности нужно играть: сначала звать или сначала искать, а звать потом?

Дариэн ошарашено вытаращил на меня глаза.

— Возможно, неудачный опыт с магией или каким-то заклятием. Дакки, поднимись в библиотеку, поищи, что читала Маша и срочно назад.

— Ооо! — Зашлась я в полном восторге. — раз, два, три, четыре, пять! Ты пошел его искать! — А сама на цыпочках уже шла следом.

— Подожди, Маша, ты еще не ужинала, на полный желудок и игра веселее, пойдем за стол?

Я согласилась моментально, видимо, сейчас для меня голод стал первостепенно важной проблемой. Учитывая, что нормально ела я в последний раз очень давно.

Дариэн посадил меня за стол, а сам подошел к окну, распахнул створки и выпустил в воздух зеленую искру, которая тут же погасла.

— Это шудо? — спросила я его с полным ртом.

— Это послание, моя дорогая. Скоро здесь будет твой муж — Драко.

Имя явно ни о чем мне не говорило, и я продолжала сосредоточенно жевать.

— Он поможет нам искать большого желтоглазого дракона? — Вдруг поняла я и согласно закивала.

— Тогда пусть приходит.

Драко не стал терять долго времени и выбросил себя прямо в стоповую, явно представляя, где он должен оказаться.

— Даризэн? — Холодно поинтересовался он, на что хранитель кивнул в мою сторону.

— Маша? — Совершенно другим голосом поинтересовался Драко. — Ты хочешь поговорить? Почему не позвала сама?

— Я не умею пускать такие красивые искры. — Абсолютно честно ответила я. — Ты поиграешь с нами?

Драко изменился в лице, переводя взгляд с Даризэна на меня и обратно.

— Понимаешь, надо срочно найти дракона! Он такой большой и желтоглазый, он явно не мог далеко убежать, и прятаться ему особо негде, так что мы его быстро найдем. Дакки уже пошел в библиотеку.

— Кто-то потерялся? — Спросил Драко, обращаясь к хранителю. — Кто-то очень важный?

— О, да! — Перебила я мужа. — Мне очень важно его найти, потому что он украл мое сердце.

Драко подошел и очень пристально посмотрел мне в глаза.

— Чем ты ее опоил?

— Ничем. — Лаконично ответил Даризэн. — Я предупреждал тебя, Драко, что девочка сама не своя. Они ничего не ест, практически ни с кем не разговаривает, сожгла дотла всю одежду, загоняла себя физическими упражнениями и фехтованием. Я подумал о заклинании, которое она могла неверно использовать.

Я тем временем блаженно жевала салат. Что за вкус? Божественный, с легкой горчинкой, так и хочется есть его и есть. И я тут же наполнила тарелку целой горой листьев салата, применив магию призыва, и призвав салат прямо с грядки.

— Она слишком искусна в магии, хотя сама не понимает, насколько высок ее уровень. Ей все дается интуитивно. — Значит, не все. — Заспорил Даризэн, но тут Дакки влетел в библиотеку с камнем в руке.

— Только это, — показал он мой артефакт присутствующим, и Драко сразу напрягся.

— Снова этот камень! Я рассказывал тебе, как он упал прямо к моим ногам после битвы Черного Дракона и Белой Драконицы. Маша забрала его перед выбросом. Я думал, она хочет более детально рассмотреть и изучить его, но так зла на меня, что не хочет сказать, как именно собиралась открыть его.

— Открыла. — Даризэн присел рядом со мной и попытался отнять грязные листья салата. Я сопротивлялась и недовольно косила на него взглядом.

— Маша, что это за камень? — Протянул мне Драко знакомый предмет. Разряд тока с такой силой ударил в мозг, перекрывая тем самым все воспоминания, что я содрогнулась.

— Стоп! — Вскочил Даризэн. — Я понял! Она блокирует сама себя, вводит в состояние полной эйфории. Посмотрите на эти подпрыгивания, я заметил, как только она вошла в комнату. Это энергопоток в ее мозгу, которые мгновенно стирают всю информацию, которая, по всей видимости, причиняет ей нестерпимую боль.

Драко уронил голову на руки.

— Я говорил Серому, что вся эта затея провальная, я просил его оставить все, как есть, но он уже неся вперед, не разбирая дороги.

— Ты мог сказать ей правду. — Возразил Дакки. — Эта девочка так натерпелась от всех драконов и от всего нашего мира, что уже сама себя доводит до наркотического состояния. И как надо было накачаться, чтобы стать таким неадекватом?

— Под завязку, Дакки, — ответил Дариэн, — еще немного и информация действительно начнет стираться из ее памяти. Возможно, через пару часов, она забудет все, что связано с нашим миром и очнется в полной уверенности, что она дома, у себя дома, если вы понимаете, о чем я.

— Я верну ее в реальность. Моей сипы хватит на то, чтобы прервать блокирующий энергопоток, насколько бы мощным он ни был, а вы зовите ее по имени, как только она отключится.

Драко закрыл глаза и погрузился в мир души, сразу увидев источник беды и его объект. Маша сидела на какой-то поляне, смотря вдаль и не замечая его приближения, а вокруг плотным кольцом летали бабочки с розовыми крылышками.

— Интересная у тебя защита, милая, — произнес Драко, боясь испугать девушку.

— Зачем ты пришел? — Спросила я его. — Мне хорошо здесь, я никуда не пойду, тем более с тобой.

Драко поморщился.

— Не пренебрегай мной, пожалуйста. Если ты думаешь, что я каменный, то глубоко ошибаешься.

— Нет, Драко, я так не думаю. Ты просто абсолютно аморальный и погрязший в политических интригах дракон. — Все, что я делал, было ради блага и процветания моего мира.

— Да, Драко, только ты забыл сказать, что мне выделена в этом мире роль пешки на шахматном поле.

— Абстрактно, но совершенно верно. Все мы пешки на шахматной доске, а как иначе?

Я оторвала взгляд от трепещущих крыльев бабочек и посмотрела на мужа.

— А иначе Драко — это, когда ты любишь и доверяешь человеку настолько, что готов ради него пожертвовать всем!

— И что это будет за любовь? — Вскипел муж. — Запремся в замке и обложимся розовыми подушечками, предаваясь ласкам и плотским утехам в то время, пока император забирает себе остатки власти и прижимает к ногтю всех более или менее здравомыслящих драконов? Я борюсь за то, чтобы в будущем у нас была нормальная жизнь! Без кровопролитий, без войн, без борьбы за энергию и власть, а ты строишь из себя дитя неразумное!

— Как ты собираешься бороться с самим собой, Драко? Ты настолько погряз в политике, в своем мире светских интриг, что не видишь даже, как больно меня ранят твои поступки. Что, черт возьми, ты творишь? Мало того, что притащил в свой мир, так еще и позволил раз и навсегда тут застрять, убив моего единственного друга! — Заорала я не своим голосом.

— Значит, друга? — Совершенно другим тоном произнес Драко.

— Он был самым добрым, самым честным и открытым драконом, какого я встретила во всем этом чешуйчатом мире.

— Очнись! — Заорал в ответ муж. — Он тебя просто хотел, потому что в его черепной коробке зашкаливали гормоны.

Я упала на траву.

— И за это ты его убил? — Ледяным голосом спросила я.

— Не перекладывай с больной головы на здоровую, Маша. Никто его не убивал, хотя я бы мог, если бы его вовремя не заморозило.

Я вскипела и начала покрываться черными символами тату.

— Как цинично, дорогой, тебе не кажется?

— Мне кажется, что из-за этого несчастного случая у тебя крышу сорвало. Что такого он наговорил тебе, что кажется таким идеальным? И что такого делаю я, что ты меня так ненавидишь?

Драко приблизился и зашептал.

— Я люблю тебя, Маша, я никогда и ни в ком не испытывал такой потребности. Ты настоящая драконица, ты сильная и напитанная магией наездница. Мы достойны быть рядом друг с другом. Прошу, пойдем со мной! Ты мне так нужна!

— Для чего, Драко?

Муж смотрел на меня, как на непослушного ребенка.

— Для того, чтобы всегда быть рядом, поддерживать меня и помогать.

— А ты спросил меня, хочу ли я помогать тебе?

— Ты же помогаешь Дариэну! Торчишь в этой Обители с отбросами общества, изображая из себя мать Терезу, когда мне твоя помощь гораздо важнее.

— Все! — Я сама подняла руку и черными искрами уничтожила одну за другой бабочек. — С этого момента мы возвращаемся в твой мир разными дорогами и разными дорогами идем дальше.

И очнулась лицом в миске с салатом.

Часть третья. Решающая

Глава первая.

Нелегкое решение.

Когда разражается война, люди обычно говорят: «Ну, это не может продлиться долго, слишком это глупо».

И действительно, война — это и впрямь слишком глупо, что, впрочем, не мешает ей длиться долго.

А. Камю

После того, как я побывала в своем сознании, все изменилось, и события начали развиваться так стремительно, что никто не успел к ним подготовиться. Первой весточкой от императора были воины под знаменем Золотого Дракона, которые обрушились на скалистый край и вырезали всех драконов, которые не успели скрыться в Обители. Так как на границе всегда стояли дозорные, то спастись удалось многим, но были и такие, которые остались на растерзания Диким. А золотые драконы дошли до Обители и обложили ее плотным кольцом, вызвав у Дариэна приступ жесточайшей хандры и меланхолии.

— Я никогда бы не подумал, что холодная война между мной и императором завершится кровопролитием и гибелью отверженных драконов. Мы в ловушке, запасов хватит на несколько недель, не больше, а потом начнется голод. Живыми они нас не выпустят. Если один привязанный к месту (речь о Сером) уйдет за грань, то он потянет туда и нас с императором. Одно отрадно, он, наконец, сдохнет! — Скорее сам с собой разговаривал Дариэн.

Я впервые слышала от него подобные выражения и видела его в столь плачевном состоянии. Волосы растерзаны от пятерни, постоянно туда запускаемой, а одежда не стирается и не отглажена.

В замке было настоящее столпотворение. Даже в гостиной на полу лежали тюфяки, не говоря обо всех спальнях, отданных семьям отверженных. Дакки и еще пара воинов, организовали посуточное дежурство на стенах замка, а жены самых отважных воинов помогали на кухне и по дому. Прислуга давно не справлялась с обязанностями, и любая помощь воспринималась с радостью и благодарностью. Отверженные драконы насчитывали собой не более пятисот взрослых драконов, но действовали они слаженно и организованно, устраивая в саду ежедневные смотры и тренировки.

Среди всего этого хаоса я ощущала себя как в военном лагере, ошетилившемся копьями и пиками, а не как в Обители Знаний, где можно спокойно посидеть с книгой и выучить в тишине оранжереи новые заклинания. Все проблемы были резко задвинуты на второй план, и я старалась подбодрить Дариэна и придумать, что делать с войском императора.

— Почему мой муж молчал? Почему не предупредил о нападении? — Спросила я, наконец, дракона, решив активно принять участие в событиях и больше не отгораживать себя от этого мира и тех бед, которые в нем происходили.

— Кто бы знал, девочка? — Отвечал он рассеянно и снова погружался в невеселые

думы.

Да, с таким полководцем нас скоро пустят на фарш, — думала я и пыталась поговорить с Дакки, но тот вообще не принимал меня в расчет после недавнего случая и просил не пугаться под ногами.

Вот, так всегда, стоит раз оступиться, а встать потом на обе ноги гораздо труднее, чем было падать.

— Дакки, остановись хотя бы на секунду, у меня есть магия, я могу вам помочь.

Воин на ходу проверял какое-то оружие на пригодность.

— Я видел твою магию, Маша, в двух из трех случаях она принесла беды. Сейчас не тот случай, чтобы пугать всех огненными искорками! — Глаза Дакки горели. — Мы умрем, как настоящие воины, с оружием в руках и на поле битвы, а не как крысы, запертые в подвале!

Ясно, драконы собрались выйти на поле и дать отпор многочисленным подготовленным войскам императора. Сколько их, интересно, было? Не меньше тысячи.

— Скажи хоть, когда планируете открыть ворота и выступить против золотых драконов?

— Через три дня на рассвете.

— Во сколько?

— В четыре утра! — И Дакки отодвинул меня от двери, которую я забаррикадировала своим хрупким телом, и прошел мимо.

У меня есть три дня и несколько часов, Дариэн сам не свой, Драко теперь поможет только в том случае, если я перееду в замок и стану нормальной женой, а все остальные меня либо боялись, либо боготворили до такой степени, что обходили стороной, либо тихо ненавидели, как жену Черного Дракона. Я даже слышала, что кто-то предложил обменять мою жизнь на помилование целого народа, но дерзкого дракона сразу заткнули.

Что ж, мысль сама по себе разумная, но я больше не дочь императора и он об этом знает. Теперь нет Серого, и источник иссяк раз и навсегда. Вся власть могла сосредоточиться в руках Золотого Дракона и этот шанс он не упустит.

Последние пару дней я обходила стороной осколок души, чью-то тень, пойманную за гранью и отданную в холодные объятия заточения, но после разговора с Дакки решила и, схватив его с попки в гостиной, заперлась в библиотеке. Села на пол, зажала грани в ладони и представила Вольного.

— Я забыл сказать, что новый цвет волос очень тебе идет. Правда, не поймешь, то ли ты добрая волшебница, то ли злая колдунья.

Я улыбнулась и шагнула в объятия друга.

— Мне нужна твоя помощь, Вольный. За стеной расположилось войско Золотого Дракона численностью в тысячу воинов. Нас гораздо меньше, но Дакки поведет на бой и драконов и дракониц. Они там погибнут! А Дариэн совсем сник, ходит из угла в угол, что-то бормочет себе под нос, на что-то надеется. Я не знаю, что мне делать, я не могу просто сидеть в библиотеке и делать вид, что ничего не происходит.

Вольный нахмурился и стал мелькать среди полок. Как только он отходил от осколка больше, чем на метр, его тело рассеивалось и пропадало, а потом появлялось совсем близко и снова дарило мне настоящее тепло и ощутимые прикосновения.

— Ты должна пойти к военачальнику Золотых Драконов, со мной.

Я опешила.

— И как ты себе это представляешь? Мост для меня никто не опустит, летать я не умею.

— Зато умею я.

Снова мое молчание и полный ступор.

— Ты просто должна постоянно думать обо мне и не выпускать камень из рук, тогда все будет хорошо. Создай вокруг себя магическую оборону, черпая энергию из камня, а меня итак никто не тронет.

— Вольный, подожди! Допустим, я действительно смогу полететь на... кхм... призрачном драконе и спуститься к войску. Но что я им скажу? Буду бегать от одного воина к другому с просьбой, пока не убивать меня, а отвести к военачальнику?

— Тебе не придется никуда бегать, Маша, дозорные тебя сцапают, как только ты приземлишься.

— Хорошо, отведут к военачальнику, а что дальше? Что я ему скажу?

— В зависимости от того, что скажет тебе он. — Вольный посмотрел мне в глаза. — У меня к тебе одна просьба.

— Да? — Спросила я нерешительно.

— Не показывай меня никому!

— Это как?

— Как только мы приземлимся, ты спрячешь камень и достанешься только в палатке военачальника. И то, в самом крайнем случае. Я не хочу, чтобы драконы знали о том, что ты владеешь магией души.

Я удивилась.

— А это что за зверь?

Вольный снова прижал меня к себе.

— Не все могут оживить этот камень, Маша, только те, кому душа этого дракона была дорога.

— Что? — Закричала я и чуть не выронила осколок.

— Да, Маша, Черный Дракон подарил тебе на прощанье мою душу, заточенную в камень. Он не взял меня с собой за грань.

Я пыталась переосмыслить услышанное, но шум за дверью не дал сосредоточиться.

— Подожди, остановил меня Вольный. Ты должна это сделать как можно быстрее. Дакки слишком горячая натура, он может не выдержать трех дней, — замолчал, — или ее не выдержит тот, кто привел сюда золотых драконов.

Ровно в полночь, когда замок погрузился в относительную тишину, я стояла в оранжерее, рядом с каменной чашей, и думала, что там лежит мой любимый человек, тот, кого так внезапно и так жестоко отобрали в самый неподходящий момент.

— Скорбишь? — Присел Дакки прямо на землю, рядом со мной и чашей.

— Думаю, как он мне сейчас необходим.

— И мне, сестренка. Ты прости, за резкое отношение, но сама понимаешь.

— Понимаю.

Дакки как-то заерзал и явно занервничал.

— Ты это, не обижайся, что не сказал раньше, это вроде как тайна для тебя.

— Я внимательно посмотрела на дракона, но он отвел глаза.

— Дакки?

— Да, вот. Его нет там.

— Что? — я схватилась за края чаши.

— Его тела там нет, ну, в земле. Понимаешь, есть семейный склеп, куда его положили, хотя он Дариэну не сын. Отец уперся рогом, и решение одобрили все отверженные, которые принимали участие в обряде. Планировалось захоронение, а отец воспротивился и вот.

Меня будто ударили по голове, оглушив, ослепив и обездвижив.

— Почему мне не дали с ним попрощаться? Почему Дариэн не пустил? Для чего весть этот фарс с надгробием. Дакки пристыжено опустил голову.

— На этом настоял твой муж, а он оплачивает содержание Обители, как ее полновластный хозяин и владелец. Теперь еще и лишили воздуха!

— Так, значит, император узнал о том, что мой муж в сговоре с отверженными и решил отомстить?

Дакки снова потупился.

— Дакки!

— Прости, Маша, прости, что злился, что ничего не говорил, что был таким идиотом. Я просто боялся, но не тебя, девочка моя, а того, что могут с тобой сделать.

— Я совсем запуталась, кто сделать и за что?

— Сначала Драко за то, что в очередной раз бросила его. Он согласился, чтобы ты жила с нами, это ведь его законные владения, но в обмен на это мы должны были разыграть комедию с захоронением Вольного здесь, в оранжерее.

— А теперь? Чего ты боялся все эти дни? Почему избегал меня?

— Потому что за стенами этого замка стоит его хозяин с войском золотых драконов и ждет, когда ты к нему выйдешь.

Нет! Только не это! Так вот почему меня предлагали выдать военачальнику? Это Драко пожаловал к стенам замка, это из-за меня и за меня Дакки приказал идти на бой.

— И ты молчал? — Заорала я так, что, кажется, содрогнулись стены замка. — Ты с ума сошел? Я его жена, Дакки, и он мог растерзать вас за это на куски.

— Ты права. Он четко выразил свои намерения, вырезав почти два десятка отверженных.

— Ох... — Я схватилась за голову. — Как? Почему?

Дакки вскочил на ноги и повернул к себе лицом.

— Я никогда бы не рассказал, Маша, я повел бы туда драконов на бой, но вести их на смерть, на верную смерть... ты простишь меня?

Я обняла воина и постаралась успокоить.

А ведь Вольный знал, кто военачальник! Он сразу обо всем догадался, поэтому и сказал, что разговор будем вести по ходу действий.

Значит, муж решил добраться до меня силой, снова преследуя какие-то ему одному понятные цели. Что он наплел императору? Как в этот раз использует меня саму?

— Я все решу, — бросила Дакки и направилась на площадку полетов, — не ходи со мной. Сама. — Роняла слова, как камни.

— Маша, я открою...

— Нет, я сама.

И ничего не объяснив дракону, встала в центре площадки и сжала в руках осколок души Вольного.

Глава вторая.

Светская драконица.

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.
Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.
Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!
В.Брюсов.

Все получилось так, как предсказывал мне Вольный. Приземлившись недалеко от лагеря золотых драконов, я подальше запрятала драгоценный камень и пошла к первой попавшейся палатке. Меня сцапали, не успела я сделать и сотни шагов. Дракон в кожаных штанах и рубахе с золотым шитьем бесцеремонно задрал рукав свитера и посвятил на руку, рассматривая еле видневшиеся татуировки, черными змейками струившиеся от запястья к предплечью.

— Она? — Спросил его другой воин.

— Татуировки должны быть другого цвета. Кто ты?

— Та, кого ждете. Жена Черного Дракона. Веди уже к нему.

Первый дракон посветил в лицо и сдернул с головы капюшон плаща.

— Она, обода нет. Отведи Рваному, он сдаст прямо на руки, а мы поищем пташку, на которой она прилетела. Далеко не уйдет, Черный Дракон щит поставил, в замок ему не вернуться.

Ищите! — Злорадно подумала я, — только время зря потратите, твари чешуйчатые!

— Здравствуй, дорогая, — поприветствовал меня муж, развалившийся на ложе и читающий какую-то книгу, — где Дариэн?

— Что? — Удивилась я такому вопросу. — Я одна.

— Не глупи, Маша, я хотел бы поговорить с вами обоими, сколько можно прятаться? Я поставил мощный щит на крови вокруг лагеря, ты не смогла бы сделать сюда выброс. Строго говоря, я давно бы соорудил мост и разгромил ворота, но разрушать столь ценное имущество нет смысла.

Я присела рядом, и устало потерла висок.

— А если бы Дакки так и не сказал мне, что это ты пришел с войском золотых драконов? Что бы ты все таки сделал, на что готов бы был пойти?

Драко подвинулся, приглашая меня устроиться по удобнее, и отложил книгу.

— Давай начистоту, Маша. Тебе не нравятся мои методы, и в какой-то степени я тебя

понимаю, но лишь в самой малой. У тебя был мой замок, мои родители, которые приняли тебя, как дочь, мое доверие. Черт побери, ты связалась с этими драконами и тебя как будто подменили! Что я сделал не так, чем заслужил твое равнодушие?

Я видела в глазах Драко искреннее недоумение и боль, настоящую неприкрытую боль и понимала его как никогда.

— Наверное, мы слишком разные, Драко, настолько разные, что совершенно не понимаем друг друга. Ты играл моими чувствами, зная, на что я иду, но держа меня в полном неведении, ты позволил мне остаться у отверженных, проникнуться к ним искренней симпатией, а потом потребовал уйти в мир светских развлечений и суеты, зная, как они живут. Ты смотрел на то, как мой друг умирает и, обладая магией, никак ему не помог! Ты притащил меня в Храм и ни слова не сказал о том, что там будет, хотя догадывался о многом! О каком доверии идет речь? О каких чувствах?

Драко вскочил с ложа и начал нервно мерить палатку шагами.

— Ты пришла из мира людей, где была всего лишь девочкой. Я пытался тебя уберечь от игр этого мира, от всех бед, от императора. Если бы я знал, чем обернется твоя жизнь у Дариэна!

— И что бы ты сделал, Драко? Пошел против императора?

— Поступил бы как-то иначе! Да, обстоятельства сложились так, что меня сейчас считают героем-освободителем. Я остановил злой замысел Серого, подыграв ему и заставив поверить себе. Я запечатал Врата, которые приносили в этот мир энергию, иссушившую нашу магию. Я помешал восстановить Источник и снова оказался в фаворе... Я знаю, как все это выглядит со стороны, но, поверь мне, ничто из этого не планировалось специально и не продумывалось, как шахматная партия! Хоть в этом, пожалуйста, поверь мне! — Драко смотрел так, что я вновь увидела перед собой мужчину с татуировкой на груди и черными волосами, стянутыми в хвост. Такого притягательного своей силой и мощью. Дракона, с которым единилось мое сердце и моя кровь. Мне захотелось положить ему голову на плечо и вдохнуть запах самих гор. Но между нами сейчас лежала целая пропасть разочарование и океан несбывшихся надежд.

— Я не могу тебя простить, я не могу заставить себя просто прикоснуться к тебе! Ты продолжаешь улыбаться в то время, как твои воины рубят головы отверженных. Чего ты хочешь, Драко? Что мне нужно сделать, чтобы ты просто оставил меня в покое?

Драко резко отвернулся, расправив плечи, а потом опустил голову и прислонился к опоре палатки.

— Значит, не любишь? Та ночь ничего для тебя не значила?

Мне хотелось закричать и заплакать одновременно. Хотелось сказать ему, что тогда в Храме я боготворила его, я любила его так, как никто другой, а потом узнала, что именно он привел меня в этот мир и обрек на заточение здесь, не дав выбора, не спросив, хочу ли я этого? Драко считал, что дарит мне могущество и силу, что вместе мы пройдем какой-то там великий путь, покорив императора и разрушив его власть. Но на самом деле я была простой девушкой, в чем-то он прав, наивной девушкой, которая мечтает о счастье и покое, подальше от этого мира, подальше от всех драконов в цепом, но в объятиях любимого и единственного мужчины. Я хотела просто дом и просто семью, но понимала, что Драко никогда не откажется от власти.

— Ты выбрал не ту драконицу. Я не смогу полюбить светскую жизнь, всю эту мишуру и вычурность. Поверь, меня воротит от одной мысли о балах и танцах, сплетнях, интригах,

фальшивых улыбках. Вот почему я прониклась к этому месту такой симпатией. Отверженные не строят друг другу козни, они живут одной огромной семьей, доверяя и помогая друг другу. Вот почему у нас теперь разные дороги. Отпусти меня, Драко, — чуть ли не взмолилась я, понимая, что он никогда этого не сделает.

— Только после того, как ты приедешь со мной в родовой замок, начнешь выходить в свет, убедишь драконов в том, что я не изверг, заточивший жену в крепости, попробуешь принять меня.

Я усмехнулась.

— А что? Сплетни замучили? Это же такое благородное общество, разве они способны так нехорошо думать о Черном Драконе?

— Я прошу просто попробовать.

— Я уже попробовала и меня чуть не заточили в замке, забыл?

— Маша, прошу тебя, позволь увезти домой, позволь представить своим друзьям, позволь показать, какой может быть наша семья.

— А иначе ты тут все разгромишь?

Драко еще больше сгорбился.

— Иначе, мне придется выдать тебя императору, как шпионку, и если не я, то другой военачальник придет к стенам Обители, только уже не беседы вести.

— Выбор-то невелик.

— Выбор есть всегда, Маша.

— Вот только не ты мне его подарил в прошлый раз! Убить своим отказом отверженных, разорить эти земли и быть пленницей в замке императора, или же согласиться стать частью светского общества и быть пленницей в твоём замке, велик выбор!

Драко снова напряженно вглядывался в мое лицо, пытаясь увидеть одному ему понятные вещи.

— Мой мир не так уж плох, каким его рисуешь ты.

Я подошла к мужу и провела рукой по груди, расстегивая пуговицы рубашки, распахнула ее и увидела татуировку дракона, изрыгающего пламя. Попыталась представить, как обнимаю этого сильного, волевого и умного мужчину, а он дарит мне самые незабываемые ночи, а утром снова пытается подчинить себе и подавить мою волю, навязывая свои правила, свой порядок вещей, свой мир.

— Я пойду с тобой, но только пообещай, что отпустишь, как только все зайдет в тупик.

— Отпущу, когда сможешь свергнуть императора и...

— Сыграю свою роль до конца? — Рассмеялась я и вышла из палатки.

Сжав в кармане камень, я молила Вольного о помощи, молила не бросать меня, не обрекать на испытания в полном одиночестве, а стража тем временем докладывала Драко, что я действительно прибыла сюда одна.

Пусть думает, что моя магия сильнее его и я способна на такое, что ему и не снилось. Пусть боится, может, тогда быстрее отпустит?

«Как же я ошибалась!»

Драко дал мне неделю на то, чтобы заново освоиться в родовом гнезде синих драконов и наладить общение с родителями. И то и другое я старалась выполнять, не покривив душой, но у меня плохо получалось.

Излюбленным местом в замке стала библиотека, пусть меньших размеров, чем в Обители, но с тем же характерным ни с чем несравнимым запахом кожаных переплетов,

старости, пыли и бумаги. Дракорин и Эльдира всячески пытались создать за общими семейными трапезами непринужденную обстановку, плавно избегая нежелательных тем. Они уже пришли в себя после событий в Храме и теперь воплощали собой пример светской пары, которая многое пережила, многое вытерпела вместе, но при этом всегда «держит лицо» и соблюдает приличия. Сам Драко большую часть дня пропадал во дворце, подготавливая императора к моему появлению. Вопрос об отверженных драконах был решен и до поры до времени их оставили в покое, предоставив возможность жить в скалистом краю и не претендовать на учебу и проживание в Городе. Жестокое неравноправное отношение к отверженным глубоко задевало меня, но приходилось делать равнодушный вид. Некоторые драконы, вхожие в близкий круг друзей и родственников, приходили на обеды и ужины, рассматривая меня как диковинку и задавая бесцеремонные вопросы о том, как я, наверное, настрадалась в таком заброшенном месте, как Обитель Знаний, и с этими дикарями отверженными? Подражая Эльдире, я улыбалась и отделялась общими фразами о том, что не все было так плохо. На что слышала пространные рассуждения на тему «не быть этим дикарям нормальными драконами». По их теории, если дракон прожил большую часть времени, а то и всю жизнь, в таких суровых условиях, то Город их разбалует, и они постепенно опустятся на дно.

— Чем они будут здесь заниматься? В элитные войска золотых драконов их не примут, а кроме как драться, они и не умеют ничего!

— А им кто-нибудь дал такую возможность? — спрашивала я говорящего, на что тот смущенно откашливался и отвечал, что мы, драконицы, бываем не в меру сочувственны, а потом намекал на то состояние, в котором обычно проявляются подобные чувства.

Приходилось мириться не только с навязанным и совершенно излишним сочувствием, непомерным любопытством, но и фривольным общением, позволенным в виду родственных и дружеских связей.

Я терпела из последних сил, но играла настолько плохо, что за эти несколько дней оставила о себе впечатление, как о нелюбимой и нелюбезной драконице с весьма сомнительными идеями в голове. Драко (надо отдать ему должное) не обременял меня своим вниманием, не вел пространственных бесед, не приходил по ночам в мою спальню и даже поддерживал в том, что политика в отношении отверженных драконов действительно жестока. Правда, потом добавлял, что в данный момент ничего нельзя изменить, слишком велика вероятность неблагоприятных последствий для обеих сторон.

— Завтра прием у императора, — сказал Драко, прогуливаясь со мной по саду. Наши совместные вечера, проведенные в оранжерее или парке, очень радовали родителей и являлись частью показательного выступления под названием «Счастливая семейная пара».

— Что я должна делать и говорить, — оторвалась я от своих мыслей и обратила внимание на мужа.

— Прекрати вести себя как кукла, которую дергают за веревочки! — Взорвался муж. — Притом, очень недовольная и разобиженная на весь мир.

— Так оно и есть. Ты просил попробовать, я пытаюсь, но твой мир мне был чужд и остается таковым.

— Попробуй завтра днем прогуляться по городу, слиться с драконам, прокатиться на общественном транспорте. Ты можешь посетить Академию боевых искусств, Деловой центр — эти замки тебе знакомы еще с того дня с обзором.

— Это хорошая идея, — немного воодушевилась я, — Город сам по себе мне очень

нравится, я возьму велосипед и прокачусь до торговых площадей, посмотрю ткани на платья для гардероба, найду в лавку сладостей. Спасибо, что позволил мне покинуть замок.

— Маша, да сколько ж можно?! — Взревел дракон и прижал меня к себе. — Возьмешь меня с собой? Я сто лет не катался на велосипеде.

Я удивилась.

— А как же твои дела с императором, подготовка к вечернему мероприятию?

— Да плевать на них, я хочу побыть с тобой.

В душе боролись противоречивые чувства. Одни кричали о том, что Драко никогда не сможет измениться ради меня, оставив императора ИСО всем его двором в покое, а другие тянулись к мужу и настаивали на том, что нужно дать ему шанс.

Я совсем запуталась. Требую от Драко, чтобы он отошел от дел при дворе, а сама желаю участвовать чуть ли не в государственном перевороте! Хочу от него искренности и доверия в то время, как прячу на груди мощнейший артефакт.

Все дело в том, что я не могу найти себе место в обществе драконов, не могу ни с кем подружиться, не подпускаю к себе абсолютно никого и заранее отталкиваю даже таких хороших дракониц, как Дара.

— Покажи мне Город. Хочу посмотреть, чему учат выводок маленьких драконов, — с улыбкой попросила я и подумала, что преобразование общества стоит начинать с растущего поколения.

Драко обнял меня с таким чувством благодарности, что я порадовалась за нас обоих.

А где-то на задворках сознания билась мысль, что, обладая приличным теперь уровнем знаний и запасом магии, я могу отлично повеселиться и среди этих чешуйчатых гадов на балу. Оставалось только придумать эксклюзивное шоу. Никто не запрещал заводить собственных игр, даже если уже задействована в чем-то спектакле, поэтому завтра же можно будет распределить роли, оставив место Злодея за императором. Он этого явно заслужил! А Злодеи, как известно, всегда погибают.

Глава третья.

Представление началось!

И треснул мир напополам,
Дымит разлом.
И льется кровь, идет война
Добра со злом.
И меркнет свет, в углах паук
Плетет узор...

О, прекрасный вечер, о, чудесный бал. Жаль, что не маскарад, а то веселье получилось бы более искрометным.

Раздавая улыбки налево и направо, я плыла по бальному залу, а ноги гудели так, что хотелось ползти на коленях. Прогулка по городу получилась запоминающей и поучительной. Мы исколесили только одну из частей Центра, завернув в Академию, о которой упоминал

Драко, но я была рада и этому. Теперь мышцы ужасно ныли, и императору достался совершенно неуклюжий реверанс. Одарив и его фирменной драконьей улыбкой, я тут же начала благодарить благодетеля за то, что он послал мне на помощь Драко и освободил из плена отверженных драконов, предоставив мне неоценимую возможность побывать в его дворце еще раз.

Ложь, на которую не купился император, учитывая, что он сам поспособствовал моему побегу, но которую оценило его окружение. Меня боялись и здесь, вспоминая, как я заморозила приличное количество драконов, поэтому с облегчением вздохнули, поняв, что я не собираюсь устраивать очередной скандал (а зря надеялись!).

— Я рад вашему появлению, дорогая. Наконец, вы раскроете нам глаза на все те сплетни, которые восславляют вас как защитницу отверженных и Чудесницу, нашедшую новый источник энергии.

Вот даже как! Все карты на стол? Да, пожалуйста!

А Драко напрягся так, что крылья его носа раздулись, и скупы четко обозначились на лице. Нашему разговору внимал, казалось, весь зал. Даже музыка стала звучать тише и шелест платьев с витиеватыми росписями на время прекратился. Драконы-самцы в цветах своего рода, наездницы с суровыми и величественными чертами — все, как один, повернулись к нам.

— О, да что вы?! — Рассмеялась я совершенно неискренне. — Положение отверженных драконов и правду подействовало на меня угнетающе, вы сами когда там были в последний раз? Пару сотен лет назад или чуть меньше?

Император нахмурился и сжал кулаки, толпа отхлынула назад, некоторые потянулись к выходу откровенно испугавшись, а другие наоборот подошли еще ближе, предчувствуя веселье.

— Не думайте, дорогая моя девочка, — процедил он, — что моя служба разведки плохо работает. Это мои глаза и уши.

— Что вы, Ваше величество! — С сарказмом произнесла я. — Только сегодня днем в Академии мне продемонстрировали, как преданны по отношению к вам молодые драконы. За каждое лишнее слово — подзатыльник, за неуместное высказывание — лишение попета на неделю, а уж что будет, если кто-нибудь из них позволит себе выразить собственное мнение!

Император дал знак и один из воином приблизился ко мне.

— Хотите, я продемонстрирую вам их умения и навыки?

Я снова рассмеялась, теперь совершенно откровенно.

— Что ж, посмотрим.

Резкий выпад и у моего горла рука воина, шевеление пальцами и дракон начинает возгораться и орет так, что толпа бледнеет, кто-то теряет сознание. Снова сосредотачиваю энергию на магии огня, и загораются занавески на окнах. Паника захлестывает толпу удушливой волной, начинается давка, а по венам струится пламя, и я совершенно теряю голову. Император что-то орет, брызжа слюной, Драко совершенно оцепенел и смотрит на меня так, как будто не знает, то пи убить, то пи дать завершить начатое.

— Вы готовы запереть в свои рамки любого, кто вам не угоден. Поработили свободных драконов, надели на них ошейники, держите на цепи, как собачонок, — шипела я, — разрушили Источник и иссушили магию целого поколения, высасываете из них всю кровь!

С каждым моим словом пламя разрасталось все больше, а я видела только ненависть и

злобу бессильную злобу во взгляде Злодея. Муж схватил меня за руку и попытался выбросить нас наружу, но я осталась в зале и смотрела, как полыхают деревянные панели, как плавятся подсвечники на столах, как скатерти моментально осыпаются горсткой пепла на пол, а потом схватилась за граненый камень и, черпая чистую энергию, разом остановила пожар.

Мы с императором стояли в абсолютной тишине, пока драконы один за другим не вернулись в зал.

— Источник энергии? — Повторила я слова императора. — Вы правы, я нашла его.

Вздых толпы и удивленно разинутые рты.

— Я сама являюсь этим источником, — а потом подняла ладонь вверх и пустила поток по залу, черпая неиссякаемые запасы в артефакте и одаривая каждого таким мощным зарядом, какого они не получали уже многие сотни лет. Искры полетели в разные стороны, искры от проснувшейся магии и ее бесконтрольного выброса. Волосы наездниц стояли дыбом, лица в саже и копоти, драконы в шоке осматривают свои руки.

— У меня есть одно условие, дорогие сливки общества, — вещала я, войдя в образ, — обменяю поток свободной энергии и восстановлю Источник в Храме для всех при одном маленьком условии.

Абсолютная тишина.

И вдруг я поняла, что зашла слишком далеко, заигралась. Превратила светский рауд в пепелище, трон императора — в погребальный костер, а саму себя — в злую колдунью. Что обо мне сейчас думает муж, что бы подумал Вольный, Дариэн и Дакки. Даже моя служанка Дара стояла безмолвной тенью и с укоризной взирала на все это безобразие.

— Вы должны мне помочь, — обратилась я, наконец, к императору.

Золотой Дракон явно ожидал не этого, с его лица вмиг слетела вся гордость и злость, оставив место растерянности.

— У вас немалый опыт в организации государственных дел и, раз уж я тут теперь живу, придется считаться и с моим мнением.

Странно, никто не возражал. С чего вдруг?

— И чего же ты хочешь, — с усмешкой спросил император.

— Не бойтесь, денег не надо, муж есть, полцарства вполне устроит.

Шутки не понял никто, а я снова дала себе ощутимый подзатыльник.

Серьезнее, Маша, это тебе не кошмар без продолжения, проснулся утром, подушку взбил и пошел чистить зубы.

— Я хочу организовать школу для всех драконов, отверженных в первую очередь.

В толпе загудели, но император махнул рукой, и снова в зале образовалась звенящая тишина.

— Что ж, а мне бы стул организовать и стол, а то в мои-то годы тяжело столько времени проводить на ногах.

Я материализовала стол из соседнего кабинета и стулья, по количеству присутствующих. Расселись кое-как. Некоторые драконы предпочли стоять рядом с выходом.

Не доверяют еще, боятся нового стихийного бедствия, — усмехнулась я про себя и впервые за весь вечер посмотрела на Драко. Как он реагирует на то, что на этот раз кукловод я. Потом, обязательно спрошу.

— Император, — обратилась я к дракону по-отечески, — я не хочу войны и кровопролития, я хочу...

— Невозможного! — Закончил он за меня.

— Чем плоха идея организации школы на равных условиях? Я задействую для ее постройки и развития собственные резервы магии, буду тратить только мой личный источник энергии, а вам оставляю это.

Я снова выхватила из толпы Драко и мысленно попросила помочь.

«С чего вдруг я должен тебе помогать?»

«Вспомни текст легенды»

Я вытянула ладонь со слезой, которую зачерпнула из чаши в ту полночь, когда узнала о том, что Вольный лежит не в сырой земле, а в родовой гробнице Дариэна.

— Я расскажу вам, что это, — вмешался Драко и глаза его загорелись.

«Ты не забыла, дорогая, что должна очистить Исток не только слезой, но искупав там наших детей?»

«Нет»

Мой ответ вызвал на лице Драко такой поток эмоций, что я засомневалась, стоило ли давать подобное обещание.

— Это Слеза — один из древнейших артефактов за всю историю драконов. Она способна очистить Исток.

— Не может быть, — вскочил император, и кто-то посмелее рискнул добавить.

— Это уж совсем сказки.

Драко смерил дракона презрительным взглядом.

— Ты военачальник, Драгон, тебе простительно быть таким безграмотным.

— Он, прав, Драг, — ответил другой дракон, — я слышал про артефакты и немало читал о них. Слеза действительно существует.

Император вскипел и стукнул кулачищем по столу.

— Хотите дать свободную энергию всем драконам? Устройте паломничество и драконы сами себя и сожрут.

— Давайте хотя бы попробуем. — Обратилась я ко всем и каждому. — У дракона теперь будет выбор: остаться на том месте, где он сейчас живет и работает, либо научиться управлять своей магией и попытаться постичь нечто новое. Драко сильный и опытный маг, выросший в этом мире, Обитель Знаний — это его собственность, а Дариэн заскучал в последнее время. Дайте шанс на развитие скалистому краю, организуйте там Магическую Академию.

«Ты меня спросила, любимая?»

«Играю по твоим правилам, нравится?»

Ответила я мысленно мужу и снова сосредоточилась на императоре.

— Что ж, наконец, ответил он. Если кто-то из вас надеется, что я отойду от дел и начну выращивать капусту, то сразу убейте, ничего подобного я делать не стану, а содействовать обещаю всячески. Оставьте нас двоих.

Я кивнула мужу и осталась один на один с императором. Разговор предстоял долгий.

Золотой Дракон молчал очень долго, я устала ерзать на стуле и кидать на него вопросительные взгляды. Складка между бровей говорила о том, что он о чем-то сосредоточенно думает.

— Значит, школа для отверженных драконов? И чему ты собралась учить этих голодранцев? — Наконец, произнес император.

— Тому же, чему учатся драконы из Центра и Города, — ответила я.

— Снова не то, — и замолчал.

— Пойми, наконец, что твое общество коренным образом отличается от нашего. Драконы очень гордый и непримиримый народ, ты не сможешь обучать в одной школе отпрыском знатного рода и выходцев из скального края.

— Но у них должны быть равные условия! — Настаивала я. — Почему одни талантливые драконы получают помощь и поддержку, а другие, за неимением возможности, вынуждены прозябать и влачить жалкое существование.

— Такова сущность каждого общего. Кто-то сильнее, кто-то наглее.

— Это вы о себе? — Насупилась я.

— И о тебе в том числе, Маша. Да, ты не моя дочь! Сколько в ней было силы и мощи, какой талант! Но все это без должного внимания превратилось в осколки зла и ледяные искры ненависти. Я хочу, чтобы ты не совершила мою ошибку, дав этому народу то, от чего они, в конце концов, погибнут.

Я сочувственно посмотрела на этого широкоплечего дракона, сломленного потерей любимой дочери, потерей всех своих детей.

— Я был плохим отцом, Маша, я не смог справиться с воспитанием и обучением самого талантливого и умного ребенка, который родился в моей семье. Я пренебрегал ее просьбами, давил на то, что она должна больше учиться и тренироваться, абсолютно забыв о том, что она еще, по сути, совсем дитя и в первую очередь ей нужна любовь. Ты не должна совершить моих ошибок и поэтому я не доверю тебе школу для отверженных драконов.

— Но... как?

Император уже все для себя решил и остановил мои возражения жестом руки.

— Я согласен предоставить дворец под здание школы для всех драконов, желающих пройти обучение, но не только на мага, Маша. Я хочу научить этих детей жизни, показать на собственном примере то, к чему приводит спесь и гордыня, когда ты не умеешь их вовремя остановить. Я не изменился за эти несколько часов, но я давно ждал, когда появится кто-то подобный тебе и покажет мне путь решения всех проблем, и моих собственных в том числе. Ты оказалась этой драконицей, я искреннее благодарен тебе. И раз уж наездница Черного Дракона взялась учительствовать, так оно и будет. Я принимаю тебя на должность мага стихий, и только попробуй не оправдать мои ожидания и методы воспитания!

Я рассмеялась и готова была по простоте душевной кинуться обнимать императора в новой для него должности, но он только покачал головой, а потом тоже рассмеялся.

— Это будет трудно, моя дорогая девочка, жизнь слишком сильно наказала одних драконов и совершенно избаловала других. Если ты чувствуешь, что не сможешь многим пожертвовать ради этих детей, ради будущего не только отверженных, но и знатных драконов, лучше откажись сразу.

— Смогу! — Ответила я императору, поклонилась и вышла из когда-то прекрасного бального зала, ставшего теперь холлом новой школы.

Смогу, но только сначала сниму с шеи камень, самую настоящую непосильную ношу и приму первые последствия своего поступка.

Я сняла с шеи артефакт с граненым камнем и сжала его в ладонях. Вольный встретил меня вопросительным взглядом, окинув масштаб разрушений.

— Отнеси меня в гробницу Дариэна, я хочу проститься.

Глава четвертая.

Только ты.

Эгоизм — когда хочешь, чтобы она была с тобой.

А любовь — когда хочешь, чтобы она была счастлива.

Я стояла у белого оштукатуренного склепа, боясь вдохнуть и просто пошевелиться, боясь ступить внутрь или убежать без оглядки, но я приняла решение и никто не отнимет у меня мой выбор. Я шагнула с шахматной доски, я больше никогда не буду ни пешкой, ни королевой. Артефакт, который приносит чистую неисчерпаемую энергию — это участь игрока, не верящего в себя и свои силы. И я ступила на порог склепа, погружаясь в каменную прохладу и абсолютное безмолвие.

Выступы с именами драконов освещались факелами и располагались друг над другом. Закрываются они были металлическими дверками с символами и письменами: от непонятных завитков до современных надписей. Последняя была сделана совсем недавно, краска еще не высохла и я посмотрела на след, оставленный ей на пальцах. В голове крутилась мысль, что это аллегоричный знак жизненного пути любого из нас, вот такой след от краски, который можно вытереть и забыть.

Я потянула на себя металлическую крышку и на пластине увидела того Вольного, которого запомнила тогда в роще, обледеневшего, с распахнутыми глазами и навеки застывшим выражением лица.

— Привет, дорогой. — Провела кончиками пальцев по контуру лица, испытывая дрожь от холода и предвкушения, а потом положила окаменевшую душу Вольного ему на грудь в области сердца и начала собирать энергопоток в тугой смерч, который поглотил мрак и холод, роня горящие искры на кусок льда. Я сосредоточилась на гранях камня, пытаюсь проникнуть туда сознанием и ухватить Вольного за руку, но он не спешил идти мне на встречу.

— Это самый эгоистичный поступок из все, что ты сделала за последнее время.

— Ты плохо понимаешь, что такое эгоизм, хватит уже торчать тут, пошли!

— К кому мне там идти?

Я держала руку за гранью из последних сил, кожа покраснела и вздувалась ожогами. Еще немного и моя собственная магия огня спалит мою руку.

— Пожалуйста, — прохрипела я, сдерживая крик боли и отчаяния.

Вольный схватился за обожженную ладонь, я закричала от острой горячей волны и очнулась уже на холодном земляном полу. Тут же вскочила на ноги и уставилась на дракона, тряся того изо всех сил. Кто бы увидел, что я тут творю в гробнице усопших, ни за что не доверил бы потом мне своих детей.

— Хватит так трясти, — прошептал Вольный и моргнул несколько раз, пустив по щекам холодные струйки. Я вытерла их пальцами и счастливо разрыдалась на груди друга, которая снова вздымалась и опускалась, постепенно теплела и отогревалась и вновь наполнялась гулкими ударами сердца.

— Зачем ты это сделала? Так трудно подавлять свои эгоистичные порывы?

— Это был альтруизм чистой воды.

Вольный посмотрел на меня, слепо повернув голову.

— Того хуже, значит мне еще и ничего не светит.

— Ты же знал это.

Он вздохнул и потянулся.

— Знал, но надеялся до последнего мгновения. Любишь его?

— Ты только очнулся, а уже лезешь ко мне в душу.

— О, да ладно! — Вольный сполз на земляной пол и с силой захлопнул металлическую крышку.

— Тише ты! — шикнула я. — Мертвых разбудишь!

— Их ничто и никто не разбудит, — потом покосился на меня и немного отодвинулся, — надеюсь.

Я рассмеялась и напала на Вольного, осыпая того поцелуями и запуская в его шевелюру все десять пальцев.

— Потихе, ладно? Я пока чувствую себя слегка подмороженным. Расскажи пока, что значили те разрушения во дворце, которые я видел краем глаза.

И пока я рассказывала, Вольный хмурился все больше, вертя в пальцах обугленный кусок с расплавленными гранями. Когда я затихла, дракон откинул голову и прислонился к холодной стене, прикрыв глаза.

— Зачем ты это сделала, Маша, мне было вполне хорошо там.

— Слишком хорошо для дракона, который даже не успел оставить в этом мире свой след.

— Я его и сейчас не оставлю, — прошептал Вольный и бросил то, что осталось от артефакта, подальше в темный угол. — И не надейся, что я буду рядом всегда, такое бывает только в сказках, а я не герой твоей сказки, Маша.

Я опешила и машинально пошла на выход за драконом.

— Хочешь сказать, что сиганешь со скалы и расшибешься о дно ущелья?

— А что, — хмыкнул он, — довольно-таки логичное завершение.

— Только посмей. — Зарычала я.

Вольный шел медленными шагами по долине, наполненной солнечными лучами и мягкой зеленью низкорослой травы. Он о чем-то глубоко задумался, а потом повернулся ко мне и сказал.

— Не думай, что я не благодарен. Быть в заточении ради того, чтобы дарить этому миру чистую энергию благородно, но утомительно. Я готов был делать это ради тебя, но только потому, что иного выбора у меня не было.

— А теперь?

— А теперь я выбираю ни тебя, ни Дариэна с Драко, ни даже этот мир.

Я схватила Вольного за локоть.

— Ты этого не сделаешь! Я выжгла в себе магию огня, чтобы вернуть тебя в этот мир и не собираюсь снова отпускать за грань.

— Отпустить уже навсегда, и не в плен безмолвного камня, а в объятия неизвестного, Маша. Что в этом плохого?

— Почему? — только и спросила я, а потом заплакала, но продолжала смотреть в его глаза, такие родные, такие живые, с пламенем внутри.

Вольный отошел от меня на несколько шагов, обернулся и улетел, даже не повернув на прощание свою наглую чешуйчатую морду.

— Монстр! — Заорала я на всю долину. — Бесчувственная тварь! Хладнокровная ящерица! — Орала я в пустоту, зная, что больше никогда его не увижу, а потом повалилась на траву и выплакала всю боль, которую копила в себе со смерти Вольного, все отчаяние и все надежды.

Одна, снова одна...

А потом выбросила себя к Храму, надеясь успеть втолковать этому упрямцу, что он не сможет повторить попытки Драко.

«И будет он охранять те Врата от всякого, кто пожелает их вновь открыть... И покарает того, кто приблизится к ним с мыслью такой... И только одна душа будет служить камню и в камне том жить... отныне и во веки веков...»

— Читала я текст, который сама и придумала, отразив на камне четкой кириллицей, и никаких тебе символов и завитушек, ясно и понятно.

Вольный спикировал рядом с Вратами, не обращая внимания на мое присутствие.

— Ты не сможешь этого сделать, — сказала я громко и отчетливо, — они запечатаны и охраняются.

Вольный не повернул головы и сосредоточенно шел в самую середину.

— Прошу остановись, Страж убьет тебя, — взмолилась я, но не попробовала остановить его силой.

— Они закрыты на вход, но не на выход.

Я опешила и слегка покачнулась, с трудом сохраняя равновесие.

— Скажи мне! — Зло бросил Вольный. — Ты ведь никогда всерьез не задумывалась о том, чтобы вернуться, не так ли, Маша? Этот мир одарил тебя силой, магией, мощью, властью. Какие замечательные игрушки для человечка!

Я онемела и мотала головой.

— Нет? Тогда возьми меня за руку и вернись со мной к простой жизни, к студенчеству, к совместному счастью, которое мы построим, помогая друг другу.

В голове взорвалась бомба, оставив после себя пустыню из пепла.

— Вы будете отличной парой, Маша, ты и Драко. Самовлюбленные, эгоистичные драконы, решившие на этот раз подарить благоденствие этому миру!

— Не ты ли мечтал о нем? — Прервала я Вольного.

— Это были всего лишь мечты, но кто же думал, что у тебя получится осуществить их за несколько часов.

— За что ты злишься на меня? Я делала это ради тебя, ради твоих идеалов.

— И как же быстро они стали твоими! Теперь ты готова даже на законный брак и нелюбимого супруга в постели и все ради альтруизма? Где моя нежная добрая Маша, которая хотела обычного счастья, семью, любимого человека, готового пожертвовать всем ради нее.

— Есть более высокие жертвы, Вольный, есть драконы, которые надеются и верят в то, что, наконец, все изменится, почему ты хочешь лишить их этого?

Вольный сжал кулаки, и острые скулы четко нарисовались на его бледном осунувшемся лице.

— Потому что люблю тебя, Маша, люблю так, как никогда и никого не любил! — Сказал он бесчувственным голосом, а потом повернулся и шагнул во Врата, растворившись в

ином мире. Без имени, без энергии, без какого-либо шанса на выживание.

А я стояла я чувствовала, как из меня уходит что-то очень важное, какая-то часть меня только что покинула тело, и растворилась вслед за Вольным. Волосы рассыпались по плечам белоснежными прядями, кисти рук слегка вытянулись и похудели, я ощупала лицо, проведя по тонким скулам и прямому носу. Даже тело теперь выглядело иным, более высоким, болезненно тощим, с торчащими ключицами. Я подняла руку и оглядела синие прожилки татуировки, а потом собрала в руке энергию и она блеснула на кончиках пальцев ледяными искрами. Вольный забрал не только часть моей души, он унес все то тепло, которым одарил меня с первого дня знакомства. Теперь во всем этом мире не было ни одного упоминания о нем, краска стерлась, не оставив после себя и следа.

Покидая Храм в полном разброде чувств, я совершенно не думала о Дариэне и том, что явлюсь расхитительницей гробницы! Да что там, я вообще не предполагала, что кто-то может заметить пропажу тела, кому придет в голову мысль полюбоваться обледеневшим драконом? Поэтому вернувшись в Обитель для того, чтобы подготовить Дариэна и Дакки к новой потере, я встретила взгляд трех разъяренных мужчин.

— О! — выдал Дакки и как-то странно побледнел. — Зря я проговорился, знал же, что дело кончиться плохо.

Драко вышел вперед и осматривал меня с ног до головы.

— Что ты сделала с телом? Что ты сделала с собой? — Рывкнул он так, что сотряслись стены замка. — Твои эксцентричные выходки отправят меня за грань раньше времени!

— Объяснить дашь? — Спросила я его, а сама поглядывала за плечо мужа, пытаюсь поймать взгляд Дариэна. — Как вы вообще догадались?

— Дакки проболтался, что выдал тебе тайну с семейным склепом, а потом ты таинственным образом исчезаешь и ни император, ни родители, ни Дариэн не знают, где тебя искать.

— Зачем вообще нужно было меня искать? — Устало спросила я и упала в объятия софы, мгновенно отрубившись. Потом мне рассказывали, что долго и упорно пытались разбудить, на что я выдавала какие-то непонятные фразы про то, что благородство — качество врожденное, альтруизм же — учёное извращение. После чего меня оставили в покое и перенесли в мою бывшую спальню.

Глава первая.

В фаворе натуральные блондинки!

... "Будь она хоть рыжая, лишь бы не крашеная", - сказал в свое время Шекспир. Ему вторит наш современник, популярный дизайнер причесок Никки Кларк: "Надоели эти дешевые, холодные блондинки — скучно, однообразно и безобразно".
«Сердцеед»

Я отсыпалась целые сутки, после чего моя Дара, такая румяная и посвежевшая, что прямо и не узнать, принесла мне такие любимые потертые джинсы и простого покроя рубашку с длинным рукавом без вышивок и рисунков. То, что надо!

— Привет! — Радостно поприветствовала я драконицу. — Ты вся светишься!

Дара смутилась, а потом присела на самый краешек кровати и несмело провела пальчиком по прядке волос.

— Вы теперь настоящая добрая волшебница, высокая и стройная, как тростиночка, с такими прекрасными волосами, с таким милым личиком, что так и хочется носить вас на руках и оберегать от всех опасностей. Я рада, что вы ко мне вернулись!

Я рассмеялась.

— Надеюсь, ты не станешь сама осуществлять сказанное?

— О, нет, что вы! Там в холле целый выводок драконов, жаждущих сделать это за меня. Дариэн приказал подать вам платье и спустить в надлежащем виде, да я-то знаю, что вы откажетесь.

Я уже сомневалась в том, что откажусь от платья, учитывая, что джинсы теперь были выше щиколотки и смотрелись немного нелепо.

— Нет, вам стоит остаться в таком виде, делегация одобрит ваш неповторимый стиль! — Прокомментировала Дара и уложила волосы в замысловатую прическу.

— Каскад! — Мечтательно вздыхала драконица. — Вы уж простите, но не сравнить с тем вороньем гнездом, что было на вашей голове раньше.

Я остановила взгляд на изображении в зеркале и невольно ахнула. Высокая худощавая блондинка с лицом-сердечком, голубыми глазками херувимчика и губками бантиком. Вроде я, но совсем другая я, как будто меня положили на прокрустово ложе и вытянули под его стандарты, а потом морили месяц-другой голодом и еще и перекрасили в эльфийку.

— Боже мой! — Воскликнула я, отчетливо проговаривая каждый слог. — Из огня да в полымя.

Дара порхала вокруг яркой бабочкой.

— Да что вы расстроились-то, такая красавица, такая беленькая, такая чистенькая. Вас уже заждались. Делегация. И слова Дары, наконец, дошли до моего воспаленного сознания.

— Какая еще делегация? — Спросила я удивленно.

— Из магической школы. Нужно срочно решить, как будут оборудованы классы для занятий, какие потребуются книги, магические артефакты, оружие! И самое главное — название для школы! Все-все обсудить нужно. Оох, — тараторила Дара без остановки, — можно и я с вами, я прям мышкой в уголочке, одним глазом.

— Хорошо, — согласилась я, совершенно ошеломленная развернувшимися действиями.

Вроде, только вчера мне устроили допрос за расхищение семейной гробницы и требовали разъяснений, прошли сутки, и уже делегация прибыла с бумагами.

Дара подталкивала меня к двери и продолжала трещать как заведенная.

— Ваш муж тоже присутствует. Дариэн говорит, что он вчера весь день что-то решал с императором наедине у того во дворце, и теперь Одинокий Замок на горе, наконец, заселиться. Это же тоже дом рода синих драконов, да никто там давно не жил, а теперь вы жить будете, семью заведете. Муж Ваш от работы недалеко устроился, до Обители от замка-то рукой подать, а вот Вам придется на выброс тратиться, до школы от Скалистого края путь не близкий. — И вдруг разрыдалась и упала мне на грудь. — Благодетельница вы наша. Неужто не будет больше таких брошенных сироток, как я? Неужто вы и вправду школу для отверженных драконов сделаете, да сам император там будет директорствовать?

Я слегка отстранила Дару от себя и погладила ее по голове.

— Да что это я? Совсем рассудка лишилась! — Воскликнула драконица и поправила на мне рубашку. — Промочила вам одежду, нескладеха.

— Перестань, Дара, никакая ты не нескладеха, — оборвала ее я, — ты самый добрый и преданный друг. Хватит уже реветь, сама говорила, нас делегация ждет, будешь вместе со мной слушать и все запоминать, а если умеешь, то и записывать.

Дара только руками развела от неожиданности.

Делегация от императора, а ныне директора нового учебного заведения, состояла из четырех драконов в строгой форме золотых цветов. Наглухо застегнутые сюртуки с воротником-стойкой, отглаженные брюки и кожаные портфели.

Ого! Настоящие дипломаты прошлого, — улыбнулась я про себя и подошла к столу.

Меня чинно поприветствовали, потом в холл вошли Драко и Дариэн, сели за стол и первое собрание педагогического совета началось. Я трепетала от нового чувства, а вернее целого наплыва чувств: собственной значимости, авторитетности, серьезного отношения к моему мнению. Дракон, который предоставил целый список вопросов от императора, представился, как заведующий по канцелярской и учебной части. С ним мы хотели подняться в библиотеку Обители Знаний и посмотреть, что можно найти интересного по магии для новых воспитанников.

— Директор Златодрагон предлагает вам место преподавателя магии стихий. — Перешел он к следующему пункту.

— Я с радостью принимаю предложение, но с одной оговоркой. Магию огня будет преподавать мой муж, у меня она отсутствует, совершенно.

— Но тут указано, что вы...

— Поверьте мне, уважаемый Каррадан, я говорю вам правду, и Дракориэль может подтвердить мои слова.

«Твой муж, между прочим, не соглашался на должность мага стихий»

«За мной должок»

Драко хищно улыбнулся, и вступил в разговор.

— Я не хочу, чтобы Маша тратила энергию на выброс до школы, поэтому каждое утро

лично буду привозить ее к ученикам. Мне не составит труда первыми уроками взять магию огня.

Каррадан удивленно приподнял тонкую бровь.

— Но вы будете задействованы в Обители Знаний. У меня не было приказа привлечь вас к деятельности школы.

Ох, уж, эти мне чиновники! Долго мы еще будем жить под гнетом страха и бояться принять самостоятельное решение?

— Я предлагаю компромисс, — не стал заострять внимание на словах Каррадана муж, — Я не такой сильный маг, как Маша. Ее помощь в обучении студентов академии мне будет необходима. Учитывая тот момент, что у некоторых драконов может обнаружиться действительно настоящий дар к магии, сильный педагог будет не лишним.

Дариэн тоже вступился за Драко.

— Вы прислали нам довольно-таки внушительный список имен абитуриентов, уважаемый Каррадан. Такое количество драконов на двоих преподавателей — это немыслимое начало.

— Вы не правы, Дариэн, состав преподавателей будет не таким малочисленным.

— Но позвольте, — удивился он, — где взять столько драконов-магов с изначальным умением ей владеть, если на весь наш мир их единицы.

— Вот эти единицы мы и задействуем. Не забыли, что и вы когда-то были сильны не только в знании.

Дариэн открыл рот.

— И кто же займется пробуждением моей магии? — С сарказмом и не глядя в глаза Каррадану, спросил он.

— Маша и Дракориэль. Император пожелал, извините, просил вас двоих подготовить сначала преподавательский состав, а уж потом приступать к прямым обязанностям. — Каррадан поднялся и стал складывать бумаги. — На сегодня все, я думаю, что все устали и хотят отдохнуть. Завтра мы начнем с библиотеки. Всего вам доброго.

Дипломаты откланялись и пошли в гостевое крыло.

— Как император скрутил всех, — обратился муж к Дариэну, — ты права была, Маша, когда попросила его о помощи. Не знаю, откуда в тебе талант предугадывать развитие событий, но без содействия Золотого Дракона вся твоя затея выглядела бы попросту нереальной.

— Дара, позови Дакки в стоповую и распорядись, чтобы гостям подали обед, — потом повернулся и посмотрел на меня так пристально, что я заерзала на стуле, — я оставлю вас Драко, нужно привести мысли в порядок перед семейной трапезой. — И вышел вслед за остальными.

Драко тут же бесцеремонно схватил меня и усадил к себе на колени.

— Ммм, как вкусно ты пахнешь, — прошептал он куда-то в шею и по телу побежали мурашки.

— Драко, что ты делаешь, нас могут увидеть. — Попыталась я вырваться из лап дракона.

— За тобой должок! А я изголодался по женскому теплу и ласке. — Драко оставлял на шею дорожку горячих поцелуев. — Я хочу, наконец, растопить Снежную королеву.

Я напряглась и попыталась отстраниться.

— Не хочешь для начала узнать, почему твоя жена стала ей?

Драко остановил свои попытки и встал, потянув меня за руку и до боли сжимая хрупкую кисть.

— Пошли.

— Эй, — пыталась я вырваться, — отпусти! Больно!

Но Драко бесцеремонно втолкнул меня в свой кабинет, захлопнул дверь и прижал меня к ней всем телом.

— Хватит надо мной издеваться, Маша! Я терпел, сколько мог! Твою взбалмошность, твои вечные поиски себя, твою измену! — Драко так сильно впивался ногтями в запястья, что на коже выступили капли крови.

— Я видел твое обнаженное тело рядом с другим, и это тогда, когда ты отдала мне всю себя в полете. А после нашей первой и единственной совместной ночи, ты снова убежала и стала лить слезы. Обо мне? Как бы ни так! Ты оплакивала себя любимую и искала того, кто тебя утешит, не меня!

Драко рванул рубашку, и я ахнула, прикрывая грудь руками и испугавшись, что в гневе муж может причинить мне настоящую физическую боль.

— Остановись! — Попробовала я закричать и вырваться из его рук. — Что ты творишь?!

— Всего лишь хочу получить компенсацию, — ухмыльнулся он коварно, — которую ты мне так любезно обещала, — металл в голосе плавился и источал жаркие пары, — и это всего лишь малая часть того, что я планирую взять с тебя за навязанные тобой обязательства.

Драко наклонил голову и впился в губы таким безжалостным поцелуем, что я застонала от боли, а потом вдруг отстранился и отвернулся от меня.

— Уходи!

Я стояла на подгибающихся ногах, прижимаясь к двери всем своим дрожащим телом, и не могла сделать и шага.

— Уходи, я сказал! — рявкнул он так, что эхо гулко пронеслось по темному помещению кабинета.

Мне хотелось прямо сейчас оправдаться перед мужем, но за что? Я не чувствовала своей вины, а в последние дни поступала так, как всегда поступал он сам. Но ведь Драко считал меня своей законной женой, в то время как я сама только начинала примерять на себя эту роль.

Мы начали совместную жизнь с закрытыми сердцами и оба были не готовы уступить хоть в чем-то. Пора уже сделать шаг навстречу. Хотя бы попытаться. — Я мысленно пожелала себе удачи и робко положила руку на спину Драко, провела тонкими пальчиками по позвоночнику, зарылась всей ладонью за пояс брюк и резко рванула ткань рубашки вверх, оголяя поясницу.

Драко не шевелился, только плечи расслабились, и голова чуть откинулась назад.

Я подошла к мужу вплотную и прижалась к нему голой грудью, потерлась затвердевшими сосками, слегка царапая ногтями плечи и шею, поцеловала лопатки, провела кончиком языка по трапециевидной мышце и услышала стон, хриплый и полный желания.

Драко развернулся ко мне и приподнял за подбородок лицо. Его глаза горели черным пламенем, пряди волос выбились из хвоста и пересекали скулы прямыми линиями.

— Играешь со мной? — Прохрипел Драко и сжал пальцы на моем лице.

Я смотрела в его глаза и расстегивала пуговицы рубашки, не прерывая зрительного контакта и возбуждаясь от такой смелости. Ноготком очертила соски на груди, спустилась к поясу брюк и расстегнула ремень. Драко дернулся, но я остановила его, приложив пальчик к

твердым, четко очерченным губам.

— Шшшш...

А потом растянула молнию, встала на колени и сделала то, о чем в тайне всегда мечтала. Взяла над этим гордым и самоуверенным драконом полный контроль, а он стонал в моих руках и плавился от моих ласк. Недолго! Пару раз, чертыхнувшись, и послав кого-то там к прадрконам, муж схватил меня за шкуру и дернул вверх с такой силой, что рубашка треснула по швам.

— Хочу показать тебе, как умеют любить драконы, — прошептал он хрипло и подарил мне первый нежный поцелуй, при этом сжав грудь так, что я застонала от боли и наслаждения.

И показал!

Я забыла обо всех наших ссорах и разногласиях, о тех непримиримых обстоятельствах, которые, казалось, развели нас по сторонам раз и навсегда, я поняла, что только этот дракон может доставить мне настоящее удовольствие, перемежая ласки и силу, боль и наслаждение, грубые рывки с такой нежностью, что хотелось плакать от счастья. И любить! Любить его так, как только он один этого заслуживает.

Глава вторая.

Как объяснить необъяснимое?

— Так же, как и объять необъятное.

— Будущим

— Тут нужно время и терпение, терпение, терпение. Поиски, поиски, поиски.

Или просто наплевать на это...

Обед в семейном кругу получился напряженным. Дариэн и Дакки ждали от меня объяснений, а я собиралась с мыслями и думала, о чем можно рассказать, а о чем точно стоит помалкивать. Драко же вообще смотрел только в тарелку и не проявлял к окружающему никакого интереса.

— Мы тебя внимательно слушаем, Маша. — Не дал отвлечься на пространственные размышления о браке и его последствиях Дариэн.

— Я действительно... (Что? Похитила тело Вольного? Оживила тело Вольного? Перепрятала? — это уж совсем бред). Тяжко вздохнув, я попыталась собраться с мыслями и идти от противного.

— Я не похищала его тела!

Дариэн молчал.

— Я просто... просто, оживила его.

Драко вздрогнул и нахмурился, не отрывая взгляда от тарелки. Да, что с ним такое!

— Но, послушай меня, это просто невозможно! — Вскричал Дариэн.

— Это бред! — Скривился Дакки. — Зачем врать-то. Скажи уже все, как есть!

— А как есть? — Решила идти я ва-банк.

Все снова замолчали, а я стала усиленно тыкать вилкой в овощное рагу, производя на

свет звуки скрипящего возмущения.

— Ты каким-то образом нашла мой семейный склеп, открыла дверь, хотя никто не может проникнуть туда без разрешения, достала тело Вольного и выбросила его? — Первым начал сочинять Дариэн. — Куда, Маша?

— Выброс с телом из семейного склепа не смогла бы совершить даже Маша, каким бы сильным магом она не была. Давайте послушаем версию с оживлением. — Скорее прорычал Драко.

Я вздохнула. Хочет снова оставить меня виноватой в наших с ним отношениях. А, может, боится, что могу уйти от него к Вольному?

— Тот камень, предназначение которого вы так и не поняли, — начала я без остановки, — был подарен мне Черным драконом, только много позже я поняла, зачем. Граненые бока обозначали грани жизни и смерти, существования в межмирном пространстве, там, где осталась после гибели Вольного его душа, где она служила источником чистой неиссякаемой энергии. Я смогла открыть камень и разговаривать с Вольным так, как разговариваю с вами, я использовала артефакт, чтобы разыграть то представление с огнем во дворце императора, а потом сам Вольный привез меня к склепу и открыл его для того, чтобы я могла проникнуть внутрь. Дальше все сложилось немного не так, как я того ожидала. Душа вернулась в тело дракона, но он сам отказался быть частью этого мира и ушел. Даже не спрашивайте, куда и как. Этого я никогда никому не скажу. Если бы Вольный хотел поделиться этим — он бы пришел и рассказал. Доброго дня, я в библиотеку и прошу больше никогда не поднимать этот вопрос в моем присутствии.

Повернулась к Дариэну и прошептала.

— Я пыталась его остановить. — И вышла.

Дни теперь летели с молниеносной скоростью. Я проводила с Карраданом все утро до самого обеда в библиотеке Обителю, подыскивая материал для первого полугодия, составляла расписание занятий, писала планы и летала во дворец, чтобы обсудить их с Златодаром.

Реконструкция дворца шла полным ходом, и гостевые комнаты были переоборудованы в покои учеников. Деревянная резная мебель сменилась обычными двухъярусными кроватями с прикроватными тумбочками и одним шкафом во всю стену. Никаких лишних удобств. Кабинет императора переоборудовали в кабинет директора Златодара и даже повесили соответствующую табличку, а гостиные и складские помещения в срочном порядке обрастали партами, полками с магическими зельями, порошками и артефактами.

На рынках и площадях шла оживленная торговля всем, что может пригодиться в обучении магии. Дворцовая утварь обменивалась на редкие книги, ингредиенты для зелий, завалывшиеся с древних времен артефакты, о которых драконы не вспоминали столетиями и которые пылились в кладовых и ящиках столов. По просьбе Златодара несли все, что может иметь хоть какой-то отношение к пробуждению магии населения, и не обошлось даже без комичных случаев. Так, например, один дракон предлагал купить у него ступу, которая при желании высекала магические искры и летает на далекие расстояния. Я и Драко лично проверяли ступу на глазах толпы драконов и развеселили всех так, что потом долго ходили слухи о нашем выступлении. Конечно, ступа оказалась абсолютно немагическим предметом, хозяина оштрафовали, но мы с Драко стали для жителей Города комедиантами и

простофилями.

Многие драконы возмущались тем, что скоро их дети будут учиться на равных с отпрысками отверженных, многие даже написали директору отказ от поступления в магическую школу. На это Златодар публично заявил, что каждый в этом обществе теперь несет ответственность только за себя, и если ребенок желает получить магическое образование, ему просто стоит прийти и открыть двери учреждения. Что драконы отделились друг от друга, и это привело к упадку всей страны в целом. Что он сам виноват в этом и собирается сделать все возможное, чтобы исправить нынешнее положение дел.

В итоге, только в одном классе насчитывалось около пятидесяти драконов в возрасте от десяти до двенадцати лет, а таких классов набиралось не менее дюжины. Разместить такое число школьников оказалось просто, а вот организовать их в группы и рассадить вместе по классам гораздо тяжелее. Дети отверженных драконов жались по углам и боялись роскоши столовой, холла и общих гостиных. С непривычки, они группками ходили по саду и с тоской выглядывали за высокие решетчатые стены ограды. Посадить их вместе с отпрысками из родовых замков и имений вообще не удавалось, что, в конце концов, привело к классовому разделению школы на две половины. Одну занимали дети отверженных драконов и бедняки с улиц города, которые пришли ради еды и крыши, а никак не за знаниями. Другая часть школы вместила в себя детей из родовых замков, имений и зажиточных домов, которые пришли сюда учиться и стать лучшими, которые не требовали лишнего времени и внимания на воспитание, на усмирение, просто на лишнее внимание и заботу.

Я все свое время посвящала решению проблем, которые сыпались на меня и Карадана с такой стремительностью, что мы забыли о сне, отдыхе и даже пище. Пришлось нанимать золотых драконов на службу в Охранку, которая теперь отвечала за безопасность учеников и вынуждена была пресекать стычки школьников и постоянные драки. Только после того, как одним пригрозили исключением и позорным возвращением домой, а другим — лишением благ крова и пищи, все более или менее наладилось, и начались уроки. Златодар не щадил учеников, заставляя их постигать «школу мудрости и школу жизни», и после его занятий драконы выходили с такими лицами, что мне хотелось их сразу развеселить и приободрить, но не получилось. От меня требовалась жесткая дисциплина на уроках и равное отношение ко всем. Чего хотела, то и получила. Зато мой первый урок вошел в летописи, как самый жестокий и поучительный.

— Сегодня мы с вами начнем с основ магии, которая нигде не описывается, но в итоге может победить любую, даже самую сильную магическую силу. Название я вам пока не скажу, вы мне его продемонстрируете на собственном примере. — Я сосредоточила энергопоток на кончиках пальцев и стала оплетать всех учеников тонкой ледяной проволокой с заостренными шипами. — Эта клетка, в которую я поместила всех вас, сжимается с каждой секундой, и только в ваших руках находится решение — погибнуть всем и каждому или спастись. До конца урока сорок пять минут, желаю удачи!

Я вышла, оставив пятьдесят драконов, которые разграничили пространство на два лагеря: отверженные и аристократы, а когда вошла в класс за пять минут до конца занятия, все пятьдесят жались друг к другу спинами и крушили острые ледяные шипы, кто чем мог: от оружия до несмелых выбросов магии огня. Дети спасали в первую очередь дракониц, поставив их в цент круга и уже не важно, из какого рода была эта девочка, какими титулами она обладала или не обладала. Мальчики, как настоящие взрослые драконы, приходили друг другу на выручку. Если кто-то не справлялся с шипами, то звал на помощь других, которые

тут же обрушивали на смертоносное оружие общую силу и магию.

— Великолепно! — Я взмахнула руками, и клетка осыпалась мелким ледяным дождем. — Сегодня вы освоили очень важный и самый главный урок в вашей жизни. Вы постигли магию дружбы, надеюсь, мне не придется повторять это занятие дважды. А теперь уберитесь, вместе и побыстрее. Впереди еще боевые навыки.

Преподавательский состав был набран всего за пару недель, столько оказалось желающих драконов пожить во дворце на дармовом содержании и внести свою лепту в новые методы обучения и образование. Все налаживалось и я, наконец, заслужила отпуск и рванула домой.

Скалистый край стал тем местом, куда стремилась моя душа, куда я сама рвалась в поисках тишины и свободы. Только эти островерхие снежные вершины со скудной чахлой порослью дарили мне покой, только в этих рощицах я могла тренировать свою магию, собирая энергию, как пчела нектар, из всей суровой окружающей красоты. Я научилась разговаривать с камнем и черпать его неиссякаемые источники питания, я открывала ладони к снежным вершинам и поглощала их холод и одиночество, и только солнечные лучи не ложились на лицо и тело ровным загаром, не трогали душу, не дарили свою энергию. Я навсегда потеряла связь с собой прежней и пыталась найти то новое состояние равновесия, в котором смогу отныне жить и существовать в этом мире.

Замок в скалистом краю стали именовать черно-белым. Отверженные драконы радовались, что он заселен: были задействованы лишние рабочие руки, как на территории самого замка, так и за его пределами. Дети и подростки были пристроены в Школу и Академию на весь учебный год до распределения. Кто-то останется в Магической Академии, кто-то пойдет в Боевую. Взрослые драконы, наконец, стали обзаводиться собственным жильем, вытесняя Диких все дальше на север. Армия Золотых Драконов теперь охраняла границ и строила защитные укрепления по ее периметру, и даже аристократы из родовых замков принимали все большее участие в жизни общества, организовывая пункты распределения энергии и вкладывая деньги и силы в развитие транспортных средств перемещения и постройку дорог за территорией Города.

Драко не было дома, и только слуги в полной тишине сновали из комнаты в комнату. Я распорядилась приготовить скромный ужин на двоих и впервые за многие два месяца задумалась о нашей совместной семейной жизни. Мы так мало времени проводили друг с другом, решая каждый свои проблемы, что на выходных чаще всего просто отсыпались в разных постелях и ели в напряженной тишине. Казалось, Драко ждет от меня каких-то слов или действий, а я не понимаю, чего он хочет.

Я не знаю, о чем говорить с собственным мужем! Что делать в его обществе? Как себя вести?

Он подавлял меня своей мрачностью и неразговорчивостью, угрюмым выражением лица, сведенными к переносице бровями. Я робела и терялась в его присутствии, вспоминая, как будучи студенткой, боялась даже взглянуть на нового преподавателя, дабы не совершить какую-нибудь глупость. Прошло столько времени, а события развели нас еще дальше друг от друга, и даже временное сближение не решало всех накопившихся проблем. Драко не

простил мое отношение к Вольному, он не понимал и не принимал того факта, что нас связывала крепкая нерушимая дружба и того, что я пошла ради него на риск лишиться навсегда магии. Он любил свой народ, трудился в Академии не покладая рук, старался во всем помогать и содействовать Златодару, но мы так и не смогли восстановить Источник. Расчистили место, где он когда-то бил из-под земли, вылили Слезу в воды, но не получили никакого отклика энергопотоков. Значит, Источник ждет омовения наших детей, и Дариэн уже не раз намекал на то, что пора бы исполнить свое предназначение до конца.

— Маша, — Драко слегка приоткрыл дверь и позвал меня, не заходя в комнату, — ужин на столе, я жду тебя.

И никаких слов приветствия, подумаешь, не виделась неделю.

— Иду, — буркнула я и пошла в столовую вслед за мужем.

После того, как мы благополучно очистили тарелки от мясного паштета с салатом, я все-таки решилась заговорить.

— У нас с тобой сложилась какая-то нехорошая тенденция к молчаливому совместному проживанию.

Драко приподнял одну бровь и потянулся за бокалом вина.

— Я думал так проще?

— Ты снова подумал и принял решение за нас двоих! — Возмутилась я.

— Кто бы говорил. Именно по твоей милости я целыми днями пытаюсь заставить этих малолеток выдавить из себя хоть искру магии.

— И как? — Посочувствовала я, вспомнив, как уже на первом уроке выявила драконов с высоким уровнем магии в стихии огня.

— Никак. — Вздохнул он устало. — Все настолько запущено, что за два месяца мы не продвинулись не на шаг, Маша. Они заучивают с Дариэном теорию, но на практике мы только-только научились уравнивать энергию, никак ее не преобразовывая. Скоро твои школьники будут гонять моих долговязых подростков искрами под зад.

— Эй! — Возмутилась я. — Не забыл, что должность преподавателя обязывает на соблюдение некоторых правил.

Драко откинулся на спинку стула и улыбнулся.

Уже достижение! Дальше — больше.

— Я думаю, что у детей источник магии разбудить гораздо проще, чем у подростков. Тем более многие из них переживают этап полового созревания, им еще сложнее найти равновесие в себе и сосредоточиться.

— А вот с этим у нас просто кошмарные трудности. — Подтвердил Драко мои слова. — Охранка устала разнимать целующиеся парочки и разводить их по разным углам.

Я смутилась.

— На тебя тоже нацеливаются?

Драко рассмеялся.

— Ревнуешь?

Я встала из-за стола и подошла к мужу, присев ему на колени.

— Ты только мой, пора бы уже понять это.

— Да ладно? — Драко запустил руки под рубашку и провел по позвоночнику. — Ты редко позволяешь мне в этом убедиться.

— Я буду убеждать тебя в этом на протяжении всех каникул, дорогой, — а потом обняла мужа и поцеловала его твердые горячие губы.

Волна счастья и радости разлилась от макушки до самых кончиков пальцев на ногах, и я поняла, что именно этого мне не хватало для того, чтобы обрести себя в этом мире, закрепиться здесь раз и навсегда. Спиться воедино и жить, просто жить и быть кому-то нужной, и дарить себя окружающим, получая от них благодарность и взаимную помощь и поддержку. У меня есть дом, семья, мои ученики, Дариэн, Дакки, Златодар и Дара. Эти драконы крепко держали меня за руки и не давали упасть в трудные минуты последних недель. Теперь осталось только последнее условие для счастья — обретение друга. И я, наконец, нашла этого друга в собственном муже. Я навсегда попрощалась с родителями, братом и многими другими, которые теперь живут в ином недоступном мне месте, но только легкая грусть напоминала о них. Я сделала правильный выбор, когда осталась здесь, когда шагнула в объятия мужа и поделила с ним всю себя без остатка.

Эпилог

Визитеры

Обстоятельств стечение,
Образует поток.
И даёт направление,
Наших в жизни дорог.
Обстоятельств стечение,
Нас толкает собой.
Нам диктует решение,
Что зовём мы судьбой...
Обстоятельств стечение,
Образует поток.
Я откинув сомнение,
Им плыву поперёк.
Ю. Марковцев

Почти год спустя.

Дариэн в очередной раз подивился, с каким рвением студенты покидают стены Обители, нынешней Академии магии, разбредаясь по домам на долгие каникулы. Многие из них уже не вернуться, так и не обнаружив за год в себе магических сил и возможности продолжить обучение. Но есть и такие, которые поразили всех педагогов внезапно открывшимися талантами в магии стихий и даже психическом аспекте личности. Один единственный дракон, но это уже результат! Юноша мог управлять эмоциями окружающих его драконов и за год освоил радость, горе, страх и гнев. Да, впереди еще много чего, с чем столкнется юный маг-дракон, но на то они здесь и поставлены, чтобы показать наиболее приемлемое использование магии и аспекты, в которых вмешательство недопустимо.

Он будет скучать по шумным разговорам и спорам в коридорах, веселью и сосредоточенному жеванию в столовой, по дебатам, которые студенты устраивали в общих гостиных. Даже по турнирам, которые Драко и Дакии организовали в оружейной, и на которые приезжали посмотреть многие богатые и родовитые драконы.

За этот год столько всего произошло, что Дариэн в который раз порадовался продленному сроку своей жизни. Спасибо, Маше. Эта юная драконица вошла в их жизни подобно смерчу, сметая на своем пути все привычное и неизменное, привнося в жизнь боль и радость, счастье и страдание. Из-за нее он лишился горячо любимого сына, но она же подарила ему новый смысл жизни. Она и Драко. Эти двое трудились без остановки, чтобы поставить Школу и Академию на ноги и Дариэн был благодарен им. Хотелось ему пожать руку еще кое-кому. Златодар был узником во дворце, как он сам в Обители Знаний, но их переписка теперь была насыщена не угрозами, а спорными вопросами и их взаимным урегулированием. Да, все налаживалось. Наконец, мирная жизнь начала приносить драконам радость и удовлетворение. Всем драконам!

— Дариэн, к вам с визитом, — как-то пугливо отчиталась служанка и пропустила в кабинет трех драконов в черных длинных плащах. Они одновременно откинули капюшоны, и Дариэн увидел лысые черепа с черными татуировками от виска к скулам. Ничего хорошего эти символы на лице не сулили.

— Чем обязан? — Сухо поинтересовался ректор Академии.

— Доброго времени суток. — Проскрипел самый крупный из троицы, и растянул губы в зловещей ухмылке. — Рад встрече. Мы к вам по очень важному делу и хотели бы поговорить незамедлительно. Я Гондр. — Поклонился и взмахом руки призвал себе стул.

— Я не уверен, что хочу этого. — Дариэн присел за стол и сложил руки перед собой.

— Вам придется меня выслушать! — Сделал дракон ударение на слове «придется», и снова противно ухмыльнулся.

Ну и тип. Так и хочется съездить кулаком по этому хищному оскалу.

— Вам не первому хочется. — Как-то равнодушно бросил Гондр, — а теперь очень внимательно выслушайте меня, я не привык повторять дважды.

Я из Черного Омута — это огромный развитый континент за горами и начинается он прямо за территорией Диких драконов.

Дариэн что-то удивленно воскликнул.

— Да, вы многого не знаете, но за последний год, я смотрю, изменения на лицо. Наш континент населяют черные драконы — предки прародителя нашего и его прямые потомки. Не перебивайте меня, уважаемый ректор, мое терпение не долговечно. — Махнул рукой, затянутой в черную кожу Гондр, и продолжил говорить.

— Мы самый сильный и самый развитый род драконов во всем этом мире, мы тайно наблюдаем за всеми другими континентами и иногда вмешиваемся. Сейчас именно такой момент — крайне важный не только для всех местных жителей, но и для вас в частности.

— Почему именно для меня? — Удивился Дариэн.

— Магия черных драконов сильна во многом, но есть один огромный недостаток. Вы прекрасно знакомы с теорией, что когда чего-то одного много, то в другом явно будет не хватать. Так, вот нашему роду не хватает чувств. Наши эмоции не развиты и находятся в зачаточном состоянии. Черные драконы самые рациональные и самые хладнокровные драконы во всем этом мире, но они никогда не влюбляются, не ненавидят, не гnevаются. Нам знакомы эти чувства, но в самом слабом их проявлении.

— Бред какой-то.

Гондр резко рассмеялся.

— Вот, например, я испытываю к вам резкое чувство неприязни, но ни во что другое это никогда не перерастет, — пояснил он, глядя на Дариэна. — Именно поэтому наш род вымирает, причем так стремительно, что через пару сотен лет мы вырем окончательно. Это грозит войнами во всем мире драконов, нестабильными выбросами энергии, прекращением выработки энергопотоков из окружающей среды, неконтролируемыми перемещениями меж мирами.

— Хотите сказать, что вы контролируете образование энергии в природе? — Удивился Дариэн.

— И не только, — кивнул головой Гондр, — еще раз повторю, род черных драконов самый развитый, и нам подвластны все континенты этого мира, так же некоторые иные миры.

В последнее время мы искали драконов с высоким уровнем эмоционально-психической

магии. Нам необходимо влюбить наездниц в их самцов, влюбить настолько сильно, чтобы они захотели продолжения своего рода.

— Кхм.. — Смутился Дариэн. — Атак не хотят?

— Нет, в этом нет необходимости. Не было. — Добавил Гондр и поморщился, как от зубной боли.

— Так чего вы хотите от меня? — Развел Дариэн руками.

— От вас, ректор, мне нужно только согласие на мой ультиматум.

— Очень интересно, — рассердился дракон, — в чем же он состоит?

— Недавно мы начали вести поиски драконов с нужной нам магией за пределами этого мира и натолкнулись на некоего. — Гондр сделал паузу, и постучал пальцами по подбородку. — Вольного.

Дариэн вскочил из-за стола и подошел к лысому вплотную.

— Шутите? Мой сын мертв! — Отчеканил ректор.

Гондр вместе со стулом передвинулся к окну и продолжил.

— Ваш сын вполне себе жив и находится в ином мире, человеческом, если быть точнее.

— Не может этого быть, как он попал туда?

— Этого я сказать не могу, спросите лучше его самого. Вам представиться такой случай.

Дариэн сник. Его сын жив, жив и здоров! Почему Маша не сказала, где его мальчик, почему промолчала, что он шагнул в иной мир. Стоп! Но Врата запечатаны, даже Маше не под силу снять с них заклятие. Как Вольный попал к людям, где нашел портал?

— Я готов выслушать все, что вы мне предложите, — наконец, произнес он тихо.

— Отлично. — Равнодушно отчеканил Гондр. — Именно на это мы и рассчитывали.

Ваш сын обладает нестандартной магией, он умеет заставлять людей влюбляться в него — безумно, необдуманно и безответно.

— Что вы такое говорите! Мой сын не монстр! Он всегда был чутким и добрым мальчиком. — Закричал Дариэн.

— Был. — Произнес Гондр. — Теперь нет. Он влюбляет в себя жертву и заставляет делать все, что захочет, питаясь энергией прямо из души объекта.

— Нет! Почему? — Дариэн уронил голову на руки. — Мой сын, мой ребенок!

— Я должен вам посочувствовать, ректор, но, к сожалению, не могу. Чувство жалости нам неизвестно так же, как чувство любви.

Вольный нарушает законы и привлекает к себе много внимания. У вас есть три месяца для того, чтобы образумить сына. По истечении этого срока мы заберем Вольного в Черный Омут на пожизненное рабство.

Дариэн в отчаянии смотрел на Гондра, понимая, что не сможет помочь своему ребенку.

— Врата закрыты, как я проникну в мир людей?

— Вам не придется. Вольного мы изолируем в ближайшее время и поселим пока на нейтральной территории. Вы можете посетить его в тюрьме и поговорить с ним. Один раз! Если разговор возымеет силу, то дракона отпустят, с тем условием, что он больше никогда не вернется в человеческий мир, думаю, он и не стремился туда. Мы запечатаем его магию навсегда и отпустим на все оставшиеся три континента.

— Это жестоко! — Воскликнул Дариэн.

— Это справедливо. — Перебил его Гондр. — Учитывая немалый список его жертв.

Но есть и другой вариант. Более перспективный для Вольного и для вас. Он будет преподавать в Академии, и обучать эмоциональной магии всех драконов, а одаренных

особенно. Среди года делегация черных драконов будет проверять результаты и достигнутые успехи. Если нас устроит уровень подготовки и проявление магии, то мы оставим Вольного на посту преподавателя, а вашим студентам предоставим уникальный шанс — посетить Черный Омут, узнать об этом мире много интересного, познакомиться с драконами Загорья — самыми сильными и могучими. Лучшие будут удостоены приема во дворце Коршуна и научат его дочь любить. После этого дракон сам выберет свой путь и получит от нас помощь в осуществлении карьеры, дом, золото.

Гондр встал и надел капюшон на голову. Свита повторила его действие жест в жест.

— Всего один разговор. Постарайтесь убедить своего сына больше не совершать непоправимых ошибок. За вами пришлют. Всего доброго. — Гондр откланялся и вышел за дверь, а Дариэн остался сидеть в кресле и размышлять о том, как в одно мгновение радостная, спокойная и счастливая жизнь может разлететься на мелкие осколки.

Он не представлял, как Вольный мог опуститься до подобного — питаться душами живых людей, пить их волю, делать из них рабов. Теперь ему самому грозить жестокая участь — стать чьим-то рабом, получить пожизненное заключение в Черном омуте, прислуживать могучему роду, который не знает жалости и любви.

Или же преподавать в Академии магии, обучая студентов и каждодневно сталкиваясь с драконами, которых он возненавидел, которые убили в нем все хорошее, которых он готов лишить любви навсегда.

Дариэн прекрасно понимал, что чувства Маши и Драко будут для его сына мучением и пыткой. Но не мог простить того, что его сын пал так низко! Что же делать? Бросить Вольного на произвол судьбы. Заставить самому отвечать за свои поступки? Или же вернуть домой силой, и подвергнуть такой боли, от которой непременно пострадают окружающие.

Один разговор. Одна встреча. Одно роковое решение.

Комната поражала своим роскошным убранством и богемным видом. Огромная площадь с панорамными окнами, пол застелен светло-бежевым ковром с замысловатым рисунком, и мягкий ворс приятно щекочет босую ногу. Мебель вписана в интерьер так, чтобы бросалась в глаза одна кровать — круглая, с резными изогнутыми ножками и спинками, застеленная небрежно завернутым золотистым покрывалом с изображением красного дракона. С потолка свисают на витых шнурках разноцветные фонарики, одни из них подвешены к самому потолку, других можно легко коснуться руками. Деревянные панели украшены фотографиями из страниц какой-то книги. Язык незнакомый, скорее похожий на завитушки и загогулины, оставленные неумелой рукой ребенка. Некоторые абзацы подчеркнуты красным карандашом и чаще всего символ, напоминающий разбитое сердце.

Девушка зачарованно разглядывает открывающийся пейзаж за окном: снежные шапки гор будто плывут в туманной дымке, а под ногами скалистое ущелье, обрыв, невероятная пустота, где дно — серый ледяной поток, с шумом разбивающийся о камни.

— Нравится? — Спрашивает мужчина, который с первого взгляда зачаровал ее своей неповторимой красотой. Он стоит в расслабленной позе, прислонившись одним плечом к косяку двери и скрестив на груди руки. Его светлые локоны, выгоревшие на солнце, падают на лоб и закрывают шею, но от этого создается впечатление, что мужчина еще сексуальнее и притягательнее из-за этих плавных и мягких линий, которые переходят в четко очерченные

скулы и твердый подбородок. Но самое прекрасное на этом лице — глаза. Яркие и неповторимые, цвета меда, притягательные и зовущие. Они шепчут тебе слова любви и обещания райского блаженства, они влекут и манят, они опьяняют глубиной и засасывают, словно в омут. И тогда хочется сделать все, чтобы ни попросил их хозяин.

— Распусти волосы. — Произносит он, слегка приоткрывая губы.

Девушка поднимает руки с тонкими красивыми запястьями, запускает пальцы в прическу и черные пряди рассыпаются по плечам. Она знает, что ее внешность заводит мужчину, ведь в самую первую их встречу, он сказал, что ее голубые глаза так прекрасно смотрятся в сочетании с этим насыщенным черным цветом волос.

Встряхнув головой, девушка кладет волосы на плечо и снова тонет в его медовом взгляде. Ей хочется есть из его рук, встать на колени и просить облегчить ее страдания, насытить тело и душу.

— Медленно! Разденься! — Приказывает он грубым голосом и смотрит, как красный шелк платья летит к его ногам.

Мужчине нравится смотреть на то, как жертва подчиняется любому его жесту, как эта самка плавится под его взглядом и раздвигает ноги в надежде на то, что получит желаемое. Его возбуждает не она сама, а та сила, которая сейчас плещется внутри него и требует незамедлительного выхода наружу. Но, нет, не сейчас. Он потерпит до вечера, он пока не наигрался с этой малышкой. Высокая и стройная, с гривой черных шелковистых волос и яркими пронзительными голубыми глазами, эта девушка так напоминала ему ту, другую, из-за которой он вынужден существовать в этом мире, выживать и приспособливаться. Она бросила его, предала и оставила умирать мучительной медленной смертью, но он не сдался. Не зря его дар в магии с детских лет называли особенным, уникальным, редким и необъяснимым, но то были лишь крохи того, чем он владеет сейчас. Пьянящая сила подарила ему контроль над всеми самками этого жалкого умирающего вида, и он не щадил не одной из них. Первые выбирались наобум, в барах и ночных клубах, где он заливал виски мысли и воспоминания о прошлом, глушил спиртным боль от потери любимой женщины.

Любовь! Такое всеобъемлющее многогранное чувство, которое призвано нести с собой счастье и радость слияния со второй половинкой, покой и умиротворение рядом с тем, кого ты по-настоящему любишь. Но ему это чувство принесло лишь разрушение и острую как игла боль. Она ввинчивалась в мозг и сердце, выворачивала наизнанку душу, сдирала заживо слой за слоем с него самого, пока, наконец, не остался только обугленный скелет: жестокий, равнодушный и лишенный жалости, остов, который нарастил на себя новую кожу и обрел новую личину. Да, он действительно стал другим, неузнаваемым в отображении зеркальных поверхностей и закрепил свой триумф первой жертвой.

Девушка под села к нему за столик и нахально улыбнулась.

— Угостишь выпивкой?

Он ничего не сказал, а просто кивнул головой и пристально посмотрел в глаза незнакомки, впервые увидев то, что было скрыто от него в родном мире — ее душу, наполненную мягким серебристым свечением. Он мысленно соединился с этой неуловимой субстанцией и попробовал на вкус. Горькая струя наполнила рот и оставила терпкий привкус попыни. Значит, эта девушка его не интересует — давно испорченный товар, но ради эксперимента можно и поиграть.

— Поднимись в номер-люкс и жди меня там, — и протянул ей ключ-карту. А потом поднялся следом и зачаровал свою жертву, приказывая ей делать то, что возбуждало

фантазию и будило аппетит. Девушка ушла на следующее утро, оставив после себя пробудившуюся магическую силу и опустошенную душу. С каждым разом он выбирал все тщательнее, получая теперь не просто удовольствие, а истинное наслаждение и выпивал теперь всю душу без остатка, без сожаления.

Сегодняшняя жертва была особенной. Для пресыщенного и взыскательного вкуса немного юна и неопытна, деньгами не владела, особыми талантами не отличалась. Но поразило то, что мужчина скорее почувствовал ее, нежели просто увидел. Тонкий аромат сирени и жженого сахара дразнил аппетит. Яркая внешность, высокий рост и пышные формы скрывали ее хрупкую натуру, молодость и невинность. Самочке было не больше семнадцати — незрелая и юная, она пленяла его и манила в ответ. Странно. Такое было с ним впервые. До этой девушки ни одна не вызвала в нем такой бурный отклик. Как жалко будет расставаться с этой пташкой, как не терпится выпить ее до дна, но сначала обнажить душу и просто посмотреть, какими оттенками и гранями она переливается.

Мужчина подошел к жертве и склонился к ее алым раскрытым губам.

— О, мой любимый.

Скривился.

— Зови меня Вольный Дракон.

Девушка прижалась к мужчине всем телом, заглянула в омут янтарных глаз и прошептала:

— Люби меня, Вольный Дракон.

И дракон любил. Страстно, безудержно и яростно. Так, как не любил и не умел прежде. Жертва уже не была просто жертвой, она стала желанной и необходимой, она согрела ледяную душу и пробудила к жизни чувства, которые он и не смел вспоминать.

— Кто ты? — прохрипел дракон, сжимая в объятиях хрупкую фигурку.

— Элана, — прошептала она и доверчиво уснула на его плече.

— Я сохраню тебе жизнь, Элана, я буду пить тебя медленно по капле, пока ты не подаришь мне всю себя без остатка.

Звук срываемой с петель двери заставил дракона выпустить девушку из рук и вскочить с кровати.

— Здравствуй, Вольный! — Поприветствовал его мужчина в черном балахоне с абсолютно лысым черепом. — Вынужден прервать твои развлечения.

— Кто ты? — Зарычал Вольный.

— Тот, кто с данного момента распоряжается твоей жизнью, сосунок! Взять его! — Заорал дракон и метнул на Вольного взгляд, полный презрения, а потом подошел к девушке и кивнул на нее одному из приближенных.

— И эту прихвати. Явно не из местных. Доставь в Академию вместе с посланием, пусть Дариэн разберется со степенью магического опьянения и восстановит ее. — Гондр противно ухмыльнулся. — Из этой самочки получится отличная драконица!

От автора:

Мир драконов интересен и многогранен, но открывать все его секреты с первых страниц книг мне не хотелось, и теперь я тоже лишь приоткрою завесу тайны.

Много веков назад в одном из параллельных миров родился дракон. Кто оставил в горах яйцо и как этот кто-то оказался там совершенно не секретно, а даже наоборот всем и каждому известно. В одной продвинутой академии студенты выпускного курса археологически-артефактного факультета очень шумно отпраздновали свой выпуск прямо в лагере раскопок, где за последние месяцы обнаружили немало диковинных яиц размером с надувной мяч для игры в водный волейбол. Ректор академии строго-настроено запретил приближаться к находкам и поставил к палатке охрану до той поры, пока не выяснится, кому принадлежат яйца и кто из них, в конце концов, вылупится.

Выпускники немного выпили, и завязалась известная во всех мирах игра «В бутылочку», но только тот, на кого показывало горлышко бутылки, должен был не просто поцеловать крутящего, а посоревноваться с ним в магии. Направление магии выбирал ведущий, который в этот вечер был уже порядком нетрезв, возможно, именно это повлияло на исход событий и рождение нового вида драконов и нового мира.

— Вильгельм, ты отличный пространственный маг, я в тебя, ик... верю. Поэтому ты выкрадешь яйцо из палатки и отнесешь его в параллельный мир, а потом вернешься и дашь наводку Спарту.

Раздался возмущенный гул девушек, но потом все уступили. Правила есть правила, никуда не деться, раз сели играть в игру. Выйти теперь можно только тогда, когда круг завершится, и каждый крутанет бутылку.

Вильгельм был не просто отличным пространственным магом, он был одним из лучших, и угораздило же его попасть на Спарта — его извечного завистливого противника. Но делать нечего, и парень поднялся с колен.

— Работаем быстро, Спарт.

Тот лишь ухмыльнулся и надменно кивнул.

— Охрану я сниму с помощью морока, нашлаю его всего на минуту, хватит, чтобы схватить яйцо и рвануть в портал. Приду — дам наводку и по свежему следу за мной.

— Только не поддаваться... ик... игра есть игра. — Вклинился ведущий.

— Никто и не собирался, — махнул рукой Вильгельм, чувствуя, что вся эта затея выйдет ему боком.

А потом случилось то, что с пространственным магом высочайшей квалификации практически никогда не случается. Находясь под парами спиртного, Вильгельм сам вдохнул морок и шагнул в портал полностью дезориентированным. В итоге оказался в неизученном параллельном мире с искривленными координатами и не смог выбраться. Вернее, пытался и не один раз, но все создаваемые порталы вели в закрытые абсолютно неразвитые миры с исходными данными координатами. Ни в одном мире не было магических существ, только люди, простецы или давно лишенные магии отступники.

Пока Вильгельм метался от одного мира к другому, в поисках выхода из этого замкнутого круга, яйцо оставалось там, где его бросили, высоко в горах, на солнцепеке, среди засохших веток и застрявшей в них травы. То ли климат этого места повлиял на то, что из яйца вылупился дракон, то ли энергия, привлекаемая пространственным магом, повлекла

за собой появление птенца, но чудо свершилось. Яйцо треснуло, и на свет вылупился первый коренной житель этого мира — черный дракон — самец, с мелкими плотно прилегающими друг к другу чешуйками, красными зрачками-щелочками, чихающий огненными искорками. Вильгельм услышал писк ящера, когда укладывался спать в том же сухостое, переоборудованном под шалаш, и с удивлением воззрился на птенца.

— Вот это сюрприз. Дракон! Настоящий дракон редкой масти. Тебя бы отправить домой, малыш, но, кажется, мы тут застряли.

После нескольких бесплодных попыток найти дорогу в свой мир, Вильгельм решил остаться среди людей и зажить, как обычный простец. Решение далось не без труда, но оставаться одному в бескрайних просторах абсолютно пустого мира тоже «не улыбалось». На прощание Вильгельм напитал черного дракона магией и напоил своей кровью. Этот древний обряд изучали только пристрастенники, и сейчас Вильгельм порадовался, что может подарить этому дракону часть своей души. А потом стер координаты этого мира и обнулil их, чтобы уже никто не смог войти сюда без разрешения, только выйти. Хорошо, что Врат осталось несколько, подрастет дракон, освоится с магией и начнет путешествовать по мирам. Может, его жизнь сложится более удачно, чем у самого Вильгельма.

Черный дракон вырос и нашел себе самку, которая села на спину дракона и единилась с ним в полете, выпив драконье крови и став первой наездницей и матерью всех драконов. Так, и началось заселение земель нового мира.

Черный Дракон разослал своих сыновей и дочерей по четырем сторонам света, на четыре континента, где стояли Врата, оставленные пространственником, и запечатал границы.

— Никогда ни один из них не встретит другого, пока в самом сердце этого мира будет жить мир и любовь. — Написал праотец первое пророчество на камне и запечатал его своей кровью.

Скала и прилегающие к ней зеленые холмы и плодородные равнины, посреди буйного океана, были заселены самими сильными и магически развитыми драконами. Здесь были открыты границы и доступ ко всем четырем континентам.

— Это сердце мира. Здесь будут править мои прямые наследственные потомки — Черные Драконы. И только на том континенте, где родится спустя много веков, черный дракон, получают они помощь и поддержку, но никогда не попросят ее у тех драконов, чья кровь будет разбавлена и магия тонка, как паутина. И запечатал второе пророчество в плодородной земле, и нарек тот остров Черным омутом, и одарил его великой силой поглощения энергии, но назад эта энергия никогда не возвращалась.

Вырастали черные драконы магически одаренными и физически крепкими, но год за годом все менее восприимчивыми к собственным детям и все более погруженные в межмирные отношения и урегулирования конфликтов на континентах.

Черный Дракон любил тот скалистый край, куда его занесла судьба, и не покидал до самой смерти, одарив его особой силой. Перед смертью наполнил он воды одного из источников своей кровью и в выстроенном Храме запер свою душу, чтобы служила она драконам, посылая в мир чистую энергию и силу. Только высшая магия могла разбудить и призвать Черного Дракона, только один раз, перед уходом за грань миров, он в последний раз сможет сразиться со злом и разрушением, а потом покинет навсегда чертоги Храма и уснет спокойным сном, отдав этому миру все, что смог.

Черный Дракон знал, что пройдет не одна тысяча лет, прежде чем начнутся войны за

территорию континентов и истончающуюся и вымирающую магию, но надеялся, что к тому моменту решение отыщется и энергию начнут вырабатывать с помощью ему самому неизвестного способа, а пока будут долгие годы равенства, мира и покоя.

Итак, Черный Дракон оказался прав, магия вымирала вместе с потоками энергии, но появилась драконица, которая нашла новый источник в самом прошлом этого мира. Она восстановила справедливость на континенте столь любимом прародителем и получила от него дар — душу своего друга. Но, как известно, ни одна душа не возвращается в тело прежней, а изменения бывают роковыми.

Что случилось с Вольным и его душой? Как падут печати между континентами, и к чему это приведет? Что случилась с правящим кланом Черных Драконов, и кто сможет им помочь?

На все эти вопросы вы найдете ответы в новой книге серии, где автор откроет еще не одну загадку этого прекрасного мира, населенного гордым и непримиримым народом драконов.

Больше книг на сайте — Knigolub.net